

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНІЙ
Я. П. ПОЛОНСКАГО

ВЪ ПЯТИ ТОМАХЪ.

Изданіе просмотрѣнное авторомъ.

Съ двумя портретами, гравированными на стали

Ф. А. Брокгаузъ въ Лейпцигѣ.

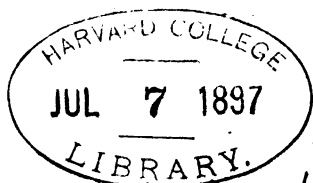

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1896.
Изданіе А. Ф. МАРНОА.

Slav 4350, 5.1

Minot fund.

Типографія А. Ф. МАРНА, Ср. Подъячск., № 1

Произведения 80-хъ и 90-хъ годовъ.

Куклы.

Лѣсныя чары.

Собаки.

Правда и Кривда.

Анна Галдина.

Мечтатель.

КУКЛЫ.

Сирота и вчерашній ребенокъ,
Завитой и одѣтый по модѣ,
Бѣдный ангель съ завистливой думой
И—мечтательный бѣсъ по природѣ,

Вотъ—она, что когда-то сердито
Мнѣ внимала, потупивши глазки,
Для которой безсонныя думы
Наряжалъ я въ нестройныя сказки.

Въ этихъ сказкахъ правдивая нотка
Иногда такъ задорно звучала,
Что она,—то, какъ ангель, смущалась,
То, какъ бѣсъ, свои губы кусала.

Ахъ! когда-то вчерашній ребенокъ
Пересталъ быть, какъ ангель, прелестнымъ,
Пересталъ быть и бѣсомъ опаснымъ,
И, какъ призракъ, исчезъ—въ неизвѣстномъ...

Только сказокъ домашняя проза
 Отыскалась въ забытой тетради;
 Эту прозу я въ рюемы одѣну
 И пушу ее въ новомъ нарядѣ.

— Вотъ вамъ первая сказка:

I.

Недалеко, въ одномъ глупомъ царствѣ,
 Какъ въ игрушечной лавкѣ, не мало
 Расплодилось хорошенькихъ куколъ;
 Но одна всѣхъ красой затмевала.

Такъ былъ свѣжъ ея тонкій румянецъ,
 Такъ вились ея пышныя булки,
 Что одна мнѣ знакомая, Дуня,
 Всей душой предалась этой куклѣ: —

Увидала ее, обомлѣла,
 И съ собой въ экипажъ посадила,
 Увезла, назвала ее Фаней,
 И въ своемъ уголкѣ пріютила;

Для ея пестрыхъ юбочекъ шкафикъ
 Заказала, купила ботинки...

«Ма-ма, ма-ма!»—пищала ей кукла
(Отъ нажима какой-то пружинки).

Она двигалась вся на пружинкахъ
И не куклой—живой представлялась,
И легко ее было испортить—
(Впрочемъ, порчи она не боялась...)

Долго-долго хорошенькой куклѣ
Беззаботно жилось, безтревожно,
Безъ тоски, безъ страстей,—такъ, какъ людямъ
Жить на свѣтѣ едва ли возможно.

Но—увы! — это только казалось:
Всякій разъ, какъ ее на подушку
Клали спать-почивать, какъ малютку,
Какъ цвѣтокъ, какъ фарфоръ, какъ игрушку,

Всякій разъ, какъ смыкались рѣсницы,—
Наплывалъ на нее рой мечтаній:
Жажда благъ неизвѣданныхъ,—жажда
Неземныхъ и земныхъ испытаній.

Впрочемъ, грѣзы ей спать не мѣшали;
И всѣ сны ея были такъ сладки,

Что ни разу она не видала
Благодатнаго свѣта лампадки, —

Не слыхала ни разу, какъ няня
Дорофея молилась иконамъ,
И какъ грудь ея тяжело вздыхала
Вслѣдъ за каждымъ усерднымъ поклономъ...

II.

Мама куклы, веселая Дуня,
Ростомъ выше была и живѣе;
Одѣвалась пестро и носила
Золотое сердечко на шеѣ;

И болталось, болталось, болталось
То сердечко на тонкой цѣпочкѣ;
Въ немъ таился какой-то портретикъ,
За стекломъ, въ золотомъ ободочкѣ.

Говорять, что ей нравился Шурка, —
Мальчуганъ, что въ высокихъ хоромахъ
Обиталъ и — не въ мѣру богатый,
Быль изысканно-глупъ, но — не промахъ...

Этотъ Шурка въ ея именины
 Подарилъ ей—не вазу съ цвѣтами,
 И не чайный сервизъ, и не книжку,
 Въ голубомъ переплетѣ, съ стихами,—

Подарилъ онъ ей собственный замокъ —
 По механикѣ сущее чудо:
 Вѣялъ флагъ надъ его красной башней,
 Въ окнахъ стекла сіяли, какъ слюда...

А кругомъ были клумбы, бесѣдки,
 И зеркальный прудокъ съ лебедями,
 И лужокъ, на которомъ павлины
 Распускали свой хвостъ вѣрами;

Отливали зеленою фольгой
 Ихъ красивыя, гордыя шеи;
 Былъ диванчикъ въ тѣни... билъ фонтанчикъ...
 Словомъ, разныя были затѣи.

Нашей Фанѣ весь день изъ-за двери
 Виденъ былъ этотъ замокъ даренный;
 И не разъ она съ милою Дуней
 Удивлялась постройкѣ мудреной;

Особливо она удивлялась,
 Когда въ замкѣ, подъ сводами зала,
 Начиналъ пѣть органъ, и сливался
 Голосъ пѣсни съ мотивами бала.

Мальчуганъ Шурка, Дунинъ любимчикъ,
 Хоть и былъ мелюзга,—сталъ казаться
 Томной Фанѣ большимъ человѣкомъ,
 И она его стала бояться...

И, хоть былъ онъ великій невѣжда—
 Дуня явно его баловала:
 То конфетку ему подносила,
 То сердечко ему раскрывала...

«А, такъ вотъ оно что!»... размышляла
 Про себя наша Фаня... «Мнѣ стоить
 Богача полюбить, и—конечно,
 Онъ такой же мнѣ замокъ построить».

III.

Кукла Фаня замѣтно глупѣла,
 Кой-чего, можетъ-быть, и стыдилась;

Но одѣта была въ шелкъ и въ бархатъ,
И—для каждой гостинной годилась.

Гости Дуни, соперники Шурки,
Часто около замка бродили
И, должно-быть, отъ скуки, на Фаню
Все вниманье свое обратили...

Разглядѣли (Всевышній не даромъ
Даль носы и глаза каждой куклѣ)—
Разглядѣли они ея свѣжесть
И ея шелковистыя бубли.

Первымъ сталъ куртизанить гусарикъ, —
Удалецъ (деревянный, конечно),—
Онъ гордился своимъ усамъ
И свой ментикъ носилъ безупречно.

Полюбивъ нашу куклу, онъ началъ
Напѣвать ей такіе куплеты,
Что она поневолѣ спросила:
— Отчего у него нѣтъ кареты?

Отвѣчалъ ей наивный гусарикъ,
Глядя вдаль (гдѣ топилася печка):

— У меня есть парадная лошадь,
 Съ вензелями чапракъ и уздечка,

А кареты—не ма! потому что
 Не богатъ я, изволите видѣть...
 Усмѣхнулась красавица-кукла,
 Не желая героя обидѣть...

Деревянный гусарикъ недолго
 Напѣвалъ ей то справа, то слѣва:
 Разъ, вернувшись домой, онъ свалился
 И воскликнулъ: «коварная дѣва!»

И затѣмъ, говорятъ, двѣ недѣли
 Онъ лежалъ, и лежалъ нераздѣтый,
 Ни ботфортъ не снимал, ни сабли,
 Какъ герой, красотою отпѣтый.

IV.

Вслѣдъ за пылкимъ героемъ явился
 Къ ней съ улыбкой другой волокита,
 Докторъ,—мастеръ лѣчить модныхъ куколъ,
 Такъ чтобъ все было шито и крыто.

Говорять, что онъ весь былъ изъ папки
 (Кромѣ перстня, часовъ и медали),
 Что онъ долго служилъ бонбоньеркой
 И стоялъ на пустомъ пьедесталѣ.

Что когда-то капризные дѣти
 Обожали его за гостинцы;
 Самъ же онъ говорилъ, что отъ кашля
 Спасены имъ какіе-то принцы.

Приложивъ къ куклѣ жадное ухо,
 Разъ онъ такъ придавилъ ей спинку,
 Что она чуть не вскрикнула: ма-ма!!
 И шепнула: «не троньте пружинку!»

Фаня долго наивно смѣялась,
 Иногда поневолѣ краснѣла;
 Наконецъ, поняла, что мудрецъ сей
 Строить куры ей слишкомъ ужъ смѣло

И спросила его: «гдѣ вашъ замокъ?»
 Озадаченъ былъ докторъ нахальный...
 — Гдѣ мой замокъ! вспылить онъ;—мой замокъ
 У меня въ головѣ либеральной,

Да въ карманѣ моихъ пациентовъ...
 Букла только плечами пожала:
 Вѣроятно, она въ это утро
 О счастливой мама вспомнила.

Ей же часто мерещилось ночью,
 Что у замка, по темной дорожкѣ,
 Ходить мама,—и что съ нею рядомъ
 «Скрипъ-скрипъ-скрипъ!» ходять чьи-то сапожки...

Воротившись домой, модный докторъ
 Выдуть водки изрядный стаканчикъ,
 Съѣлъ кусочекъ голландскаго сыру
 И прилегъ на плетеный диванчикъ,

И съ лицомъ неподвижнымъ, какъ маска,
 Проворчалъ: «что за милая дура!»...
 И затѣмъ рассказать, что онъ думалъ,
 Мудрено—(не позволить цензура).

V.

Всѣ влюблялись въ нее; всѣмъ кокетка
 Улыбалась и строила глазки;

Но никто, пожимая ей руки,
 Не дошелъ до желанной развязки.

Черезъ годъ, отъ отчаянья, двое
 Забуддыгами стали, спустились
 До подвальныхъ этажей и страшно
 Растрепалися и обносились;

Нѣкто N (это было въ апрѣлѣ)
 На панель изъ окошка свалился;
 Несомнѣнно, бѣднякъ самовольно
 Вверхъ ногами слетѣлъ и разбился.

Онъ фарфоровый былъ; его брови
 Были чѣрточками; какъ двѣ точки,
 Расходились глаза; ротъ былъ красный,
 И на галстукѣ были цвѣточки.

Нѣкто S, какъ золу выгребали
 Изъ печей, найденъ былъ обгорѣлымъ.
 (Непонятно, какъ могъ онъ погибнуть
 Такъ ужасно, не будучи смѣлымъ!)

Это былъ, подающій надежды,
 Юный химикъ, и былъ такъ несмѣлъ онъ

Оттого, что судьбой иль природой
Изъ гнилого былъ дерева сдѣланъ;

Онъ своимъ постояннымъ молчаньемъ
Иногда доводилъ до зѣвоты;
И хотъ былъ онъ не очень уродливъ,
Но замѣтно топорной работы;

И попалъ онъ въ гостиную Дуни
Потому, что привезъ его Шурка,
Увѣряя, что S добрый малый,
И что S—пресмѣшная фигурка.

Несмотря на плачевныя страсти,
Куклы жили не въ мѣру роскошно;
Ихъ тщеславію нравились жертвы,
И на совѣсти не было тошно.

VI.

Вотъ промчалось два года,—у замка
Покоробились стѣны;—заткали
Пауки позабытую башню,
И павлины хвосты растеряли.

И кругомъ жизнь замѣтно скисалась,
 Какъ въ теплѣ молоко. Гости рѣже
 Появлялись у замка.—Самъ Шурка
 Пропадать сталъ въ какомъ-то манежѣ.

Дуня стала скучать, Фаня тоже
 Оставалась безъ кукольной свиты;
 Ея платица были не новы,
 Ея локоны—полу-развиты.

И нельзя не грустить было Фанѣ:
 Мама рѣдко ее навѣщала,
 И она, въ панталончикахъ лежа,
 Цѣлый день потолокъ изучала.

Наконецъ, Дуня новой игрушкой
 Завелась. Не купила, а просто
 Изъ гостей привезла къ себѣ въ гости
 Купидовчика, малаго роста.

Онъ изъ гипса былъ выльпленъ, чисто
 Отшлифованъ... (работы нѣмецкой),
 И его, привязавъ на шнурочекъ,
 Дуня, молча, повѣсила въ дѣтской.

Разъ проснулась унылая Фаня
 (Дребедень ей какая-то снилась),—
 Яркое солнце въ окно ей сіяло,
 И весна за окномъ шевелилась;

Но ни стука подковъ, ни журчанья,
 Ни чириканья птицъ не слыхала
 Наша кукла,—она, растрепавшись,
 Зверху глаза подняла и—привстала.

— Боже мой! восклицаетъ... и слышитъ
 Сверху сладенькій голосъ:—«Летать я
 Буду вѣчно за радужнымъ счастьемъ,
 Простирая на воздухъ объятъ...»

И, глаза протеревъ, видитъ кукла:
 Подъ одной перекладиной, въ нишѣ,
 Гдѣ старуха спала, и откуда
 Вылѣзали однѣ только мыши,

Въ свѣтло-пыльномъ лучѣ колыхался
 Купидошка, и—что было странно—
 Онъ былъ голъ, какъ соколъ... точно въ ванну
 Окунувшись, онъ вышелъ изъ ванной...

Но, быть-можетъ... прелестному духу,
 Что на воздухѣ можетъ отлично
 И висѣть, и витать, и не падать,—
 Быть одѣтымъ въ сукно—неприлично!

Можетъ-быть! у него же и крылья,
 Какъ у духа, за выгнутой спинкой,—
 И стыдливая Фаня прикрыла
 Свои плечики старой косынкой.

— Ба! подумала:—Ба! если это
 Купидошка... и я угадала,
 То—мнѣ Дуня о немъ намскала
 И примѣты его описала.

Такъ и есть!—моложавъ, миловидень,
 Бѣлъ, какъ мѣлъ,—не изъ тряпочекъ сверченъ,
 Безъ усовъ, какъ дитя,—граціозень,
 И прекрасно, прекрасно очерченъ!

Но... мнѣ кажется... этотъ красавчикъ
 Здѣсь какъ свой... точно дома!.. Признаться...
 Щекотливое дѣло... Зачѣмъ же
 Онъ въ мой уголь изволилъ забраться?

Или мама, сама разорившись,
 Меня выдать за голога хочеть?..
 И въ соблазнъ меня вводить... Спасибо!
 Не ждала!.. Хорошо... пусть хлопочеть!..

VII.

Но, кокетничая съ Купидошкой,
 Наша Фаня сама увлекалась,
 И, быть можетъ, въ надеждѣ на свадьбу,
 Цѣлый день въ декольте оставалась.

И лѣнилась влюбленная кукла,
 (Всѣ влюбленные куклы лѣнны!)
 И мечтала влюбленная кукла,
 (У влюбленныхъ мечты прихотливы).

Ночи стали казаться ей бредомъ;
 То ей снились: нагіе тамуры
 Ищутъ корма—и хлѣбныя зерна
 Подбирая, кудахчуть, какъ куры;

То ей снилось: какіе-то замки
 Лѣзутъ на гору, брызжутъ фонтаны,

А ея будуаръ весь въ атласѣ...
И диваны, диваны, диваны...

То ей снились рогатые черти...
Словомъ, кукла моя идеально,
Безъ малѣйшаго смысла, влюбилась,
И была не на шутку печальна.

Въ грудь ей точно пружина давила,
Въ головѣ точно муха жужжала...
Все, что близко, казалось далекимъ,
И, вдобавокъ, она ревновала,

Даже злилась, когда въ папилюткахъ
Дуня, прямо съ постели, являлась
И, по праву капризной хозяйки,
Съ милымъ гостемъ, играя, смѣялась;

То отталкивала, то ловила,
То, оскаливъ перловые зубки,
Его пальчикомъ гладила, или,
Приложивъ къ нему алыя губки,

Лепетала: «bon jour, милый Пупка!»
Фаня глазки свои закрывала,

Задыхалась и, вся холодѣя,
Заворачивалась въ одѣяло,

И нечесанною оставалась
Цѣлый день... и роптала:—«Какъ видно,
Этой мамѣ терзать мое сердце
Не грѣшно и нисколько не стыдно!

«Гдѣ ея золотое сердечко?..
Гдѣ оно?.. Все навѣкъ измѣнилось—
Все прошло!.. Я давно позабыта,—
И бѣлье мое все изнашивалось,

«И давно ужъ не только что шляпки,
Отъ мама я не вижу—ветошки!
О, мамà!.. Я тебя проклиная,
Не уступишь ты мнѣ Купидошки!»

VIII.

Разъ, когда Купидошка качался
На шнурочкѣ бездушной игрушкой,
На него-жь Фаня чуть не молилась,—
Раздалась хрипота за подушкой.

Испугалась она, оглянулась,
 Видитъ:—рожа, сухія морщины,
 Башмакомъ длинный носъ, взглядъ свинцовый,
 Даже строгій, безъ всякой, причины.

Это былъ старикашка знакомый
 (Для дѣвиць, разумѣется, лишній),—
 Онъ былъ старымъ повѣреннымъ няни,
 И служилъ ей копилкой давнишней.

Старикашка былъ скроенъ нескладно,
 Но зато—плотно сляпанъ изъ жести,
 Животомъ походилъ на кубышку,
 И для денегъ всегда былъ на мѣстѣ.

Кѣмъ онъ сдвинуть былъ съ мѣста, и какъ онъ,
 Этотъ денежный тузь, очутился
 За подушкой красавицы Фани,—
 Я не знаю; должно быть—влюбился...

— Какъ! неужели вы... (такъ онъ началъ)
 Влюблены въ этотъ слѣпокъ съ Амура—
 Въ дурака Купидошку! не вѣрю:
 Вы красавица, но вы не дура!

Вѣдь онъ глупъ, какъ пузырь! и при этомъ
 Въ поведеніи шатокъ: летаетъ,—
 Потому что его, негодя,
 Кто-нибудь непремѣнно толкаетъ.

Вамъ мерещится, будто онъ геній...
 Ахъ, сударыня! онъ разобьется,—
 Разобьется на мелкія части,
 Если какъ-нибудь вдругъ оборвется.

То ли дѣло сундукъ: Ахъ! позвольте
 Васъ съ собой пригласить! Преприятно
 Тамъ со мной проведете вы время...
 И—гм-гм!.. пробурчалъ онъ невнятно.

— Замолчите!—отвѣтила кукла,—
 Я хочу съ *нимъ* навѣкъ сочетаться...
 Усмѣхнулся старикъ (такъ умѣютъ
 Лишь одни старяки усмѣхаться).

— Никогда вамъ мама не позволитъ
 Съ Купидошкой сойтись;—не она ли
 Пригласила его и отъ скуки
 Привязала, покуда вы спали.

Онъ не вашъ-съ! И скажу по секрету:
 Онъ одинъ и останется съ мамой,
 Въ день, когда съ молотка будетъ проданъ
 Этотъ замокъ и домъ этотъ самый.

— Почему?..—Потому-съ, что вы жили
 На фу-фу... Отъ бѣды неминучей
 Я хочу васъ спасти, потому что
 Я для васъ хоть и старъ, но я—Случай...

Или пользуйтесь мной или—къ чорту!
 Отвѣчала она:—Извините,
 Вашихъ мѣдныхъ грошей мнѣ не надо...
 — Ну, такъ чортъ васъ возьми! какъ хотите;

Пропадайте, какое мнѣ дѣло!
 Черезъ три дня вы будете нищи,
 И пойдете искать себѣ мѣста,
 И канючить, безъ крова и пици.

Кукла, блѣдная вся, отвернулася
 И закрыла глаза отъ волненья;
 А старикъ кѣмъ-то былъ отодвинуть
 И пропалъ, какъ ночное видѣнье.

Только издали слышалось, что-то
Звучнобрякнуло. Не серебро ли?
Или просто гроши? Но объ этомъ
Встарину знали чьи-то мозоли,

А теперь знала старая няня:
Все, что вынянчила, что скопила
У господъ, по домамъ, словомъ, всѣ-то
Сбереженья ея поглотила

Жестяная копилка, подъ видомъ
Старика; онъ надѣялся вдвое
Дольше жить и въ своихъ жесткихъ лапахъ
Утантъ достоянье чужое.

IX.

Ночь стонала подъ бурей, и—Фанѣ
Не спалось; ей все чудилось: кто-то
Ей поеть о ночныхъ поцѣлуяхъ,
И что флейты пѣвучая нота,

Замирая, сливается съ трубнымъ
Завываніемъ. Фаня металась;

А герой ея спалъ, какъ убитый,
Только тѣнь отъ него колыхалась;

Оттого колыхалась, что няня
Со свѣчой безпрестанно сновала:
Съ неотвязной тревогой, старуха
Въ эту ночь мѣдный ключикъ искала,—

Отъ копилки потерянный ключикъ,
Ну какъ, думала, кто-нибудь спала?!?
И очки ея круглыя съ носа
То и дѣло что падали на полъ.

Вотъ... нагнувшись, она Купидошку
Мимоходомъ свѣчой зацѣпила,
И—случайно—шнурокъ, на которомъ
Онъ спокойно висѣлъ, подпалила.

Увидала влюбленная кукла,
Что-то въ воздухѣ вдругъ засвѣтилось;
Но она не успѣла и вскрикнуть,
Какъ на грудь ея что-то свалилось...

Какъ копна поднялись ея букли,
Помутились хрустальные глазки;

Обомлѣла она отъ испуга,
Отъ нахальной и каменной ласки...

На разсвѣтъ бѣдняжка очнулась...
Что-жь, очнувшись, она увидала?
На полу, у кровати,—обломки
Перешитыхъ крыльевъ нахала;

Онъ же самъ, что разбилъ ея сердце,
Тотъ, по комъ она тайно вздыхала;
Безмятежно лежалъ, улыбаясь,
Сверхъ цвѣтного ея одѣяла,

И шепталъ ей: «Ей-Богу же, Фаня,
Я далеко не то, чѣмъ казался,
Я на привязи былъ, и, конечно,
Ты желала, чтобъ я отвязался...

Твоя мама меня тормошила,
Точно я для нея былъ игрушка...
Твоя няня звала меня чортомъ...
Каково?!.. Поцѣлуй меня, душка!

Эхъ! не бойся меня: я былъ вѣтренъ,
И купчихъ надувалъ, не краснѣя;

А теперь я готовъ мои крылья
Промѣнять на халатъ Гименея,

На домашнюю жизнь.—Для чего мнѣ
Эти глупыя крылья? Не время
Намъ летать; погляди, и увидишь,
Что кругомъ насъ—безкрылое племя.

Будь я геній,—меня, какъ урода,
Осмѣть и голодный, и сытый;
Капиталець мнѣ дай, если хочешь,
Чтобъ я былъ человѣкъ знаменитый.

Можетъ быть, на обихъ насъ мама
Будеть зла; но мы это устроимъ...
Будеть злиться недѣлю, другую,
А потомъ и простить намъ обонимъ.

И надѣюсь, что Дуня тотъ замокъ,
Подъ стѣнами котораго дѣтство
Провела ты, и всѣ свои деньги
Намъ обоимъ оставить въ наслѣдство...»

Такъ болталъ онъ, и слушала Фаня,
Безъ отвѣта, привѣта и жалобъ,

И не будь она кукла, отъ злости
И сердечной тоски—зарыдала-бъ.

X.

Ночь прошла, все проснулось, и Дуня
На кроваткѣ зѣвнула съ просонокъ;
Дуня, вѣтреная, какъ подростокъ,
Несомнѣнно, была не ребенокъ:—

Понимала, что въ домѣ не ладно...
И, бросая смущенные взоры
На драпри, на ковры, прошептала:
«И все это возьмутъ кредиторы!»

По какому же праву?.. Кто смѣетъ?..
Кто имъ дастъ!?» И она разсердилась
На родныхъ, на портнихъ, на корсетницъ,
И на няню, что плохо молилась.

Эта няня давно догадалась,
Что изъ дому ее выживали,
И сбиралась уѣхать въ деревню,
Гдѣ внучата ея подрастали.

Въ это утро въ послѣдній разочекъ
 Она къ Дунѣ вошла; ей на ножку
 Натянула прозрачный чулочекъ
 И все выболтала понемножку.

— Такъ и такъ, говорила старуха,—
 Онъ болтался на самомъ порогѣ,
 И—ужь думала я—безпремѣнно
 Перешибъ себѣ руки и ноги...

Но и руку, и ноги—все цѣло,
 Телько крылья отшибъ чортовъ идолъ;
 Не могла я найти его ночью,
 А поутру онъ самъ себя выдалъ.

Вижу, спряталъ онъ носъ свой въ подушку
 И у куклы лежитъ на постели;
 Кукла тоже, должно быть, сломалась,
 Потому что пищитъ еле-еле...

Разсердилась капризная Дуня
 И сказала старухѣ:—Довольно!
 Надоѣли мнѣ куклы, и съ ними
 Мнѣ разстаться нисколько не больно.

Унесите ихъ вонъ!.. вонъ-вонъ-вонъ унесите!
 Съ глазъ долой!.. чтобъ я ихъ не видала!
 Эта дочка—совсѣмъ мнѣ не дочка,
 И я съ нею давно отыграла.

И дуракъ Купидошка, покуда
 Былъ онъ цѣль, былъ похожъ на Амура,
 А теперь—не хочу,—не желаю
 И чинить его... Чтò я за дура!..

Стану деньги бросать на починку!..
 Будутъ деньги, куплю и другого,—
 Только мраморнаго,—или просто
 Изъ металла, на видъ золотого;

И повѣшу его надъ цвѣтами,—
 Пусть качается... Но уходите,
 И чтобъ я не видала обломковъ,—
 Выметайте ихъ вонъ!.. уносите!

XI.

— Выпроваживаютъ! выгоняютъ!..
 Отдаютъ на позоръ Дороееѣ!

Ахъ! могла ли я думать, что мама
Хуже няни,—и хуже, и злѣе!?

Дай мнѣ Богъ, ей на зло, изъ Парижа
Получить вдругъ такіе наряды,
Чтобъ она поблѣднѣла отъ злости,
Чтобъ она заболѣла съ досады!

Такъ молилась и плакалась Фаня;
Ужъ она на матрасъ у няни
Въ пыльной юбкѣ лежала съ вещами,
Посреди всякой пошенной дряни;

Пухъ надъ нею леталъ, и съ ушами
Узелокъ рядомъ съ ней помѣщался:
Пожелтѣлъ восковой ея лобикъ,
И высокій шиньонъ растрепался.

Только взглядъ, все такой же блестящій,
Быль съ утра устремленъ на лукошко,
Изъ котораго кверху торчала
Купидошкина голая ножка.

«Негодяй!» она думала. Няня-жъ,
Въ той надеждѣ, что внучка родная

И ему рада будетъ, въ охлопки
Уложила сего негодяя.

Въ той же сладкой надеждѣ и Фаню
Пожалѣла она, и въ далекій
Домикъ свой увозила къ ребятамъ:
«Дескать, что-жь ей тутъ быть одинокой?»

Уложась, няня стала прощаться,
И, неожиданно, отъ вѣтренной Дуни
На салопъ получила въ подарокъ
Лисій мѣхъ, а на муфточку—куній.

Люди, горничная и кухарка,
Хоть онѣ на нее и ворчали,
Хоть и ссорились съ ней, на прощанье,
Вечеркомъ, ее въ кухню звали

И поили чайкомъ, и болтали,
Что у нихъ и заботы убудеть,
И не будетъ излишняго хламу,—
(То-есть, Дуниныхъ куколь не будетъ).

Толковали о Фанѣ безъ злости,
Ни добра ей, ни зла не желали,

Потому что отъ этой франтихи
Въ жизнь ни зла, ни добра не видали.

Купидошку, любимчика Дуни,
Поминая, не мало смѣялись...
Но ужъ къ полночи двигались тѣни,
И къ покою часы приближались.

Няня встала, пошла и лампадку
Засвѣтила, и грустно ей было
Покидать уголокъ тотъ, въ которомъ
Она барышню Дуню взрастила,—

Эту куклу, которую мыла,
Пеленала, чесала, ласкала,
Берегла, на которую позже
То засматривалась, то ворчала...

XII.

Фаня въ долѣ своей горемычной
Не видала перста Провидѣнья,
Только видѣла зависть да злобу,
Или мщеніе за предпочтенье.

Позабывъ сердца прошлую повѣсть,
Гдѣ все было корыстно иль ложно,
Кукла думала: «О! ради денегъ
Полюбить... развѣ это возможно!?!»

И сердилась, зачѣмъ Купидошка
Полюбилъ ее не безкорыстно,
И въ лукошко залѣзъ—точно струсиль;
И все, все стало ей ненавистно...

Вотъ она, погруженная въ сумракъ,
Тщетно жаждетъ душевной отрады;
Мѣсяцъ свѣтитъ серебрянымъ глазомъ
Къ ней въ окно, при мерцаньи лампы.

На полу перепутались тѣни;
Краски пестрыхъ обой точно дымкой
Занавѣшены; часики слышны —
«Тикъ-тикъ»; скоблется мышь невидимкой.

Смотритъ Фаня, и чудится Фанѣ:
За мѣшками, въ углу шевелится
Что-то странное — кошка не кошка,
Ежъ не ежъ — или это ей снится? —

За мѣшками, въ углу копошатся
 Двѣ неясно-очерченныхъ тѣни
 И шуршатъ, задѣвая поклажу,
 Какъ двѣ крысы въ разбросанномъ сѣнѣ...

Вотъ онѣ съ бормотаньемъ, съ вляньемъ,
 Точно борются между собою,
 То вдругъ черное вверхъ забираетъ,
 То вдругъ сѣрое пухнетъ волною...

Что за чудо!.. И Фаня застыла
 Въ ожиданіи оцѣпенѣломъ.
 Вотъ ужъ черное въ уголъ прижалось —
 Поднимается сѣрое съ бѣлымъ...

Наконецъ, это сѣрое съ бѣлымъ,
 Какъ туманъ, стало вдругъ приближаться
 И въ какой-то ченець, въ бѣлый фартукъ,
 Въ плотный стаъ и въ лицо превращаться.

И съ лицомъ озабоченно-строгимъ
 Подошла къ Фанѣ женщина; Фаня
 Разглядѣла ее и спросила:

— Что вамъ надобно здѣсь? Чья вы няня?!

— О, да, да! — отвѣчало видѣнье, —
 Я и няня, и все, что ты хочешь.
 За тебя хлопочу, и дивлюсь я,
 Отчего ты сама не хлопочешь?

И не спишь, а лежишь!.. А живу я
 Здѣсь и тамъ, и вездѣ, гдѣ придется,
 И за бѣдныхъ людей съ нищетою
 Безпрестанно готова бороться...

Познакомься со мной, и тебя я
 Натолкну на ученье, умѣнье,
 На заботу, работу, на прибыль,
 И спасеть насъ обѣихъ терпѣнье.

Понемногу изъ куклы, въ которой
 Нѣтъ ни сердца, ни смысла, тебя я
 Превращу въ золотую бабенку,
 И счастлива ты будешь, родная.

Чай, слыхала?.. Нужда всѣхъ научить
 Калачи вѣсть — не корку сухую. —
 — Калачи!!! Я Нужда... и любого
 Человѣка одѣну, обую..

— Ты Нужда! — отмахнувшись руками,
 Гнѣвно пискнула кукла: — О, Боже!
 Ты Нужда! Мнѣ, какъ нищей, нуждаться!..
 Да на что-жь это будетъ похоже?!

Мнѣ, съ моимъ деликатнымъ сложенъемъ,
 Съ воспитанъемъ моимъ и съ такою
 Красотой, жить безъ всякой прислуги,
 Да на рынокъ ходить — Богъ съ тобою!

Убирайся! прочь-прочь! — И фигурка
 До ушей подняла свои плечи,
 Руки вытянула и завывла:
 «Коли такъ, — нищета недалече!»

И, потряхивая головою,
 Какъ обиженная, удалилась
 За поклажу, къ стѣнѣ, и пропала —
 Точно въ нянинъ мѣшокъ обратилась.

XIII.

Не успѣла исчезнуть фигурка
 Сѣро-бѣлая, — черный комочекъ,

Что въ углу притаясь, копошился,
Замигаль парой огненныхъ точекъ.

И, пыхтя, тихо сталъ подвигаться
Къ тѣмъ пожиткамъ, гдѣ Фаня дрожала,
И чѣмъ ближе, тѣмъ выше, — и Фаня
Съ отвращеніемъ ноги поджала:

Испугалась и — видитъ, что это
Не комокъ, а — фигура горбатой
Дряхлой вѣдьмы, въ салопишкѣ рваномъ,
Въ черномъ капорѣ, съ дырками, съ ватой...

И слезливое что-то сверкаетъ
Вмѣсто глазъ изъ темнѣющихъ впадинъ...
И есть что-то родное скелету
Въ этой гадинѣ, паче всѣхъ гадинъ.

Вотъ она почесалась и мямлитъ,
Точно жвачку жуешь: — Душка! руку!..
Такъ и быть, будемъ вмѣстѣ дѣлить мы
Голодь, холодъ и всякую муку;

Я, сударка, зовусь Нищетою...
А ты думала, кто я такая?

— Уходи! простонала ей Фани.
« — Эхъ-хе-хе! подожди, дорогая!

Разъ попала на слѣдъ твой, — я буду
За тобою слѣдить, какъ собака.
Ты — дочь роскоши, лѣни и чванства;
Я — дочь дури, распутства и мрака...

У меня грязный хвостъ, у тебя же —
Золоченый... Сойдетъ позолота, —
И его загрязню я, — не чванься!»
— Карауль!.. — «Али струсила? То-то!..

Спи покуда!..»

И, вмѣсто старухи,
Черный комъ за мѣшки откатился
И — пропалъ. Въ это время Копилка,
Няининъ другъ, въ сундукъ завозился.

Онъ сквозь шелку глядѣлъ и злорадно
Усмѣхнулся, прикрытый мѣшками:
— Ха-ха-ха! раздался его хохоть,
Пищета? какъ я радъ! Вишь, грошами

Попрекнула меня, — мѣдяками!
Позабыла, что все вырастаетъ

Изъ грошей, но — мы ѣдемъ въ деревню,
И пусть лѣшій тебя выручаетъ!..

Кукла-Фаня, безъ чувствъ, закативши
Свои оченки, еле дышала,
И какъ няня ее уложила,
Какъ сама улеглась, — не слыхала.

XIV.

Рано утромъ къ вокзалу извозчикъ
За полтину повезъ Дорожю;
А сундукъ, и матрасъ, и подушки
Потащилися слѣдомъ за нею.

Мужичокъ-вахлачокъ, нянинъ шуринъ,
Ихъ взялся отвезти на телѣгѣ;
Съ нимъ и Фаня была; но ужъ Фаня
Помышляла о тайномъ побѣгѣ.

Какъ цвѣтокъ, выставляя головку
Изъ корзины, она колыхалась,
И глазѣла направо, нагѣво —
(Не шутя, знать, бѣжать собиралась).

Вспоминала она, какъ когда-то
 Дуня съ ней развѣзжала въ каретѣ;
 И — увы! ей казалось въ телѣгѣ,
 Что она всѣхъ несчастнѣе въ свѣтѣ.

«Что-жъ мудренаго, думала Фаня,
 Если та нищета, что мнѣ снилась,
 Заберется въ чуланъ къ Дороевѣ,
 У которой гостить я рѣшилась?»

Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ!.. Ни за что я въ деревню
 Не поѣду. Я тамъ одичаю;
 Тамъ отъ скуки умру я; къ тому же
 Я не дура и кой-что смекаю:

Пяня хочеть меня приурочить
 Къ разнымъ Митькамъ, Матрешкамъ, Палашкамъ,
 Не хочу я ни сказокъ ихъ слушать,
 Ни забавой служить замарашкамъ!..

«Но кто будетъ такъ смѣлъ! Кто избавить —
 Кто спасеть красоту мою!? Боже!
 Ъхать... съ нищей вдвоемъ въ третьемъ классѣ! —
 Да на что-жъ это будетъ похоже!?»

Въ это время, у самой телѣги,
 Позади шель какой-то парнишка,
 Шаровары изъ чернаго плису, —
 Сапоги, — на плечахъ кафтанишко.

Увидавъ нашу Фаню, шутливо
 Онь приподнялъ картузь и, шагая
 За телѣгой, не громко, не тихо
 Воскликнулъ: «Ахъ, милашка какая!

Вотъ такъ куколка — вишь ты, поди-жь ты!!
 Я такой и не видывалъ даже!
 И куда это только ты ѣдешь
 Съ мужикомъ и въ такомъ экипажѣ?»

И, унылой головкой кивая,
 Кукла слушала-слушала, слабо
 За корзинку руками держалась,
 И — слетѣла, дождавшись ухаба.

Мужичокъ-вахлачокъ и не видѣлъ,
 Лошаденку свою понукая,
 Какъ слетѣла красавица-кукла
 И какъ рада была, убѣгая.

Похититель ея всеконечно —
 Не былъ воръ, онъ — былъ просто проказникъ
 И шалунъ; и подтибрилъ онъ куклу,
 Потому что былъ весель подь праздникъ.

Долго шель онъ съ красавицей Фаней,
 Но, увидѣвъ свой домъ съ мезониномъ,
 Гдѣ жилъ тятенька съ тётенькой Маврой,
 Призадумался... Ваня былъ сыномъ

Старовѣра купца и подумалъ:
 «Ну, теперъ хотъ и въ домъ не являйся:
 На допросъ поведуть... Тятя вздуеть,—
 Тётя скажетъ: крестись и покайся!»

«А не то,—такъ братишка Мишутка—
 Баловникъ... какъ увидить,—отниметь:
 — Покажи-ка, попробуй! — такой-то
 Ревъ на цѣлыя сутки подниметь!»

Куклу въ домъ проведешь и не спрячешь...
 Нѣтъ, ужъ лучше я въ садъ»... И въ куртину
 Онъ пробрался съ похищенной куклой
 И, какъ кошка, залѣзъ подь малину.

XV.

И въ сѣняхъ, и въ хоромахъ, и въ лавкѣ
 То и дѣло, что видѣли Ваню;
 А межъ тѣмъ безпрестанно онъ бѣгалъ
 Въ темный садъ навѣщать свою Фаню.

Цѣловаль ее въ губки и въ глазки,
 Не пускаль ни единой козявки
 Заползать къ ней на юбку, и на ночь
 Уложилъ подъ заборъ у канавки.

И надъ ней, изъ малины устроишь
 Сѣнь, подобно зеленому своду,
 «До свиданья»—сказаль—«жди!» и скрылся
 (Пошалиль—и концы спряталь въ воду).

Вотъ погасла заря; напрягая
 Слухъ свой, кукла мечтаетъ, что скоро
 Пригласять ее въ домъ... Развѣ можно
 Ей въ саду ночевать у забора!

Вотъ по окнамъ забѣгали свѣчи;
 Опустилась зеленая стора;

Не ночлеги ли готовить?—нельзя же
Ей въ саду почевать у забора?

—«Ваня малъ, Ваня глупъ, и одѣтъ онъ
По-мужицки—купчина, какъ видно...
Ну, такъ что-жь! и купчихи умѣютъ
Разрядить себя такъ, что завидно».

Но напрасно ждала она Ваню...
Въ окнахъ стало темно; ночь пахнула
Холодкомъ, вѣтеркомъ прошумѣла
Въ сонныхъ листьяхъ и звѣзды задула.

Хоть бѣжать!.. но куда? Двѣ собаки, —
Видно, съ цѣпи спустили ихъ,—съ лаемъ
Скачутъ по двору, и—чей-то хвостикъ
Сталъ мотаться въ кустахъ за сараемъ.

Страхъ напалъ на несчастную Фаню;
Зябли ножки, дыханье спиралось;
Къ утру дождь началъ капать, и тучи
Потянулись,—гроза собиралась.

Вотъ и день! Но какая погода!
Такъ и льетъ, такъ и льетъ,—такъ и мочить.

Снова день, снова дождь,—и собаки
Выгнать за дверь никто не захочетъ.

А она,—что своей красотою
Лучшихъ куколъ сердца распаяла,
И тонула въ роскошныхъ мечтаньяхъ,
И въ роскошныя букли вплетала

То гирлянды съ цвѣтами, то бусы,—
Одинокой, голодной, забытой,
Коченѣя, лежитъ подъ заборомъ,
У канавы, дождями размытой!

Ея плечи забрызганы тиною,
Лайка ногъ бѣлизну потеряла,
И румянецъ, и алыя губки,
Даже темная бровь полиняла.

Да и что же мудренаго? Только
На четвертый денекъ надъ куртиной
Вновь затеплилось майское солнце
И заплѣла пчела надъ малиной.

На четвертый денекъ только вспомнилъ
Парень Ваня о куклѣ забытой,

И, кудрями встряхнувъ, побѣжалъ къ ней,
Краснощекий, веселый и сытый.

Прибѣжалъ, увидаль, испугался;
«Вотъ-те на! Чтò за чортъ! тряпкой стала!»
Но у Фани слипались рѣсницы,—
И она ничего не слыхала.

«Али дождикъ размыль?» — толковаль онъ
Самъ съ собой:—«Далеко не уѣдемъ
Мы съ такой красотою!.. А я-то
Показать ее думаль сосѣдямъ!»

И, сердясь, онъ ее за рукавчикъ
Перенесъ на то мѣсто, гдѣ тятя
Строиць баню, да тамъ и оставиль
На щепяхъ, лишнихъ словъ съ ней не тратя.

Куклу подняли плотники; долго
И разглядывали, и смѣялись;
Сволокли ее въ домъ,— но хозяйка
И жильцы отъ нея отказались.

XVI.

Чтò-жъ потомъ стало съ нашею куклой —
Съ этой милою куклою, барствомъ

Избалованною? — Говорить ли,
По какимъ она шлялась мытарствамъ,

Въ чьи обноски она наряжалась,
Чѣмъ жила, въ чьихъ рукахъ побывала,
Прежде чѣмъ Нищета затащила
Ее въ сумракъ сырого подвала?

Въ этомъ сумракѣ дѣвочка,—дочка
Нищеты,—на соломѣ, съ неясной,
Темной думой и съ томной улыбкой
Умирала; и куклѣ несчастной

Такъ обрадовалась, такъ прижала
Ее къ сердцу, что кукла впервые
Полюбила... и вдругъ позабылась...
Стали сниться ей сны неземные...

Что-то въ родѣ лучей, по которымъ
Можно лазить... Какого-то сада
Мотыльки и цвѣты, точно дѣти...
И потомъ,—вдругъ такая услада

И такой миръ проникъ въ ея сердце,
Что нить жизни какъ бы затерялась...

Въ этотъ мигъ на груди мертвой нищей
Наша нищая кукла скончалась...

Нищета склотила имъ гробикъ
И, кряхтя и ворча, что не мало
Ей заботъ, напилась и, шатаясь,
На кладбище снесла—и дрожала...

На кладбищѣ мятелица выла,
Снѣгъ валила и снѣгъ поднимала,
Надъ крестами столбами ходила
И таинственный сумракъ сгущала.

Какъ двѣ черныхъ метлы, у ограды
Двухъ ракий прутья вверхъ поднимались
И,—какъ будто, сметать собираясь
Вороха облаковъ, колыхались...

А подъ ними, у ямы, мелькая
Желтизной, тѣнь, какъ призракъ, стояла—
Смерти страшная тѣнь,—то сквозила,
То сквозной свой скелетъ прикрывала.

Падаль снѣгъ ей на саванъ дырявый,
И казалось, та тѣнь, что безгласно

Цѣлымъ міромъ владѣеть, не выше
Человѣческой тѣни; неясно

На челѣ ея вѣнчикъ, какъ обручъ,
Красовался, и кость шевелилась...
Нищета подала ей свой гробикъ
И, дрожа, въ поясъ ей поклонилась.

И сказала: тебѣ жертвъ не мало
Приношу я, и старыхъ, и малыхъ,
И погрязнувшихъ въ тинѣ разврата,
И безсильныхъ въ борьбѣ, и усталыхъ.

Во сто разъ, во сто разъ приношу я
Больше жертвъ, чѣмъ Богатство,—и что же?
Отъ меня все берешь ты, меня же
Не берешь... Что я?.. Кости да кожа,

Шляюсь-шляюсь, дрожу отъ мороза,
Отъ нужды, отъ побоевъ, запоя,
Маюсь-маюсь. — Помилуй, родная,
Не лишай меня мѣста покоя,

Прибери меня!..

— «Нѣтъ», — проскригѣла

Ей холодная Смерть, опуская
Бѣдный гробикъ въ холодную яму.
И навѣки его засыпая.

— «Не возьму! И пока не настанетъ
Царство истинной славы, безъ дури,
Безъ обмана, безъ лѣни, безъ куколь,
Безъ звѣрей въ человѣческой шкурѣ, —

Ты нужна, какъ позорь... И живи ты,
И скитайся, и хнычь!..»

Превратилась
Нищета въ грязный черный комочекъ
И къ заставѣ назадъ покатилась.

Съ той поры, далеко за заставой,
На кладбищѣ, подъ тѣнью ракиты,
Мирно спить позабытая кукла;
Но—невзгоды ея не забыты—

Не забыты ни въ кукольномъ царствѣ,
Ни въ анналахъ бездушнаго свѣта,
Ни на сценѣ, ни въ притчахъ сатиры,
Ни въ романахъ, ни въ сказкѣ поэта.

ЛѢСНЫЯ ЧАРЫ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ФАНТАЗІЯ ДЛЯ ДѢТСКАГО ТЕАТРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Дѣвушки: Зина, 12 лѣтъ, } Маша, 7 лѣтъ, } Надя, 14 лѣтъ, } Леля, 11 лѣтъ, }	родныя сестры, дочери помѣщика. сосѣдки и пріятельницы Зины.
--	---

Лѣшій.

Колдунъ.

Русалочки и русалки.

Лада, богиня весны.

Дѣйствіе происходитъ въ дебряхъ лѣса. Изъ-за корявыхъ дубовъ видна рѣка и тростникъ. На первомъ планѣ развѣсистое дерево. Въ началѣ дѣйствія вечерняя заря, затѣмъ ночь и восходъ мѣсяца.

ЯВЛЕНИЕ I.

Надя, Зина, Маша и Леля входят съ зелеными вѣнками и недоплетенной гирляндой.

Надя.

.....
 Вотъ если-бъ я могла стихи писать,
 Какъ Пушкинъ: ну, тогда и мнѣ, быть можетъ,
 Воздвигли-бъ памятникъ въ какомъ-нибудь
 Саду, гдѣ сходятся дорожки, или
 Гдѣ цвѣтники. Меня бы изваяли
 Изъ мрамора, съ задумчивымъ лицомъ,
 Съ вѣнкомъ и съ лирой...

(Надвѣваетъ на голову зеленый вѣнокъ, но вѣнокъ такъ великъ, что падаетъ на плечи).

Но... куда мнѣ!.. Будь-ка

Я гений... я пера-бъ не покидала,
 И никогда бы замужъ не пошла!
 Одинъ поэтъ...—онъ въ «Нивѣ» напечаталъ
 Одно стихотворенье... мнѣ однажды
 Сказалъ: Надина, я хочу страдать...
 Но какъ бы ни любилъ я—не женюсь;
 Нельзя любить въ одно и то же время
 Жену и музу, рюемы и дѣтей.

4*

Зина.

Ну, это, можетъ быть, какой-нибудь
Изъ плохонькихъ... Не фантазируй,
Пожалуйста!.. Мнѣ кажется, что ты
Насъ завела въ такую дебрь, что мы,
Пожалуй, и не выйдемъ. Лѣсъ такой,
Что и конца ему не видно... Вотъ,
Разодолжимъ, коли и въ самомъ дѣлѣ
Заблудимся! Вотъ, будетъ мило!..

Надя (*разсыпано*).

Что?

Заблудимся!.. Какъ это можетъ быть!..

Маша.

А если?..

Надя (*оживляясь*).

Я же говорила вамъ,
Что дальше мы найдемъ дубки. Ну, вотъ
Вамъ и дубки... Мы-жъ въ лѣсъ пошли сегодня
Не для того, чтобъ вѣники вязать,
Или искать грибы... мы въ лѣсъ пошли
Загѣмъ, чтобъ свить дубовую гирлянду,
И завтра утромъ зеленью украсить

Могилку нашего поэта... За столомъ
 Сидѣли мы почти до половины
 Шестого;—собирались цѣлый часъ,
 И вышли поздно:—стало-быть,
 Кого же тутъ винить?! Я знала,
 Я слышала, что дубъ прохладу любить,
 И слышала, что есть въ лѣсу рѣка.
 Ну, вотъ... и довела васъ... Вотъ рѣка,
 А вотъ—и дубъ—за неимѣняемъ лавра.

Зина.

И хоть бы бережокъ песчаный! Охъ,
 Какъ я устала! Ой! *(Садится подъ дерево.)*

Маша *(картава и надувая губки).*

Тлопинку нашу
 Мы потеляли. Афлосинью тоже
 Мы потеляли. Этакое голе!
 И хоть бы лазъ аукнулась! Ау!..
 Никто не откликается!..

Надя.

Мы живо
 Здѣсь цѣлый ворохъ наломаемъ сучьевъ
 Дубовыхъ... *(Ишь ты—жолуди какіе*

Зеленые!)... и въ сумерки домой
 Отправимся... И, не успѣть зорька
 У васъ въ прудѣ погаснуть, садомъ
 Мы подойдемъ къ балкону... и—признаться,
 Желала-бъ я, чтобъ насъ никто не видѣлъ,
 Чтобъ было время, молча, помечтать...

*(Ломаютъ вѣтки, сносятъ и кладутъ
 около Зины).*

Зина.

Да, здѣсь удобное мѣстечко! Только,
 Ухъ! комаровъ какая пропасть!..

Леля.

Вечеръ

Такой чудесный!.. Въ воду такъ и тянеть.
 Пошла-бъ купаться, да боюсь—глубоко...

Зина.

Какъ это можно, въ незнакомомъ мѣстѣ
 Купаться...

Надя.

Для тебя знакомыхъ мѣстъ
 Не много:—прудъ да старая купальня...
 И право, какъ тебѣ не надоѣли

Знакомыя мѣста!.. но... за работу!..
Садитесь... будемъ пѣть...

Зина.

Ну, пой, мы будемъ

Подтягивать.

Надя (*оборачиваясь*).

Ахъ, что это за прелесть
Вечерняя заря!.. Лѣсъ почернѣлъ
И пропускаетъ красные лучи...

Зина.

И точно зарево...

Леля.

Нѣтъ, точно вѣрь
Изъ розовыхъ лучей. Великолѣпно!

Надя.

И какъ это лучи вездѣ проходятъ?
А мы за все цѣпляемся, не можемъ
Продратъся сквозь кусты... Смотрите,
Какъ испарапала я руку...

Леля.

Что рука!..

Бахромку я оторвала отъ платья,

И новыя ботинки—посмотрите...

На что похожи?.. (*Работают и успокаиваются.*)

Надя.

Ну, теперь давайте пѣть.

Я знаю пѣсенку одну. Кто сочинил—

Я не скажу. А музыку сама

Подобрала...

(*Поетъ.*)

Розу алую сорвали,
Унесли ее въ покон,
И красиво приколоди
Къ волосамъ веселой Зои.

Зоя весело порхала,
Разрумянясь въ блескѣ бала;
Только роза въ этомъ блескѣ
Задохнулась и увяла.

И, навѣки увядая,
Роза тайный вздохъ послала
Соловью, чья пѣснь далеко
На зарѣ въ саду рыдала...

Зина.

Кто это сочинилъ... мы знаемъ... Гмъ, да!

Не скромничай!

Надя.

Ва! Соловей запѣлъ.

Вотъ, лежокъ на поминѣ!

Леся.

Былъ у насъ

Одинъ такой-то въ клѣткѣ... умеръ... Мы

Его въ саду и схоронили... Я

Фіалку посадила на его

Могилкѣ; но фіалку эту наши

Мальчишки вырвали и затоптали...

Надя.

Тсъ!.. тише!... слышите, какъ онъ урчить?..

Маша.

Я ничего не слышу. Намъ пола

Домой...

Леся.

А я другую знаю пѣсню,

Совсѣмъ другую.

Зина.

Ну, коли ты знаешь —

И промурлычь...

Леля.

Пожалуй, промурлычу...

Я тоже пѣть-то не совсѣмъ горазда:

Слухъ есть, а голосу большого нѣтъ...

(Поетъ).

Какъ по лѣсу—лѣсу темному

Шла дѣвица—заплуталася;

Сбилась, бѣдная, съ дороженьки,

Приустили ея ноженьки.

По листамъ шумить дробный дождичекъ,

По верхамъ идутъ тучки хмурыя.

Вотъ и ночь идетъ—приближается.

Вѣтерокъ подулъ—лѣсъ шатается.

Ну, дальше я не помню...

Зина.

Дай-то Богъ,

Чтобъ эта пѣсенка и намъ того же

Не напророчила... Становится темно.

Что, если мы заблудимся?

Маша *(вскакивая)*.

Темно!..

Что, если мы да не найдемъ дологи?

Да по лѣсу плутать пойдемъ. И вдлугъ...
Медвѣдь?!

Надя.

И что это за глупость—трусить!
Ну, собирайтесь, и пойдите вмѣстѣ.
Я впереди, а вы за мной. Берите
Вѣнки и вѣтви.

(Маша плачетъ).

Маша! перестань. *(Уходятъ).*

ЯВЛЕНИЕ II.

(Изъ-за тростниковъ появляется Русалка).

Русалка.

Я выплыла изъ темной глубины,
И залегла въ зеленыхъ тростникахъ,
И не замѣтили онѣ моихъ
Зеленыхъ косъ, когда мой синій глазъ
Сверкалъ и пристально слѣдилъ за ними.
Мнѣ такъ хотѣлось съ ними пошалить...
Онѣ такія-жъ дѣти, какъ и я...
И вдругъ, онѣ зашѣли... Жадно, жадно
Я стала слушать ихъ...

Въ ихъ голосахъ

Я не слыхала—ни журчанья струй,
 Ни шороха зеленыхъ тростниковъ,
 Ни пузырей бульбуканья, ни звука,
 Похожаго на чмоканье, когда
 Тяжелыя, какъ жемчугъ крупный,
 На грудь къ намъ съ листьевъ дождевыя капли
 Слетаютъ... Это были пѣсни
 Земныя. Ахъ, какъ жалобно поютъ
 Земныя дѣти!.. Какъ мнѣ жаль ихъ! Но
 Куда онѣ ушли? Куда? А я-то,
 А я-то думала ихъ въ воду заманить!
 Ужъ какъ бы тамъ мы въ нашей глубинѣ,
 Прозрачной и прохладной, обласкали
 Такихъ малютокъ... Мы-бъ зацѣловали,
 Мы такъ бы нѣжно ихъ зацѣловали,
 Что имъ потомъ спалось бы сладко.
 — Ахъ! такъ бы сладко имъ спалось, какъ намъ
 Не спать вовѣки... Да куда-жъ онѣ дѣвались!
 Или сквозь землю провалились. Эй! (*Сердится*).
 Эй, лѣшій-дѣдушка! Встаютъ туманы—
 Вставай и ты... Иди сюда... иди...

*(Манитъ рукой. Изъ чаши показывается
 Лѣшій).*

Лѣшій.

О-го-го-го!

Русалка

Ну, что горланишь! слушай!

Лѣшій.

Что-о?..

Русалка.

Здѣсь были дѣвочки, такія
Смѣшныя, пестренькія! Прилетѣли,
Какъ бабочки, и улетѣли. Я хочу,
Чтобъ ты имъ помѣшалъ уйти. Хочу!—
Ступай и обойди ихъ.

Лѣшій.

А-га-га-га!

Русалка.

Не то мы росу выпьемъ, и дожда
Ты не дожدهшься, и тебя подъ утро
Отъ жажды скрючить.

Лѣшій.

А! иду, иду!.. (*Уходитъ*).

Русалка.

Не улизнуть!..

Ужъ мѣсяць на восходѣ.

Таинственный и блѣдный лучь его
 Расплылся въ сумракѣ... И духи
 Роятся надъ болотами; они
 Того гляди, что вспыхнуть... У совы
 Блеснулъ зрачокъ и смотритъ въ чашу лѣса,
 Гдѣ черная сгустилась сѣть вѣтвей,
 Гдѣ птичка задремала и гдѣ бѣлка
 Послѣдній свой орѣхъ грызеть... Чу, слышны
 Шаги и торопливый шорохъ... Филинъ
 Цѣпляется за сучья и кричить...
 Пора! Иду и вызову сестеръ!

ЯВЛЕНИЕ III.

Въ лѣсу слышны проказы Лѣшаго. Выходятъ Надя, Зина, Маша и Леля.
 Первая выбѣгаетъ Зина.

Зина.

Да это ужасъ, ужасъ что такое!

Леля.

Ну, конечно... мы заблудились...
 И не вернемся...

Маша (*ухватившись за подол
Лели*).

Не велнемся! Ахъ!

Ахъ, мама, мама!.. что тепель?.. Что будетъ?..
(*Плачетъ*).

Зина.

Иду, и вдругъ передо мной туманъ...
Не то туманъ, не то какой-то призракъ
Стоить... киваетъ,—и не то скрипить,
Не то хрипить... то низенькій, то выше
Березы... то... Богъ знаетъ, что такое!..

Маша.

Ахъ, няня, няня, гдѣ ты, няня! Ахъ!
Кабы ты знала!

Зина.

Надя! какъ тебѣ
Не грѣхъ, не совѣстно... Ахъ, Надя, Надя!
Мы думали, что ты дорогу знаешь,
Мы на тебя надѣялись...

Леля.

А я

Зашла въ болото... чувствую, что ноги
Промокли... Это ты насъ завела...

Надя (*съ досадой*).

И у меня промокли. Чтò же дѣлать!
Знать, лѣшій обошелъ. И поглядите,
Куда пришли.

Леля.

Куда?

Надя.

На то же мѣсто!

Шли прямо... на закатъ, откуда
Была заря видна... и очутились
На прежнемъ мѣстѣ... Просто чудеса!

Леля.

И въ самомъ дѣлѣ... Вотъ и дубъ тотъ самый...
Но чтò же тутъ хорошаго, что мы
Кружили понапрасну...

Зина.

Мы пропали:

Нѣтъ ничего у насъ... ни сухарей,
Ни булокъ, ни платковъ, чтобъ ноги
Укутать... Ничего!.. Помремъ мы здѣсь...

(Маша плачетъ).

Надя.

Какія глупости! Помремъ! Какъ будто
 Мы за сто версть ушли отъ дому.
 И почему—хоть разъ, ну, хоть разочекъ,
 Не ночевать намъ подъ открытымъ небомъ!
 Въ такую мѣсячную ночь... въ такую
 Погоду!.. Маша, погляди, какія
 Надъ нами звѣзды... Погляди, какъ сухо
 Подъ этимъ самымъ дубомъ... Сядемъ въ кучку
 И будемъ разговаривать... Я сказки
 Начну рассказывать, и незамѣтно
 Ночь пролетитъ; а завтра, на зарѣ,
 Богъ дастъ, отыщутъ насъ, а, можетъ-быть,
 И сами мы найдемъ домой тропинку.
 Не высѣкутъ же насъ за то, что лѣшій
 Насъ обошелъ. Конечно, побранятъ
 За то, что мы ушли отъ Афросиньи.
 А чѣмъ мы виноваты, что она
 Ползеть, какъ черепаха, да садится
 На каждый пенъ. Чѣмъ виноваты мы,
 Что нѣтъ у насъ отдышки, и что мы
 Умѣемъ бѣгать: ну, и забѣжали!
 Зато, зато, какія впечатлѣнья
 Мы вынесемъ...

И что за глупость—хныкать,
Вѣдь мы слезами горю не поможемъ.

Зина.

Да, больно ты умна!..

Надя.

Да тутъ и умъ

Не нуженъ... Смѣлость города беретъ...

Ну, вотъ, я ничего и не боюсь...

И не боюсь, и даже очень рада...

Зина.

Ишь, храбрая! А все же никогда

Вовѣки я съ тобою не пойду...

Надя.

Будь буря, громъ, дождь-ливень или градъ,

Ну да,—тогда мнѣ было-бъ жаль васъ, да!..

А въ эту поэтическую ночь,

Когда ни облачка, ни даже вѣтерка...

Зина.

Вотъ, погоди еще, что будетъ!

Надя.

Ну, что будетъ—

То будетъ! Нечего заглядывать впередъ.

Жалѣю, что я заблудилась не одна,
 А вмѣстѣ съ вами. Всякимъ приключеньямъ
 Была-бъ радѣхонька! Ну вотъ, мы сядемъ
 И ножки подождемъ (*садится*). Ты, Маша,
 Прилягъ; свою головку положи
 Мнѣ на колѣни. Леля, крѣпче, крѣпче
 Прижмись ко мнѣ. Вотъ такъ...

Здѣсь такъ уютно...

И, ахъ, какъ пахнетъ... и водой, и смолкой
 И богородицыной травкой, и
 Ужъ я не знаю чѣмъ... такъ чудно пахнетъ,
 Что дышишь,—не надышишься.

*(Вдыхаетъ въ себя воздухъ, и всѣ
 дѣлаютъ то же самое).*

А мѣсяць!..

Какъ свѣтитъ—чудо!

Ну, мы заблудились,

Ну, экая бѣда, что заблудились!

Маша.

А волки?..

Надя.

Волки шляются зимой,

А лѣтомъ ихъ съ собаками не сыщешь—

Уходятъ къ сѣверу...

Маша.

А если... вдлугъ?!..

Надя.

Ну, если и заглянетъ волкъ... мы такъ-то
Всѣ вмѣстѣ рявкнемъ... а-а-а-а!

(Всѣ кричатъ, что есть силы: а-а а-а!)

Зина.

Ой... по лѣсу-то какъ реветъ!.. Ай-ай!..

Надя.

Должно-быть,—эхо... А случилось вамъ
Зимой въ лѣсу быть въ мѣсячную ночь?

Зина.

Нѣтъ, не случилось.

Надя.

Волшебство! Представьте:

Весь лѣсъ... напудренъ и сверкаетъ. Точно—
Въ хрусталикахъ и мелкихъ брилліантахъ:
Глядишь,—и все какъ будто коридоры
Какіе-то, и ниши, и пещеры,
И дымчатые своды... Снѣгъ хруститъ,
И бѣль-бѣль, точно сахаръ... Тѣнь на немъ,

Ну, точно кружево тончайшее!..
 Будь я лѣсной богиней,—я зимою
 Такіе бы волшебные чертоги
 Себѣ воздвигла... тысячи бы люстръ
 Зажгла среди колоннъ, покрытыхъ матомъ
 Серебрянымъ и звѣздочками... Васъ бы
 Я въ гости позвала къ себѣ, и вы бы
 Все побросали,—книги, ноты, гарусъ,
 И прибѣжали бы ко мнѣ... Чу!.. вѣтерокъ...

Маша (*поднимая голову*).

А вотъ и буря начинается.

Леля.

Не буря,

А что-то по лѣсу гудеть...

Зина.

И воетъ...

Леля.

И этакъ... у!.. у!.. у!..

Надя.

Желала-бъ я,

Чтобъ что-нибудь чудесное надъ нами
 Стряслось, чтобъ появились феи, вѣдьмы!

Зина.

Ну, нѣтъ, мерсі! пожалуйста, не вѣдьмы!..

Леля.

Будь я одна—давно бы умерла
Со страху...

Зина.

Надя, сдѣлай одолженье,
Болтай... Пожалуйста, пожалуйста, болтай!
Пока ты говоришь—мнѣ легче. Говори.

Надя.

А вотъ, сейчасъ я сказку вамъ начну
Разсказывать... Давно ужъ это было.
За тридцать земель и въ тридцатомъ царствѣ
Жилъ былъ одинъ царь чародѣй, и было
У этого царя двѣнадцать дочерей...
Ну, вотъ...

Леля.

Постой!.. (*Испуанно*) Вы слышите?..

Зина (*поворачивая голову*).

Что тамъ такое?

Надя.

А! радуйтесь и веселитесь!..

Маша (*приподнимаясь*).

Что-о?

Надя.

Въ рѣкѣ купаются дѣвчонки. Это значить,
Деревня подѣ бокомъ... Мы вмѣстѣ съ ними
Отправимся въ деревню, а оттуда
Найдемъ телѣгу и домой вернемся
Въ телѣгѣ... То-то удивятся! Просто,
Отъ удивленья ротъ разинуть... То-то...

Зина.

Да, это будетъ хорошо—въ телѣгѣ...
Велимъ крестьянамъ сѣна наложить,
Побольше сѣна, такъ, чтобъ не трясло...
Я никогда не ѣздила въ телѣгѣ...
Великолѣпно!.. Душенька! пойдѣмъ,
Посмотримъ, какъ купаются дѣвчонки,
И вызовемъ ихъ изъ воды...

(*Встаютъ.*)

Маша.

Ну, слава Богу!

Леля.

А я раздѣнусь и махну къ нимъ въ воду...
 Должно-быть, мелко... Ишь, какъ расплескались!
 Хохочуть... весело въ водѣ... Ужасно,
 Ужасно хочется мнѣ покупаться.
 Заѣли комары... и по спинѣ
 Все что-то ползаетъ... должно-быть, муравьи...

Зина.

Чтѣ муравьи!.. Лягушекъ—вотъ чего
 Терпѣть я не могу...

(Слышно тѣнѣ.)

Надя.

Ба! чтѣ такое?..

(Всѣ поражены и стоятъ въ оцѣпенѣннѣ.)

Хоръ русалокъ.

По рѣкѣ, по темно-синей,
 Ночь лѣсамъ пары несетъ,
 И, блестя, какъ зимній иней,—
 Пѣна бѣлая плыветъ.
 И, какъ пѣна, мы мерцаемъ,
 Колыхаясь на волнахъ,
 То плывемъ, то вдругъ ныряемъ,
 То ложимся въ тростникахъ.

Одинъ голосъ.

Я легла,—за тростниками
 Въ парь закутались лѣса,
 Шевелить звѣзда лучами,
 Съ неба падаетъ роса!

Другой голосъ.

Я легла, закинувъ руки,
 И, въ немолчномъ плескѣ струй,
 Слышу я—то стонъ разлуки,
 То свиданья поцѣлуй.

Хоръ.

Нѣтъ свиданья, нѣтъ разлуки
 Тамъ, гдѣ холодъ и покой;
 Слезы счастья, слезы муки,
 Все смывается водой.

Надя.

Я очарована... Нѣтъ, это не крестьянки:
 Нѣтъ, нѣтъ... Такъ пѣть онѣ не могутъ. Это...
 Сама рѣка поетъ, или—русалки!..

Зина.

Русалки... злыя, гадкія русалки!

Ой! что ты говоришь?.. Не поминай ихъ!
Вѣдь это ужасъ, что такое!

Маша *(плакливо)*.

Я боюсь...

Леля.

И я... Послушай, Надя, убѣжимъ,
Пока есть время. Спрячемся въ лѣсу...

Надя.

Шѣтъ, я не спрячусь... дайте поглядѣть.
Чего бояться? Это, можетъ быть,
Мы спимъ и грезимъ... Ну, вообразите,
Что мы заснули, и что намъ все это
Мерещится... Великолѣпный сонъ...
Божественный!.. Народъ въ русалокъ вѣрить;
Онъ наяву видалъ ихъ,—ну, а мы...
Мы хоть сквозь сонъ увидимъ и повѣримъ.
(Подходитъ ближе къ рѣкѣ).
Еще, еще намъ спойте что-нибудь.

Зина.

Она съ ума сошла...

Надя.

Еще, еще намъ спойте!

Хоръ русалокъ.

Чу, красавицы-дѣвицы
 Подаютъ намъ голосокъ.
 Выходите вы, сестрицы,
 На пологіи бережокъ...
 Ау!

Надя.

Ау!

Хоръ русалокъ.

Руки ихъ вплетемъ, играя,
 Мы въ свой рѣзвый хороводъ,
 Шевелися, жизнь земная,
 Шевелися, лоно водъ!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и русалки.

(Тихая музыка. Русалки поднимаются изъ воды и мелькаютъ на заднемъ планѣ сцены. При видѣ дѣтей онѣ приостанавливаются и, постепенно приближаясь, окружаютъ ихъ).

Русалка (*выходя впередъ*).

Ага, вернулись!

(*Деля мѣзетъ на дерево*).

Всѣ ли вы вернулись?

Вѣдь я не знаю счета... вѣдь у насъ

Хоть сотни тысячъ лѣтъ считай цвѣтныя
 Каменья, струйки, корешки, да нити
 Блѣдно-зеленыя подводныхъ травъ,
 Да бѣлыя кувшинки, да стада
 Золотоперыхъ, вольныхъ рыбокъ,—ну,
 И не сочтешь! и нечего считать...
 Вонъ, вижу я, одна изъ васъ полѣзла
 На дерево... *(Сукъ обламывается, и Лея спры-
 гиваетъ на землю).*

Мы сами по деревьямъ
 Умѣемъ лазить, на вѣтвяхъ качаться,
 И прыгать въ воду—бухъ! Въ водѣ—приволе.
 Тамъ мы вольнѣй волны послушной вѣтру,
 И любимъ мы изъ синей глубины
 Нырять и погружаться въ лунный свѣтъ,
 И упиваться сладкою росой...
 Но люди злы:—у нихъ намъ мѣста нѣтъ,—
 И нѣтъ намъ мѣста—тамъ! *(Указываетъ на небо).*

Надя *(пристально ее разглядывая,
 не безъ робости).*

А вы намъ зла

Не сдѣлаете?..

Русалка.

Мы отъ всякихъ золъ
 Васъ спрячемъ... *(Останавливается и смотритъ въ лѣсъ).*

Тамъ кто-то ходить... Запахъ
 Особенный—намъ неприятный запахъ...
 Онъ къ ароматамъ ночи примѣшался...
 И отравилъ ихъ... Это человѣкъ...

Зина.

Ахъ, если-бъ это былъ мой папа!

Русалка.

Папа?!

Что это значить «папа»? Съ роду не слыхала
 Я этого слова... но... ты не бойся,
 Мы не допустимъ... (Входитъ Колдунъ)

ЯВЛЕНІЕ V.

Тъ же и Колдунъ съ котомкой.

Колдунъ.

Я васъ не боюсь...

Ха!.. это дѣти съ барскаго двора.
 Какъ это вы сюда зашли? эге!
 Дадите рубликъ—проведу домой,
 А не дадите—какъ хотите...

Зина.

Слава Богу,

Нашъ мужичокъ...

Русалка.

Дѣтей и стариковъ

Мы не щекочемъ... Мы щекочемъ
Тѣхъ парней, что, увидя насъ, въ лѣсу
Иль у рѣки, позабываютъ клятвы
И суженыхъ своихъ позабываютъ,
И обручальныя теряютъ кольца.
Тѣхъ мы щекочемъ...

Ха-ха-ха...

*(Дѣти заражаются смѣхомъ и на-
чинаютъ хохотать).*

Маша.

Намедни...

Я щекотала Васю... Ахъ! какъ онъ
Визжалъ!.. Какъ мы смѣялись!.. Ха-ха-ха...

Русалка *(Колдуну)*.

Ночь надъ водой колдуетъ,—ты надъ чѣмъ?
И отчего ты сѣдъ, а борода
И брови—точно смоль? Нашель ли ты
Разрывъ-траву и корень приворотный?

Приворожи, коли найдешь, лѣсную
Кикимору...

Колдунъ.

Толкуй себѣ... бормочь...

(Садится на пенекъ).

Леля *(Колдуну)*.

Голубчикъ, старичокъ... Ты видишь ихъ?

(Указываетъ на русалокъ).

Колдунъ.

Что видѣть-то... видалъ... Такъ, мразь одна...

Я и не то еще видалъ... Хотите,

Васъ позабавлю... покажу вамъ штуку.

Зина.

Не страшную?..

Маша.

А ты меня не съѣшь?

Колдунъ.

Не съѣмъ.

Маша.

И не убьешь?

Колдунъ.

И не убью.

А захочу... въ зайчатъ васъ оберну,
А самъ залаю... вы и побѣжите
Во всѣ лопатки...

Леся.

Ха-ха-ха! въ зайчатъ!

Зайчатами мы прибѣжимъ домой
И сядемъ у стола пить молоко,
И на свои кроватки вспрыгнемъ... Ха-ха ха!
Вотъ будеть штука-то!..

Колдунъ.

Экъ обуяло ихъ!

Не трусятъ!.. Ну, я вамъ задамъ загадку.

Надя и Зина.

Ну, задавай, ну, задавай!..

Колдунъ.

Что значить—

«Переимчивъ на все, а своего не выдумаетъ»?

Кто отгадаетъ—покажу тому

Личину... сирѣчь, нѣкое лицо,

И будеть то лицо тому, кто на него

Посмотрить, вѣчно дорого и мило.

Надя.

Что переимчиво и что само
 Не может ничего придумать... Ба!
 Что-бъ это значило?! (*Задумывается*).
 Не попугай ли!..

Русалка.

Какъ—«попугай»? Что значить «попугай»!..

Леля.

Хоть плачь, не отгадаю...

Русалки.

Ха-ха-ха!

Колдунъ.

Кто отгадаетъ—дамъ тому я корешокъ
 Такой, что все, что ни взбредеть на умъ,
 Все будетъ... только пожелай...

Надя.

А если

Я пожелаю поэтического дара?..

Колдунъ (*хлопаетъ глазами*).

(*Русалки хохочутъ*).

Чаво?!..

Зина *(на ухо русалки)*.

Ты—милая! тебя нисколько
Я не боюсь теперь... Скажи мнѣ,
Что переимчиво и что само
Не выдумаетъ ничего...

Русалка.

Должно быть, лужа.
Она переимаетъ мѣсяць, а сама
Темна...

Зина *(Колдуну)*.

Не лужа?

Колдунъ.

Нѣтъ, не лужа.

Зина *(задумываясь... не рѣши-
тельно)*.

Не зеркало ли?

*(Въ воздухъ разливается розо-
вый свѣтъ. Слышенъ крикъ поднима-
ющихся галокъ).*

Колдунъ *(киваетъ головой въ знакъ
согласія)*.

Ты отгадала.

Зина.

Отгадала?.. да?!

А! какъ я рада!.. Ну, кажи теперъ

Лицо, которое мнѣ будетъ вѣчно милымъ?

(Колдунъ вынимаетъ изъ котомки зеркальце и держитъ его передъ Зиной. Зина заглядываетъ).

Что-жъ это?.. Я свое лицо въ немъ вижу!!!

(Дѣти и русалки хохочутъ).

Надя.

Превесело...

Зина.

Ну, гдѣ же корешокъ?

Давай!.. *(Беретъ что-то изъ рукъ его.)*

Повелѣваю... Что бы мнѣ такое

Вдругъ пожелать!.. Желаю, чтобъ цвѣты,

Всѣ лучшіе цвѣты изъ околотка—

Гвоздики, лиліи, жасмины, маргаритки

И колокольчики... всѣ собрались сюда,

И чтобъ изъ нихъ сплелась гирлянда...

(Изъ тѣсу появляется фантастическая дѣвушка — Лада и начинаетъ бросать цвѣты на воздужь, русалки ловятъ ихъ, и въ рукахъ ихъ вытягивается гирлянда изъ цвѣтовъ).

6*

Довольно... ухъ! Пестритъ, и голова
Какъ будто... кружится... Довольно!

*(Фантастическая двѣушка исче-
заетъ).*

Теперь, желаю, чтобъ зажглись огни,
И чтобъ свѣтлѣе было, чѣмъ на балѣ.

*(Изъ лѣса появляются блуждаю-
щие огоньки, въ видѣ уродливыхъ
мальчиковъ, съ факелами и фона-
рями. Изъ чащи лѣса вытягива-
ются трубы и дудки. Музыка).*

Русалка.

Плясать, плясать!

Надя.

Все, что хотите...

Зина.

Вотъ ночь—такъ ночь!..

Надя.

Русалки, пойте!..

Хоръ русалокъ *(начинающихъ двигать-
ся и протягивать руки
двѣзчикамъ).*

Ледъ у насъ на персяхъ таетъ,
Потухаетъ и гроза...

Буль—буль—буль!

Наша пляска раздражаетъ
Сонно-пьяные глаза...

Буль—буль—буль!

Пылки грёзы увлеченныхъ
Въ нашъ полночный хороводъ...

Буль—буль—буль!

Много грёзъ похороненныхъ
Прозябаетъ въ лонѣ водъ...

Буль—буль—буль! *).

Зина.

И слушаю... и ровно ничего
Не понимаю...

*(Изъ-за папоротниковъ выскаки-
ваетъ большая зеленая лягушка).*

---

*) Или:

Люди-трупы намъ игрушкой служатъ,
Попадутъ къ намъ, и уже не тужать.

Буль—буль—буль!

Мы не разъ въ песокъ ихъ зарывали,
Изъ песку цвѣточки вырастали.

Буль—буль—буль!

Тѣ цвѣточки тихо колыхались,
Отъ сѣтей въ нихъ рыбки укрывались.

Буль—буль—буль!

Маша.

Батюшки мои! какая

Лягушка!

Зина.

Гдѣ?.. Какъ странно! Ничего...

Лягушки даже не боюсь!..

(Смотритъ, какъ Маша старается съѣсть верхомъ на лягушку; лягушка прыгаетъ. Русалки, подхвативъ за руки Зину и Машу, начинаютъ хороводъ и пляски. Музыка и хохотъ).

Колдунъ.

Заколдовала

Ихъ вражья сила... Закружатся,

И бухнуть... буркулы пущать... *(Уходитъ)*.

Русалки.

Къ водѣ,

Къ водѣ! Къ прохладѣ, на просторѣ!

Зина.

Чудесно!

И пляшется само собой, и ногъ

Не надо поднимать.

Леля.

Куда же мы?

Надя.

Куда бы ни было... хоть въ воду... Утону—
«Очнусь русалкою холодной и могучей» *).

Идемъ, куда влекутъ!..

(Подвигаются къ рѣкѣ.)

Маша.

Я тоже буду плавать!

Я не боюсь...

(Вдругъ раздается дальній ударъ церковнаго колокола. Огни поту- хаютъ. Русалки падаютъ въ воду, и какъ бы расплываются въ туманъ. Все темно и тихо; слышны только крики деревенскихъ пѣту- ховъ. Изъ-за деревьевъ блѣтается по- лоса—предвѣстница утра.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Надя *(останавливаясь среди сцены)*.

Что это?—наяву или во снѣ?

---

*) Изъ Пушкина.

Зина (*садится подъ дерево*).

Никакъ звонятъ къ заутрени. А-а!

Какъ я устала... (*Потливается и зѣваетъ*).

Маша (*протираетъ глаза*).

А мнѣ казалось, будто на большущей

Лягушкѣ я велхомъ сидѣла,

И прыгала... Мнѣ холодно. Нельзя ли

Хоть чѣмъ-нибудь прикмытъ мнѣ ноги.

Леля.

Я ровно ничего не понимаю!..

Зина.

А гдѣ цвѣты?

Леля.

Какіе?..

Надя.

Это былъ

Не сонъ... Нѣтъ, это было навожденье.

Отъ суетвѣрія, мы страху поддались,—

И потеряли всякій страхъ, когда

Очаровала насъ невѣдомая сила...

И, не раздайся благовѣста—мы

Попадали бы въ омутъ и—тогда...

Помилуй, Господи!..

(Въ лесу слышны голоса и аukanье).

Маша и Зина *(вскакивая)*.

Насъ ищутъ—ищутъ!..

Ау! Ау!..

(Всматриваются въ чашу леса).

Ахъ! это наши люди!

Мы спасены... Идемъ, идемъ, идемъ...

Надя *(подбирая вѣтки, вѣтви и недожженную ирланду.)*

Предчувствую, что завтра мы проспимъ,

И нашъ поэтъ останется безъ нашихъ

Дубовыхъ лавровъ...

(Занавѣсъ падаетъ).

С о б а қ и. *)

ЮМОРИСТИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Ночь,—осенній вѣтеръ воемъ воетъ сдуру.
 Слышу—капъ-капъ!—дождикъ начинаетъ капать.
 Муза! дай мнѣ лапу и войди въ конуру,
 Будемъ, ради скуки, хоть стихи царапать.
 Ахъ! Собакиаду я-бъ желалъ состряпать,
 Но, коли не въ модѣ даже Илиада,
 Можетъ провалиться и Собакиада.
 Нѣтъ, ужь лучше все, что память продиктуетъ—
 То и напишу-я. Сердце негодуетъ,
 Жизнь снимаетъ маску—исчезаютъ грѣзы,
 Соловьи не свищутъ и поблекли розы.
 Муза! Будь собакой! Такъ какъ вдохновеньемъ
 Я обязанъ псарнѣ и ея героямъ,
 Такъ какъ скорбный духъ мой дышитъ умиленьемъ
 Истинно собачьимъ—то не сладкимъ пѣньемъ
 Щекочи ты душу, а пріятнымъ воемъ...
 Такъ сейчасъ мы нашу лиру и настроимъ.

---

*) Первые десять главъ написаны въ 1875 году, остальные главы—въ 1891 г.

I.

Мирза и Мирзиха.

Родился я въ царствѣ,—а въ какомъ?—не знаю,
 Знаю только то, что царство это съ краю,
 Что въ его предѣлахъ урожая плохи,
 И что тамъ, когда-то, при царѣ Горохѣ,
 Много было водки—и не мало чаю.
 Въ этомъ достославномъ царствѣ, достохвально
 Жилъ-былъ воевода—и я досконально
 Васъ могу завѣрить, что сей воевода,
 Иль Мирза, не только знатнаго былъ рода,
 Но и былъ изъ первыхъ въ нашемъ околоткѣ—
 (Много выпилъ чаю и не мало водки)...
 Все, что обитало подъ одной съ нимъ крышкой,
 Съ кухни до каморки, что подъ самой вышкой,
 Ъло, пило, дрыхло, словомъ, наслаждалось
 Такъ, какъ наслаждаться могутъ только боги...
 Въ ста верстахъ на сѣверъ отъ большой дороги,
 Тамъ, гдѣ въ двухъ озерахъ небо отражалось,
 На семь верстъ владѣнье наше простиралось;
 Лѣсъ шумѣлъ на западъ, а на югъ въ туманы
 Уходили вѣчно-сонные курганы...

Помню, какъ на солнцѣ серебрясь, надъ нами
 Голуби кружились, какъ надъ голубями,
 Распластавши крылья, плавали орлята,
 Какъ не разъ тонули въ заревѣ заката,
 Прозвенѣвъ въ туманныхъ высяхъ небосклона,
 Журавли.

О, юность! радужное лоно
 Золотой надежды! О, мой сонъ счастливый!
 Какъ всему я вѣрилъ!

Даже Мирза Сивый
 (Такъ нашъ воевода въ свѣтѣ прозывался),
 Плотный, бородастый, смуглый, молчаливый,
 То какъ туча грозный, то какъ ночь сонливый,
 Идоломъ какимъ-то мнѣ тогда казался.
 На охотѣ былъ онъ величавъ и важень,
 Не пыхтѣлъ, не фыркалъ, хоть и былъ отваженъ;
 Молча подносилъ онъ ко рту флягу съ водкой,
 Молча помавалъ онъ то перстомъ, то плеткой,
 И псаря отлично понимали дѣло,
 Выгоняли звѣря—въ рогъ трубили смѣло,
 И глядѣлъ героемъ старый доѣзжачій,
 И худая лошадь не казалась клячей,
 И всегда побѣду праздновала свора;
 Но дни нашей славы миновали скоро.

. . . . .

Маленькая, злая, бѣленькая, въ тонкомъ
 Кружевѣ и съ лаской въ голосенкѣ звонкомъ,
 Фея овладѣла бариномъ и дворней.
 По Мирзѣ—Мирзихой мы ее назвали.
 (Не было печали—черти накачали).
 Баринъ на два года сдѣлался проворнѣй,
 И распорядился—все распорядился,
 Только на охоту ѣхать не собрался.
 Наконецъ, такое далъ онъ повелѣнье:
 «Такъ какъ лай собачій только насъ въ смущенье
 Вводитъ понапрасну—волкодавъ же воетъ
 Ночью такъ, что можетъ нервы намъ разстроить,
 Мы повелѣваемъ сторожей удвоить
 И загнать на псарню всѣхъ собакъ».

Признаться,

Слишкомъ было дико такъ распорядиться.
 И кому же? Развѣ этотъ Мирза Сивый
 Зналъ о нервахъ больше, чѣмъ кремень съ огнивой?
 Развѣ, дикой страсти подвергаясь частымъ
 Бурямъ, не глядѣлъ онъ дубомъ коренастымъ?
 Скоро--слишкомъ скоро надломилась сила!
 Барыня, натѣшась бариномъ, рѣшила,
 Что его въ покоѣ слѣдуетъ оставить,
 Чтобъ самой пошире крылышки расправить.
 Барыня велѣла на балконъ поставить

Лавры, кипарисы, чтобъ онъ въ полдень душный
 Отдыхалъ, мечтая о судьбѣ, послушной
 Всѣмъ его заглавьямъ. Около кушетки,
 Пропустя сквозь мирты вьющіяся вѣтки
 Молодого хмеля, ближе къ изголовью
 Насадила розы, для того чтобъ пахли
 Розы эти самой чистою любовью
 И, благоухая, незамѣтно чахли...
 Выше у карниза, передъ галлерейкой,
 Помѣстила клѣтку съ желтой канарейкой,
 Съ тѣмъ чтобъ птичка пѣла, не напоминая
 Старческому слуху ни роговъ, ни лая.
 Но, противорѣчій бездна въ человѣкѣ,—
 Барыня была бы, кажется, навѣки
 Лишена отрады, если бы украли
 У нея Амишку,—кажется, съ печали
 Умерла бы, если-бъ въ ревности задорной
 Эту *амку* наши амки искушали.
 До того малютку эту баловала
 Страстная Мирзиха, такъ ее любила,
 Что ее не только въ садъ гулять водила,—
 Прижимала къ сердцу, нѣжно цѣловала...
 Правда, что въ такую милую малютку
 Каждый песь влюбиться могъ бы не на шутку:
 У нея глазенки были просто—чудо!

Черные алмазы! Лобикъ былъ курчавый,
 Носикъ былъ задорный, хвостикъ былъ вертлявый,
 Маленькія ножки—прелесть! но куда
 Мы ее оставимъ.

II.

Наша псарня.

Муза! Начинаемъ!

Псарня помѣщалась за пустымъ сараемъ.
 Съ трехъ сторонъ колючимъ тыномъ обнесенный,
 И не столько грязной, сколько загрязненной,
 Дворикъ нашъ снабженъ былъ сточною канавкой
 И кой-гдѣ прикрытъ былъ травкою-муравкой.
 Помню я и этотъ длинный шестъ съ бадью,
 И колодезь этотъ—съ дождевой водою,
 И съ зеленовато-склизкимъ дномъ колоду,
 И шалашъ—пріютъ нашъ въ мокрую погоду;
 Но—всего виднѣе былъ на псарнѣ нашей
 Домикъ въ видѣ бани; онъ когда-то кашей,
 Творогомъ и щами пахнулъ такъ, что—чудо!
 И забить досками не былъ онъ, куда
 Жилъ тамъ вмѣстѣ съ кошкой старый доѣзжачій.
 Разъ, онъ спяну понялъ нашъ языкъ собачій,
 Услыхалъ, что каждый честный песъ ругаетъ

Пьяницу за то, что псарню обираетъ,
 И пошелъ, шатаясь, къ барину съ доносомъ,
 Зарапортовался и—остался съ носомъ.
 (Стадъ нести такую, значить, ахинею,
 Что тотъ слушалъ, слушалъ, да и выгналъ въ шею).
 Эта неудача такъ ошеломила
 Старика, что индо—сердце въ немъ заняло.
 Вотъ, домой вернувшись,—онъ хватилъ немножко...
 Выпилъ,—сѣлъ на лавку,—рядомъ сѣла кошка
 И поджала хвостикъ, жмурясь и мурлыча;
 А старикъ, корявымъ пальцемъ въ воздухъ тыча,
 Плель пустыя рѣчи—плель и горячился,
 Наконецъ, озлился, да и побожился:
 Что коли собаки—черти! такъ и этакъ
 Смѣютъ рассуждать, то—что же напослѣдокъ!
 Напослѣдокъ то, что онъ ихъ всѣхъ заставить
 Повизжать и кончить тѣмъ, что ихъ удавить.
 Отыскавши петлю, долго онъ косился
 На собакъ и—что же? видно, самъ рехнулся,
 Самъ, несчастный, спьяну въ праздникъ удавился—
 Такъ сказать, въ глухую вѣчность окунулся...
 Насъ объ этомъ грустномъ случаѣ въ окошко
 Прежде всѣхъ, конечно, извѣстила кошка;
 И глаза такіе страшные при этомъ
 Сдѣлала, что... первый, будучи поэтомъ,

Я завылъ... другіе вытянули рожи.
 Хоть и былъ онъ низкій человѣкъ—а все же
 Человѣкъ хороший, добрый... Эхъ, канальство!
 Трусили мы—будетъ новое начальство!

.....

Муза! для того, чтобъ сердце не смущалось,
 Выскобли ты лапой все, что прозанчно,
 И забудь все то, что помню я отлично.
 Къ ночи все затихло—къ ночи, дверь подвала
 Отворивши настежь, дворя потаскала
 Провіантъ, который не былъ намъ доставленъ,
 Но зато подвальный соръ былъ предоставленъ
 Всѣмъ высокороднымъ гончимъ съ ихъ щенками.
 Тамъ пріятно пахло сыромъ, колбасами,
 Саломъ и крупюю—это такъ дразнило
 Аппетитъ, что даже у голодныхъ рыло
 Ухмылялось. Помню, потолокъ, поднертый
 Древними столбами; помню, воздухъ спертый—
 Даже спиртуозный, особенно лѣтомъ.
 Но и этотъ воздухъ нашимъ высшимъ свѣтомъ
 Вольному простору былъ предпочитаемъ,
 Ибо тамъ на сѣнѣ были такъ примяты
 Теплыя мѣстечки, что аристократы
 И всѣ наши *амки* ихъ считали раемъ.
 Сколько было счетомъ всѣхъ собакъ, не знаемъ;

Былъ Трезвонъ, Барбоска, Соколъ былъ, Вопило,
 Марсъ (кобель зубастый и притомъ верзило).
 Были тутъ борзья, былъ одинъ здоровый
 Волкодавъ, шесть гончихъ и большеголовый
 Водолазъ. Изъ пришлыхъ, былъ одинъ дворовый
 Песъ, весьма шершавый, пыльный, мѣшковатый,
 Словомъ, добрый малый, но мужиковатый.
 Иногда являлся къ намъ Валетъ, красивый,
 Вышколенный, гладкій, впрочемъ, не брезгливый;
 Онъ носилъ на шеѣ голубой ошейникъ
 И по женской части былъ большой затѣйникъ.
 Наконецъ, не мало было оглашенныхъ,
 Вислоухо-глухыхъ и чутья лишенныхъ;
 Но они не стоятъ упоминенья,
 И ничѣмъ не лучше тѣхъ слѣпорожденныхъ,
 Для которыхъ жаль мнѣ тратить вдохновенья
 И которыхъ вовсе не хочу я славить.
 Къ чести нашей псарни, долженъ я добавить,
 Были между нами чудеса природы,
 Псы необычайно рѣдкостной породы:
 За инья уши, за инья морды
 Дорого бы дали англійскіе лорды.
 Не подозрѣвая въ ихъ душѣ притворства,
 Самъ Мирза цѣнилъ ихъ чуткость и проворство.
 Онъ, съ тѣхъ поръ, какъ ловкій паренъ, песъ Валетка,

Сталь его любимцемъ, навѣщалъ насъ рѣдко,
 II, какъ ты, читатель, врядъ ли бы повѣрилъ,
 Что при немъ Валетка даже лицемѣрилъ,
 Притворяясь, будто онъ не понимаетъ,
 О какой зазнобѣ баринъ помышляетъ,
 Въ красной фескѣ, съ трубкой, сидя на крылечкѣ
 II пуская къ небу кольца и колечки
 Голубого дыму.

III.

Времена романтизма.

Помню я, весною
 (Въ годъ, когда такъ страшно у себя въ каморѣ
 Умеръ доѣзжачій), ждалъ я, что на сворѣ
 Поведутъ насъ въ дебри просѣлкой лѣсною,
 Что подь звуки рога темный лѣсъ проснется,
 Что въ хвостѣ у волка гончихъ лай зальется,
 II что зайка сѣрый—уши на макушкѣ—
 Выскочивъ, дастъ тягу вдоль лѣсной опушки,—
 А ему въ догонку, злы, легки и смѣлы,
 Точно тетивою спущенныя стрѣлы,
 Полетятъ борзья,—думаль, что недаромъ
 Въ носъ намъ сквозь ограду бьетъ душистымъ паромъ;

Что недаромъ гдѣ-то тучка громыхнула,
Дождичкомъ запахло—ласточка юркнула,
Раздражая воздухъ крикомъ, точно плачемъ,
А надъ самой дверью домика, съ висячимъ
Ржавымъ и похжимъ на калачъ, замочкомъ,
Гнѣздышко прилипло сѣренькимъ комочкомъ;
Думалъ я, что это, такъ сказать, заставитъ
Всѣхъ псарей подняться на ноги, что баринъ
И себя прославить, и собакъ прославить,
И за травлю гончимъ будетъ благодаренъ;
Но—когда, подсохнувъ, поружѣли кочки,
Но—когда березокъ липкіе листочки
Подросли и стали пылью покрываться,
Мы уже не ждали... стали отдаваться
Грусти и тревожнымъ снамъ воображенья.
Старый доѣзжачій, въ видѣ привидѣнья,
Ночью сталъ мелькать намъ; призракъ, не мигая,
На собакъ глазищи пяпль и, сверкая
Страшными бѣлками, пропадалъ во мракѣ...
Муза! вспомни это молодое время—
Дни, когда такъ глупо было наше племя!
Вспомни, какъ въ потемкахъ трусили собаки,
Вспомни, какъ однажды Милка положила
Мнѣ на шею морду, и—ее знобило,
Какъ нашъ Марсъ—верзило, прислонившись къ тыну,

Жмурился, какъ будто грѣлъ у печки спину,
 Какъ Барбось, тихонько воя, всѣмъ въ отраду,
 Съ чувствомъ, съ разстановкой, пѣлъ мою балладу.

Но текли минуты и текли недѣли.

Въ насъ сердца кипѣли и—перекипѣли.

Многіе съ тоскою вспоминали дѣтство,

Многіе страдали. Близкое сосѣдство

Сумрачной дубравы и привольной степи

Навѣвало думы—чувствовались цѣпи

Праздности и рабства; дворъ нашъ загрязненный,

Съ трехъ сторонъ еловымъ тыномъ окруженный,

Сталъ ужъ намъ казаться дворикомъ острожнымъ,

Что давало пищу мыслямъ невозможнымъ.

Къ намъ псари ходили—каждый день кормили,

Каждый день поили—милостивы были,

Гладили,—случалось, что плевали въ морду,

Но псари калитку нашу на щеколду,

Уходя, ни разу не позабывали

Запирать,—какъ будто смутно понимали,

Что уже межъ нами кой-гдѣ бродятъ толки—

Толки, что собаки, дескать, тѣ же волки,

Что имъ также можно рыскать, гдѣ угодно,

И что запирать ихъ врядъ ли благородно.

Но текли минуты и текли недѣли,

Наши либералы точно очумѣли:

Грохотанье-ль грома, вмѣстѣ съ синей тучей

Уносясь, мечты ихъ въ степи уносило,

Пѣнье ли кукушки такъ расшевелило

Ихъ собачье сердце, только въ лѣсѣ дремучій

На просторъ тянуть ихъ стало такъ, что ныли

Ихъ собачьи души—и собаки выли—

Трогательно выли; но не такъ, чтобъ очень...

(Слухъ людей ихъ воемъ не былъ озабоченъ).

И не разъ, бывало, мы съ тоской глядѣли

Въ темный лѣсъ, гдѣ птицы, рассыпаясь, пѣли,

Гдѣ въ кустахъ кудрявыхъ прятались дорожки,

Тѣ, что протоптали дѣвки-босоножки,

Въ часъ росистый утра ходя съ кузовками

Въ лѣсѣ за земляникой или за грибамп.

Иногда, бывало, въ степь ли по дорогѣ

Угольщикъ, широко разставляя ноги,

Несъ котомку, или тощая кобыла,

Хапая зубами травку, подходила

Близко къ нашей щели, мы изъ-за ограды

На счастливецѣ этихъ лаяли съ досады...

Иногда, напротивъ,—ни гу-гу! хотя бы

Объ ограду нашу терся боровъ, дабы

Почесать щетинный бокъ свой, иль здоровый

Быкъ мычалъ, зачѣмъ-де отстаѣтъ корова!

И хотя бы это грубое мычанье
 Съ нашей точки зрѣнья было неприлично
 И могло бы вызвать въ насъ негодованье—
 Ни гу-гу!—Тревожно и меланхолично,
 Шевеля бровями, шевеля усами,
 А носы просунувъ въ скважины, рядами
 Мы лежали тихо, и все, что далеко,
 Все, что хоть и близко, но, увы! для ока
 Недоступно—все, что смутно шевелилось
 Гдѣ-то тамъ—неволью насъ влекло, томило,
 Сильно сердце билось, въ головѣ мутилось,
 И въ ухахъ звенѣло, и въ глазахъ рябило...

А когда, бывало, ночью, краснымъ шаромъ
 Вылѣзаетъ мѣсяць изъ свинцовой тучи,
 А земля, какъ будто подданная паромъ,
 Ждетъ дождя и ловить молній блескъ летучій,
 Нашимъ, даже самымъ смѣлымъ либераламъ,
 Лѣсъ казался страшень. Темная трущоба,
 Помню я, бывало, глухо, какъ изъ гроба,
 Подаетъ свой голосъ: Гамъ—гамъ! Къ намъ—къ намъ!
 лаетъ,

То какъ будто свищеть, манить и пугаетъ...
 Были и такіе у насъ фантазеры,
 Что въ лѣсу при вѣтрѣ слышались имъ хоры
 Медвѣдей, ревущихъ страшными басами,

Медвѣдей громадныхъ, съ черными вихрами
 На спинѣ. Иные даже увѣряли—
 (Кажется, Барбоска увѣрялъ и многихъ,
 Кажется, увѣрилъ), будто бы впадали,
 Какъ при лунномъ свѣтѣ, между двухъ пологихъ
 Холмиковъ, въ туманѣ, на травѣ, мелькали
 Двѣ какихъ-то чудныхъ *амки*, просто—душки,—
 (Бѣленькія лапки—бѣленькія ушки),
 Что у этихъ амокъ былъ вѣнокъ на шеѣ,
 И что это были несомнѣнно феи.
 Такъ, лучи свободы въ розовую призму
 Преломляясь, явно насъ вели къ лиризму:
 И стихи плодились—плохо понимались,
 Но, когда читались, морды прояснялись,
 И не только гончихъ, даже водолаза
 Иногда плѣняла пламенная фраза,
 Даже *амки* (то-есть наши дамы), тоже
 Чуя духъ свободы, волновались лежа...

IV.

Мефистофель.

Отчего собаки стали волноваться,
 Тосковать, заемной мыслью увлекаться,
 Даже завираться? Отчего свободу

Сердца воспѣвая, злились на природу:
 (Ибо съ мая къ лѣту начали плодиться,
 Что при недостаткахъ вовсе не годится.)
 Отчего готовъ былъ лѣзть по горло въ воду
 Нашъ зѣло маститый и зѣло косматый
 Водолазъ? Трезвонъ же, краснобай завзятый,
 Хмурился, не вѣрилъ ни въ свою породу,
 Ни въ боговъ, а Сайга—Музу отрицала,
 Если только эта Муза продолжала
 Пѣть собачьи пѣсни, а не завывала,
 Какъ волчиха!.. Боги!..

Кто-то увѣряетъ,
 Что причинъ на свѣтѣ вовсе не бываетъ:
 Такъ, дескать, безъ мысли пишутся поэмы
 Въ современномъ вкусѣ, на чужія темы...
 Такъ, дескать, безъ вѣтра шепчутся осины...
 Но, повѣдай, Муза! развѣ безъ причины
 Стали насъ тревожить сны воображенья,
 Жгучія сомнѣнья—и поползновенья?..

. . . . .
 Тихо оттолкнувши лиру лапой нѣжной,
 Долго-долго Муза кроткая молчала;
 Ласковымъ упрекомъ, думой безмятежной
 Красота античной морды мнѣ сіяла, —
 Только чуть замѣтно ноздри шевелились,

Да глаза, сверкая, на меня косились.
 И вѣщала Муза:—Вѣрь мнѣ, отъ желудка
 Исходящій голосъ далеко не шутка!
 Отъ его цензурныхъ предостереженій
 Разовьется подлость, или смѣлый гений...
 Вы воображали, что на бѣломъ свѣтѣ
 Люди существуютъ съ тѣмъ, чтобъ быть въ отвѣтѣ
 За собакъ,—что если у собакъ въ похлебкѣ
 вмѣсто хлѣба съ саломъ будутъ плавать пробки,
 Или—если люди только васъ помажутъ
 По губамъ,—то боги ихъ за то накажутъ...
 Въ этомъ вы, конечно, разочаровались, —
 И пустились въ толки, въ споры и въ анализъ.
 Ты же будь поэтотъ, напруги вниманье,
 Призови на память то, что безъ вліянья
 Не прошло, и смѣло по пути прогресса
 Двинуло—припомни появленье бѣса...
 И послушный Музѣ, я въ мое созданье
 Правду самой свѣжей были, какъ преданье
 Вписываю...

— Это, господа, случилось

По веснѣ. Однажды, солнце закатилось,
 Сумерки стояли теплыя, и брага
 Всѣмъ пришла по вкусу. Парни для потѣхи
 Въ чехарду играли, дѣвушки орѣхи

Грызли, бабы пѣли... Вдругъ, изъ-за оврага
 Высочилъ и началъ бѣгать по дорогѣ
 Оборотень, страшный, и свинообразный,
 И волкообразный, словомъ, безобразный.
 У старухъ отъ страха подкосились ноги;
 Дѣвки и мальчишки съ крикомъ разбѣжались,
 Бабы завизжали... всѣ перепугались,
 И когда же!? въ праздникъ Божій (не въ Семикъ ли?)
 Этакій позоръ и ужась!

Всѣ привыкли,

Къ домовымъ:—не трудно мужику привыкнуть
 Къ тѣмъ, чье дѣло ясно (если въ дѣло вникнуть):
 Домовой порядки любить, охраняетъ
 Избу, скоть, сарай, и ворчитъ онъ, дабы
 Дѣвки не дурили... Мужики и бабы
 Слышутъ, какъ онъ ночью съ чердака слѣзаетъ,
 Какъ впотьмахъ онъ лѣзетъ къ дѣвкамъ на полати, —
 И давно привыкли къ этой благодати.
 По свинью на волчьихъ лапахъ невозможно
 Видѣть безъ обиды—это ужъ безбожно!
 Это—иль нечистой силы навожденье,
 Иль—колдунъ, который, злясь на все селенье,
 Тѣшитя. Недаромъ дошлые крестьяне,
 Тѣ, что были въ праздникъ по закону пьяны,
 Порѣшили чорта наказать. Кто палку

Подхватилъ, кто камень, и за нимъ погнались.
 Вотъ бѣгутъ,—кто рысью, кто и въ перевалку,—
 Двое спотыкнулись, трое запыхались.

Оомка просить чорта приостановиться...

— Погоди ты, рыжій дьяволъ!.. — Онъ же мчится
 Весь въ пыли, какъ вихорь,—шмыгаетъ въ ворота,
 И—на дворъ.—Держите, братцы! крикнулъ кто-то,
 Не уйдетъ!..

И что же? точно провалилось

Чудище—исчезло, сгнуло... Смутилась

Храбрая ватага,—въ поиски пустилась:

Шарить съ фонарями то въ углахъ сарая,

То на кухнѣ барской, то у Ермолая

Дворника въ чуланѣ, то въ сѣняхъ, повсюду...

И—нигдѣ!.. Всѣ злятся и дивятся чуду...

Привязались къ Степкѣ (этотъ Степка въ гости

Къ намъ ходилъ когда-то и носилъ намъ кости;

А теперь онъ сталъ ихъ отправлять возами

Въ городъ, на заводъ, и завелся грошами).

— Привязались къ Степкѣ: Ужъ не ты-ль колдунъ-то!..

Только, слава Богу, не дошло до бунта...

. . . . .

Гвалтъ, что услышали всѣ мы за сараемъ,

Унялся. Лежимъ мы, ничего не чаемъ,

Вдругъ, вообразите, оборотень явно
 Прошмыгнулъ на псарню, и преобразился
 Въ Пуделя. Трезвонка подъ навѣсъ забился,
 Струсилъ Барбось и Тезка, я—подавно...
 Ночи три-четыре сряду посѣщаль онъ
 Уголь нашъ (должно-быть, Фауста искалъ онъ),
 Ибо несомнѣнно, какъ сырой картофельъ
 Есть земная овощъ, какъ клубника съ вишней
 Ягода, такъ этотъ оборотень, *лишній*
 Для крестьянъ, для насъ былъ *нужный* Мефистофель.
 Въ эти ночи самъ я видѣлъ, какъ, изъ мрака
 Выдвляясь, ходить черная собака,
 Стриженная сзади, спереди на лъвенка
 Смахиваетъ,—брови выпуклыя,—тонкій,
 Нось,—вихоръ немного кверху заостренный,
 И въ зрачкѣ мерцаеть огонекъ зеленый,
 Какъ онъ ходить—слышимъ, какъ зѣваетъ—слышимъ...
 И впотемкахъ, уши наостря, чуть дышимъ,
 Только водолазъ нашъ духомъ не смущался,
 (Видно онъ недаромъ Магомъ прозывался.)
 Къ Пуделю навстрѣчу шелъ, и даже нюхаль;
 Чѣмъ проклятый пахнетъ, онъ одинъ расчухаль,
 Распозналъ, какое это привидѣнье!..
 И одинъ вошелъ съ нимъ въ близкое сношенъе.
 Чтò за разговоры съ нимъ, прикрывшись тьмою,

Велъ онъ, я не знаю, а догадку скрою;
 Лишь, скажу, что мастеръ чортъ въ мозгахъ печатать
 То, что отъ цензуры слѣдуетъ намъ прятать:
 Съ дѣтства заразившись жаждою всезнанья,
 Водолазъ, конечно, былъ не безъ вліянья
 На собакъ, готовыхъ чуть ли не молиться
 На того, кто даже чорта не боится.
 Вѣрьте иль не вѣрьте, это все равно мнѣ,
 Но что невозможно въ Старицахъ, въ Коломнѣ,
 Въ Брянскѣ, въ Спасскѣ... или между сановитыхъ
 Кобелей, въ приказномъ мірѣ знаменитыхъ,
 То на нашей псарнѣ стало непреложнымъ
 Фактомъ; *Мефистофель сталъ лицомъ возможнымъ.*
 Значить, наша псарня стала кой-что значить
 (Этимъ я надѣюсь нѣмцевъ озадачить.)
 Если для успѣха мысли человѣка
 Надобно по крайней мѣрѣ четверть вѣка,
 Для собакъ довольно полгода иль года:
 Ужъ такая наша умная порода!
 То, что трудно людямъ, для собакъ бездѣлка,
 Ибо между нами каждый—скороспѣлка.
 Нечему дивиться, что собачья стая,
 Точно въ семимильныхъ сапогахъ шагая,
 По пути прогресса шла, и для начала
 Все, что не собачье, смѣло отрицала;

Бога не боялась, чорта и подавно;
А пашлась лазейка, п струхнула явно.

V.

Первая лазейка.

О, повѣдай Муза! кѣмъ была прорыта
Первая лазейка? — Вѣрно имя этой
Золотой собаки въ псарнѣ знаменито.
Дайте мнѣ хоть имя, чтобъ я могъ Валета,
Марса или Карая навсегда прославить,
На ряду съ Вольтеромъ или съ Руссо поставить!..
Но молчить преданье,—но молчить бездарность,
Зависть, суесловье и неблагодарность!..
Глупо, говорятъ мнѣ, имя дѣлать вѣчнымъ,
Славить то, что въ звѣрѣ стало человѣчнымъ,
Или то, что въ людяхъ было гениальнымъ,—
Глупо, ибо пахнетъ чѣмъ-то идеальнымъ...
Впрочемъ, я напрасно слишкомъ беспокоюсь,
Ибо, вѣроятно, если я пороюсь
Въ нашихъ безтолковыхъ хроникахъ, открою:
Кто дерзнулъ...: кто первый раннею весною
Въ лѣсъ прорылъ лазейку,—Мефистофель, или
Тѣ, что на досугѣ мозгомъ шевелили?..

Можетъ-быть, случайность?.. Но не вижу смысла
 Я въ случайномъ фактѣ,—Музы не забыли,
 Что не случай стрѣить хоры ихъ, а числа,
 Время точно такъ же мѣряетъ часами
 Тотъ восторгъ, который намъ внушаютъ дамы,
 Также и лазейка... Безъ нея, конечно,
 Прожили-бъ мы вѣкъ свой болѣе безопасно,
 Безъ необычайныхъ радостей и бѣдствій,
 Иначе, безъ всякихъ, такъ-сказать, послѣдствій.

Въ часъ, когда достигла ночь до половины,
 Въ часъ, когда на окна опустивъ гардины,
 На широкомъ ложѣ, носомъ погруженный
 Въ пухъ своихъ подушекъ, тяжело бредилъ сонный
 Нашъ Мирза, его же чубучокъ склонился
 Въ уголокъ укромный и ужъ не дымился,
 Въ часъ, когда Мирзиха изъ-подъ одѣяла
 Только бѣлый кончикъ ножки выставяла,
 На господской псарнѣ подвигъ совершился,
 И на этотъ подвигъ, не Трезвонъ рѣшился,
 А Барбоска, юный другъ мой и пріятель,
 Не дѣлецъ—гуляка и притомъ мечтатель.
 Трещите трусы! Муза, пой Барбоса!
 Долго изъ лазейки только кончикъ носа
 Высунувъ, глядѣлъ онъ, какъ луна купалась

Въ тучкахъ, окаймленныхъ гѣбною жемчужной,
 Какъ неслись тѣ тучки вереницей дружной,
 Какъ звѣзда съ звѣздою, то перемигалась,
 То въ туманѣ гасла, лѣсъ не шевелился,
 Вѣтеръ спалъ, и долго мой Барбось косился
 Съ нѣкоторымъ чувствомъ страха на вершины
 Трепетно и робко шепчущей осины,
 И молчалъ, и думалъ, можетъ-быть: ужъ нѣтъ ли
 Тамъ, въ лѣсу, капкана или скрытой петли...
 И вздыхалъ, и чуялъ носомъ смолянистый
 Запахъ, пробиравшій ночи воздухъ мгlistый;
 Но, одолѣвая тайную тревогу,
 Мой Барбось сначала выползъ на дорогу,
 Наконецъ, осину обошелъ, и смѣло
 Зашагалъ въ труппобу лѣса, гдѣ бѣлѣла
 Старая береза, какъ скелеть повитый
 Саваномъ,—и вышелъ на бугоръ, покрытый
 Пнями и, хотя онъ въ горній тронъ Зевеса
 Плохо вѣрилъ, поднялъ очи выше лѣса,
 Въ безпредѣльно-темный, синій сумракъ свода
 Звѣзднаго, и молвилъ: торжествуй свобода!
 Такъ свершился подвигъ—дѣло началось—
 Началось на лонѣ матери-природы,
 Въ часъ, когда молчали и холмы, и воды,
 И лѣса, и въ гнѣздахъ молодыя птицы,

И луна, и легкихъ тучекъ вереницы...

. . . . .

На другое утро, по слѣдамъ Барбоса,
 Изъ лазейки къ лѣсу проскользнулъ Соколка,
 Вслѣдъ за нимъ Трезвонка, и Карай, и Челка,
 Наконецъ, и Сайга, и за ней вся стая,
 (Тишину сначала строго соблюдая).
 Всѣ нашли, что лазить сущая бездѣлка,
 Что бѣжать законна всякая попытка,
 Особливо, если заперта калитка.
 Даже наши амки тайно бѣгать стали
 Въ лѣсъ, и неизвѣстно, гдѣ тамъ ночевали.
 Даже нашъ Вопило былъ почти согласенъ,
 Что подобный подвигъ вовсе не опасенъ.
 Всѣ нашли, что въ царнѣ грунтъ для ямъ удобенъ,
 И что рыть лазейку каждый песь способенъ.
 Что такое дѣло ничего не стѣять,
 Ибо въ свѣтъ каждый что-нибудь да роеть.
 Всѣ повеселѣли—словно оживились,
 Видомъ степи, тѣнью лѣса вдохновились;
 Кто завелъ пнтрижку,—въ таборъ шель цыганскій,
 Кто сманилъ дворняжку въ огородъ крестьянскій;
 Рослый Марсъ, искатель сильныхъ впечатлѣній,
 Шлялся по деревнѣ не безъ приключеній;
 Водолазъ, который жить не могъ безъ бани,

Въ озерѣ плескался точно въ океанѣ;
 Цѣлый день болтался Берфинъ сынъ проказникъ,
 Словомъ, всѣмъ казалось, что свобода—праздникъ.
 Вдругъ—гляжу, Барбось мой голову повѣсилъ,
 И спросилъ я друга, что ты такъ не весель?
 Ты—который сдѣлалъ первый шагъ къ свободѣ...
 Или ты у нашихъ амокъ сталъ не въ модѣ!?
 И увы!—узналъ я, что за гусь Трезвонка!..
 Смирнаго Барбоса принялъ за телянка,
 Подскочилъ и цапнулъ—такъ... живешь здорово...
 Это было дико—это было ново.
 Я разгорячился, я хотѣлъ вступиться,
 Мстить, и съ волкодавомъ не шути сдѣлаться.

Въ тотъ же день нахала довелось мнѣ встрѣтить,
 И сказалъ я—то-есть даль ему замѣтить,
 Что Барбоска—наша будущая слава,
 Что большая морда никакого права
 Не даетъ кусаться, и что за Барбоса
 Я хочу вступиться...

— Я молокососа

Этого, сказалъ онъ,—просто обожаю,
 И не ради злости я его кусаю,
 Я его кусаю, изъ предположенья,
 Что зазнаться можетъ — собственное мнѣнье

Возымѣть захочеть—словомъ, возмечтаетъ...

Укусить такого, право, не мѣшаетъ...

. . . . .

VI.

Дни разочарованій.

† Солнце закатилось, и взошло — и снова
 Въ тучку закатилось: миновали сутки.
 Жить свободной жизнью намъ казалось ново;
 Бросили мы псарню и, пока желудки
 Вновь не отоцали, ловко мы справлялись
 Съ нашею свободой. Чудны намъ казались
 Тѣ часы, когда мы за коростелями
 Рыскали по степи или между пнями,
 Раздвигая пышный папоротникъ, въ норы
 Зарывали морды вплоть до переносья;
 Или, въ злачной нивѣ лежа, сквозь колосья
 Какъ сквозь сѣть густую, устремляли взоры
 За перепелами; я же забирался
 † Въ барскій конопляникъ — словомъ, наслаждался
 Нѣгою свободы въ качествѣ поэта.
 Кто бы могъ подумать, что свобода эта
 Насолить намъ хуже, чѣмъ нашъ доѣзжачій!

Или мы не звѣри, или мы въ собачьей
 Шкурѣ не способны быть не только львами
 (Гдѣ ужъ намъ!) — спасуемъ и передъ мышами...
 Поневождѣ сердце желчью оболется.
 Бѣдныя собаки! кто не ужаснется,
 Кто не возмутится духомъ, кто проклятью
 Не предасть двуногихъ, то-есть вашу братью?
 Слушайте, какая началась невзгода,
 Какъ насъ подкузмила эта *мать* свобода!
 Разъ, на край деревни утромъ забѣжала
 Наша амка Берфа — погулять желала —
 Прошмыгнула въ чьи-то сѣни, подъ скамейкой
 Увидала кринку, съ непокрытой шейкой,
 И ее лизнула — не безъ увлеченья.
 Посудите сами, въ чемъ тутъ преступленье!
 Кринка, покачнувшись на бокъ, не разбилась;
 Такъ за что же злая баба взбеленилась?
 Увидала Берфу и еехватила
 По боку ухватомъ — чуть-чуть не убила!
 Такъ-то самой милой, самой благородной
 Амкѣ и, замѣтите, бѣдной и безродной,
 Нанесла увѣчье грубая крестьянка!
 Гдѣ же тутъ свобода ваша человѣчья,
 Если изъ-за кринки жди себѣ увѣчья!
 Черезъ день мы слышимъ — о, позоръ! — цыганка

Кочевая, та, что въ пыльной, рваной шали
Шлялась по деревнѣ, и ее гоняли
Отъ воротъ, смила, увела съ собою
Лучшаго борзого, нашего Ахилла,
Нашего героя. Тщетно головою
Онъ моталъ, шагая по слѣдамъ воровки;
Тщетно упирался, рвался изъ веревки,
Высунувъ языкъ свой и тоскливо воя:
Дикая цыганка увлекла героя
За своимъ обозомъ, въ вѣтеръ, въ дождь и слякоть.
Не успѣли наши псы его оплакать,
Слышимъ — нашъ отважный Марсъ ночной порою
Встрѣченъ былъ въ опушкѣ стражею лѣсною,
Съ бѣлою кокардой на суконныхъ шляпахъ.
Марсъ остановился; онъ почувалъ запахъ
Пороху, и что же — баць! въ него пустили
Пулю: не узнали — да и подстрѣлили.
Къ утру доплелся онъ къ намъ на трехъ ужъ лапахъ.
Наконецъ — о, ужась! — пламенно любимый
Амками, нашъ пылкій, нашъ неутомимый
Соколъ шель знакомой по лѣсу тропинкой,
Вдругъ — за промелькнувшей сѣренькою спинкой
Молодой зайчихи — въ сторону увлекся,
Побѣжалъ въ догонку, не догнавъ — обжегся.
Кажется, что въ этомъ нѣтъ еще безчестья!

Но, забравшись въ дѣбри дальше отъ предмѣстья,
 Соколь заблудился. Дикій звѣрь дороги
 Въ дѣбряхъ не забудеть, до своей берлоги
 Каждый доберется, каждый слѣдъ отыщеть,
 А собака, если человѣкъ не свищетъ,
 Если въ шумѣ вѣтра не услышитъ клпчки,
 Забѣжитъ навѣрно къ чорту на кулпчки.
 Соколь воротился тощій и голодный,
 Амки не узнали друга благородной
 Морды и, съ гримасой, нагло отвернулись;
 Кобели ни слова; многіе надулись.
 Бѣдный нашъ Соколка! поздно ты вернулся,
 Тщетно ты къ корыту головой нагнулся:
 Вылизано было такъ, что дно свѣтилось.
 Сердце съ болью ныло, въ головѣ мутилось;
 Но никто твой голодь не взялъ во вниманье:
 Не было у нашихъ сытыхъ состраданья.
 Изъ какой-то лужи слишкомъ нахлебавшись,
 Заболѣлъ Соколка, легъ, спиной прижавшись
 Къ тыну, изъ-подъ грязной, шелудивой шубы
 Выглянулъ на солнце и, оскаливъ зубы,
 Околѣлъ — и что же? — около Соколки
 Раздались упреки, сожалѣнья, толки:
 Дескать — мы хоронимъ лучшія надежды;
 Дескать — загубили молодость невѣжды...

Амки осуждали вѣтреность героя;
Сытые рѣшили: умерь отъ запоя.

VII.

Первое засѣданіе.

Такъ злой рокъ надъ нами тѣшился всевластно!
Поняли собаки, что блуждать опасно:
Стала посѣщать насъ тайная забота.
Разъ я спалъ — и въ полночь, слышу, входитъ кто-то
И зоветъ: «проснись, братъ, приходи въ собранье:
Нынче, ровно въ полночь, будетъ засѣданье.
Мы вопросъ рѣшаемъ далеко не дѣтскій,
Иначе — задачу важности громадной,
А ты спишь и, вѣрно, видишь сонъ нескладный,
Потому что бредишь колбасой нѣмецкой.
Отрезвись, несчастный, и не будь такъ лакомъ!»
Голосъ былъ Карая. Окруженный мракомъ
Ночи поднялся я. Помню, подгибая
Хвостъ свой, за Караемъ молча поплелся я.
Вотъ пролѣзь лазейку, робко оглянулся,
И пошелъ съ нимъ къ лѣсу. Кто-то шевельнулся
Подъ кустомъ; мы дальше — наконецъ, мы сѣли
Подъ корнями темной и широкой ели,

Подъ шатромъ колючихъ и вилообразныхъ
 Сучьевъ. Въ темномъ небѣ кучки звѣздъ алмазныхъ
 Начинали меркнуть; тучи предвѣщали
 Не грозу, такъ ливень. Многіе, признаться,
 Тутъ же очевидно стали притворяться,
 Что у нихъ разбухла печень — лихорадка,
 Что они рискуютъ, ибо ждутъ припадка —
 И затѣмъ спѣшили по домамъ убраться.
 Насъ въ лѣсу осталось семеро: Барбоска,
 Сайга, юный Тютька, да Карай, да Тезка,
 Наконецъ, ученый Магъ, да я съ Трезвономъ —
 Я, который съ дѣтства прозванъ былъ Пижономъ
 Оттого, быть можетъ, что въ шубѣнкѣ бѣлой
 Былъ я словно голубь нѣженъ и, незрѣлый
 Парень, глупо вѣря всякой небылицѣ,
 Замышлялъ царицѣ нашей, Чечевицѣ,
 Сочинить посланье... Но старо все это.
 Первымъ либераломъ сталъ я въ это лѣто,
 И меня недаромъ всюду призывали —
 Всюду, гдѣ собаки нѣчто замышляли.
 Въ этомъ семичленномъ засѣданьи былъ я,
 Вѣрьте, не послѣдній, и не меньше былъ я
 Въ часъ, какъ президента выбрать мы стали
 И—кого бы выбрать — головы ломали.
 Выбрали, конечно, водолаза Мага,

Потому что сила, опытность, отвага,
 Наконецъ ученость (зналъ онъ по-латыни),
 Это все не только въ этомъ гражданнѣ
 Несбыкновенно мягко сочеталось,
 Но и на широкой мордѣ отражалось.
 Избранному нами слѣдовало громко
 Первому залаять, чтобъ открыть собранье;
 Но, къ несчастью, началъ голосить Трезвонка.
 Честолюбецъ этотъ не почтилъ избранья.
 Мы негодовали; но негодованье
 Общее не вышло изъ границъ молчанья.
 «Господа!» онъ началъ: «для какой вы цѣли
 Собрались подъ своды этой старой ели?
 Господа! сначала цѣль мнѣ укажите,
 А потомъ и лайте. Вы мнѣ говорите,
 Цѣль извѣстна; это — самосохраненье,
 Благосостоянье, миръ и просвѣщенье.
 Вотъ чего вамъ нужно!» продолжалъ Трезвонка,
 «Нужны когти кошки и покой теленка,
 Отъ людей занять намъ нужно просвѣщенье,
 Отъ коровы — жвачку, отъ овцы терпѣнье:
 Такъ какъ эти свойства въ насъ не совмѣстимы —
 Ваши цѣли глупы и недостижимы».
 — «Правда!» кто-то твякнулъ въ темнотѣ. Я началъ
 Восторгаться, ибо насъ такъ озадачилъ

Этотъ смѣлый приступъ рѣчи, что, признаться,
 Мы въ душѣ невольно стали поклоняться
 Смѣлому Трезвону. И Карай, и Тезка
 Словно онѣмѣли; но злодѣй Барбосга
 Поднялся и рѣзко началъ прекословить:
 «Незачѣмъ собранья нашего злословить!»
 Молвилъ онъ: «и если на слова мы скупы,
 То еще не значить, что собаки глупы.
 Если ты умнѣе, говори, какая
 Цѣль твоя? мы будемъ слушать». — «А такая»,
 Подхватилъ Трезвонка, «что ее едва ли
 Тотъ кобель достигнетъ, кто безъ состраданья,
 Безъ великой злобы, даже безъ печали,
 Видѣлъ, какъ собаки наши голодали,
 Или, ради пѣсенъ, то-есть завыванья,
 Забывалъ свой голодь, нужды и страданья.
 Наша цѣль — одна, чтобъ поровну достало
 Всѣмъ ѣды и поила. Стало-быть сначала
 Разберемъ, кто въ правѣ утолять свой голодь?
 Утолять свой голодь въ правѣ тотъ, кто молодъ,
 Кто не заразился старымъ предрасудкомъ,
 Что живетъ онъ въ мірѣ не однимъ желудкомъ,
 Кто рискуетъ жизнью, кто своей породы
 Не падить во имя братства и свободы.
 Остальные — лежни — въ праздности и лѣни

Дни свои проводят на примятомъ сѣнѣ
 Своего подвала. Если мы не струсимъ,
 Если мы всѣмъ лежнямъ горло перекусимъ,
 Соколы не будутъ чахнуть съ голодухи,
 Наши Берфы также у кривой страпухи
 Да у бабъ не стануть слизывать сметану,
 Прибѣжить Ахилка, Марсь залижетъ рану —
 И тогда — утѣшьтеся — я ворчать не стану».
 — «Браво!» ухмыляясь, мы шептали: «браво!

Молодецъ Трезвонка! разсуждаетъ здраво».

Но Барбось (сердиться онъ имѣлъ все право)
 Такъ завылъ: «Во-первыхъ, насъ весьма не много,
 И не мало лежней; во-вторыхъ, отъ Бога
 Не одинъ желудокъ данъ имъ, но и зубы.

Если эти зубы такъ же гложутъ кости,
 Какъ и мы ихъ гложемъ, незваные гости
 Собственною шкурой могутъ поцлатиться.

Стало-быть, такое средство не годится —

Не годится, ибо если мы не сладимъ —

Удружимъ подвалу, а себѣ нагадимъ.

Если же мы сладимъ, то Трезвонка ляжетъ

Самъ среди подвала — и навѣрно скажетъ:

«Тотъ изъ васъ, кто хочетъ быть достоинъ чести

Возлежать со мною на примятомъ мѣстѣ

И вкушать отраду безмятежной дѣни,

Тотъ поникни мордой и склони колѣни...»
 Только что Барбоска произнесъ такую
 Дерзкую тираду, я хотѣлъ убраться,
 Думалъ, что Барбоса разнесутъ... Признаться,
 Не слыхалъ я сроду, чтобъ могли собаки
 Такъ рычать. Мы были на волосъ отъ драки;
 Но поднялся съ мѣста водолазь—и сразу,
 Всѣ поворотили морды къ водолазу.
 Истинно хорошъ онъ въ это былъ мгновенье.
 Понялъ я, чтó значить холодъ вдохновенья:
 Шерсть на немъ торчала и глаза горѣли—
 И глядѣлъ онъ строго изъ-подъ темной ели.
 — «Хорошо, Трезвонка, я согласенъ съ вами!»
 Сдержанно вѣщаль онъ. «Если вы зубами
 Крѣпче—отвоюйте сытое корыто,
 И подвалъ, и все, что про запасъ зарыто».
 — «Лишь одно позвольте сдѣлать замѣчанье»,
 Забурчалъ Трезвонка.—«Я прошу молчанья!»—
 Замолчалъ Трезвонка.—«Я начну съ вопроса»,
 Продолжалъ маститый водолазь—и косо
 Поглядѣлъ на морды. «Будемъ ли мы сыто
 Ъсть, когда изъ псарни унесутъ корыто?
 Человѣкъ ужасенъ, если разозлится!
 Чѣмъ тогда мы будемъ съ братьями дѣлиться,
 Если хлѣбъ не будетъ съ неба намъ валиться.

Если-жь мы другъ друга на смерть искусаемъ,
 Знаете, что скажутъ люди?»—«Нѣтъ, не знаемъ».—
 — «Скажутъ: «псы взбѣсались: мы ихъ разстрѣляемъ!»
 Если-жь разбредемся по лѣсу, то всякій
 Дуралей, который встрѣтится съ собакой,
 Будеть бить собаку, будетъ, безъ зазрѣнья
 Совѣсти, стрѣлять въ насъ ради опасенья.
 Съ пулей трудно ладить, ибо пуля—дура:
 Вспомните хоть Марса. Потому что шкура
 У него по цвѣту схожа съ волчьей шубой,
 Потому что съ виду Марсъ дѣтина грубый,
 Что случилось? Марса приняли за волка
 И—пафъ, пафъ! Извольте, добивайтесь толка,
 Кто тутъ правъ—и если мы, собаки, правы,
 Все же не найти намъ на людей расправы:
 Люди и медвѣдя укокошатъ, такъ-то!»
 Сказано все это было не безъ такта,
 Не безъ знанья дѣла; но не унимался
 Нашъ герой Трезвонка: спорилъ, огрызался,
 Лишь Барбось, потупясь, грустно сознавался,
 Что необходимо приучиться стафъ,
 Прежде чѣмъ мечтать ей о какомъ-то рафъ,
 И чутье, и мышцы примѣнить къ работѣ,
 Чтобъ на рыбной ловлѣ или на охотѣ,
 Безъ людей, собаки завели обычай

Каждому питаться собственной добычей.
 Водолаз согласенъ былъ вполне съ Барбосомъ,
 Но Трезвонъ, который оставался съ носомъ,
 Въ лѣсъ къ волкамъ собирався убѣжать—горланить
 И пыхтѣть. По счастью, дождь забарабанилъ,
 Сталъ шумѣть все шибче—наконецъ, сильнѣе
 Полил: ель намокла,—стало холоднѣе,—
 Потекло,—ручьями обдало Трезвонку—
 И нашъ *волкъ* за Стрѣлкой драго въ перегонку
 Къ намъ на дворъ, чтобъ спрятать спину подъ навѣсомъ.
 Подражая этимъ храбрецамъ-повѣсамъ,
 Убѣжалъ Вопило и Карай. Остались
 Гражданинъ Барбоска, да я съ водолазомъ.
 Мы съ Барбоской плотно къ дереву прижались,
 Водолазъ легъ въ лужу—и его рассказамъ
 Долго мы внимали съ тайнымъ сокрушеньемъ:
 Тотъ рассказъ для насъ былъ новымъ откровеньемъ.

VIII.

«Самопомощь».

Такъ вопросъ рабочій, поднятый Барбосомъ,
 На господской псарнѣ моднымъ сталъ вопросомъ.
 Чтò и какъ работать, такъ какъ наши руки
 Стали у корыта, отъ неупражненья,

Сущими ногами? Камнемъ преткновенья
 Сталь на самомъ дѣлѣ сей вопросъ науки.
 Только несомнѣннымъ было въ насъ умѣнье
 Или даръ отлично дѣйствовать зубами,—
 Даръ до совершенства доведенный нами.
 Мастера мы были зубы каждой дичи
 Показать—и это съ жаждою добычи
 И тончайшимъ нюхомъ гармонировало
 Такъ, что даже въ людяхъ зависть поселяло.
 Но, увы, собаки, безъ людей, безъ Бога
 И безъ рукъ, зубами сдѣлали немного.
 Два борзыхъ отважно предались охотѣ:
 Цѣлыхъ двое сутокъ были на работѣ,
 Пропустили въ псарнѣ цѣлыхъ два обѣда—
 И, вообразите, только затравили
 Одного зайчонка. Это ли побѣда!
 Юные борзые оба приуныли:
 Такъ ихъ возмутила неудача эта.
 «Кончено!» ворчали. Но когда газета,
 Похваливъ ихъ подвигъ, намекнула тонко,
 Что такимъ героямъ одного зайчонка
 И травить не стоитъ, юные борзые
 Вновь ушли на травлю и мѣста пустыя
 У корыта снова заняли другіе.
 Разъ пропала Стрѣлка—нѣтъ и нѣтъ. Ужели,

Я подумалъ съ грустью, мы ей надоѣли
 И она рѣшилась умереть—и что же
 Узнаю? малютка, у которой тоже
 Пылкій былъ характеръ, страстно-нервный съ дѣтства,
 Тайно пожелала испытать всѣ средства
 Жить трудомъ посильнымъ, такъ какъ ей въ наслѣдство
 Хвостъ одинъ достался. Убѣжала—дышитъ
 Ароматомъ лѣса, радуется, слышитъ:
 Золотая пчелка по цвѣтамъ порхаетъ,
 То жужжить, то молча медь съ нихъ собираетъ;
 Свѣтлый ключъ подъ ивой катитъ по песочку
 Золотыя струйки, къ каждому листочку
 Пробираясь, вѣтеръ смѣло ихъ цѣлуетъ;
 Шепчутся листочки—ласка ихъ волнуетъ;
 И летаютъ птицы, и поютъ, и всюду
 Золото и зелень, трудъ и наслажденье...
 «Что-жь я въ этомъ пынномъ мѣрѣ дѣлать буду?»
 Думаетъ бѣглянка. «Меду не добуду,
 Вить гнѣзда не стану. Пѣть?—мое почтенье!
 Сытой я не буду—не накормить пѣнье.
 Вотъ грибы!—Ихъ много на потѣху людямъ;
 Но мы постной пищей тѣшиться не будемъ --
 Чтò за дрянъ волвянки, грузди, сыроѣжки!»
 Захандрила Стрѣлка. Вдругъ, представьте случай:
 Слышитъ подъ сосною, въ кустикѣ, за кучей

Муравьиной, кто-то щелкает орѣшки.
 Кто бы это?—Шейку вытянула Стрѣлка,
 Крадется... и видитъ—завтракаетъ бѣлка.
 Подползаетъ Стрѣлка—ноздри шевелятся.
 Бѣлка, приподнявшись, стала озираться.
 Навострила ушки, вдругъ хвостомъ пушистымъ,
 Какъ крыломъ, взмахнула и, по смолянистымъ
 Трещинкамъ цѣпляясь, высоко взлетѣла
 На сучокъ зеленой сосенки и сѣла,
 Сгорбясь и поднявши хвостикъ въ видѣ эса (S).
 Прозѣвала амка—еле-еле дышитъ,
 Индо вся трясется; ни травы, ни лѣса—
 Ничего не видитъ, ничего не слышитъ;
 Видитъ только бѣлку, слышитъ, какъ орѣхи
 Рыжая каналья гложетъ безъ помѣхи
 И, какъ будто дразнить, подъ носъ ей бросаетъ
 Скорлупу. Напрасно амка разѣвааетъ
 Ротъ свой, воетъ, лапаетъ, лапами толкаетъ
 Въ дерево—каналья бѣлка въ усь не дуетъ,
 Умываетъ рыльце, да на лапки плюетъ,
 Словомъ, потеряла всякую трусливость.
 Отдадимъ терпѣнью амки справедливость:
 До заката солнца Стрѣлка все зѣвала
 По верхамъ, покуда бѣлка не пропала
 Въ темной массѣ листьевъ,—точно укатилась.

Чуть не со слезами Стрѣлка воротилась
 Къ намъ въ шалашъ—и долго-долго мнѣ мѣшала
 Спать и все шептала на ухо мнѣ: «милый,
 Я весь день трудилась, напрягала силы,
 Напрягала зрѣнье, и, увы, напрасно!
 Столько силъ напрасно потерять—ужасно!
 И, представь, я бѣлку чуть-чуть не поймала—
 Вырвалась; но, знаешь, надо мнѣ сначала,
 Прежде чѣмъ отдаться высшимъ всѣмъ наукамъ,
 Почиться всякимъ обезьяньимъ штукамъ.
 Ахъ, поймай я бѣлку—шкурку продала бы,
 Завела бы домикъ, да и зажила бы...
 Чтѣ ты мнѣ на это скажешь? Я хотѣла
 Быть тебя достойной и—весь день не ѣла!
 Нѣтъ ли хоть кусочка мнѣ взаимы?» Конечно,
 Поступить не могъ я съ ней безчеловѣчно—
 Далъ я ей кусочекъ. Стрѣлка благодарна.
 Уменьшая амка, только жаль—бездарна;
 И трудиться хочеть, и никакъ не можетъ—
 И чужую корку поневолѣ гложеть.
 Берфинъ сынъ другую отыскалъ работу:
 Сталъ ловить лягушекъ и, трудясь до поту,
 Сотнями давить ихъ. Для чего? признаться,
 Самъ того не вѣдалъ. Развѣ обжираться
 Гадами, собаками, чортъ возьми, способны!

Нѣтъ, лягушки скользки, прѣсны и несдобны!
 И хотя зубами мы подчасъ гордимся,
 Но въ цари къ лягушкамъ вовсе не годимся,
 Не годимся, ибо—мы не любимъ голыхъ.
 Такъ на кой же дьяволъ Берфинъ сынъ извелъ ихъ
 Этакую пропасть! помѣшалъ имъ квакать!
 Говорить: трудился, чтобъ потомъ не плакать.
 Добирайтесь смысла отъ такой дубины,
 И—не доберетесь. Наконецъ, открыли
 Наши топографы, хоть и позабыли
 Нанести на планъ свой, пять-шесть верстъ трясины,
 Иначе—болота между озерами,
 Гдѣ лознякъ да кочки вышли островами,
 Гдѣ для сѣнокосовъ травы слишкомъ жестки,
 Гдѣ у незабудокъ на глазенкахъ слезки,
 Гдѣ хвощи выходятъ изъ воды хвостами,
 Гдѣ тростникъ зелено-темными стѣнами
 Поднялся и смотреть, какъ цвѣтутъ кувшинки,
 Какъ блестятъ букашекъ бисерныя спинки
 На пловучихъ листьяхъ (если нѣтъ тумана).
 Словомъ, мы открыли жилу золотую,
 Гдѣ собаки наши, забираясь рано
 На зарѣ, могли бы дичь хватать любую—
 Разумѣю: утокъ, куликовъ, бекасовъ
 (Прежде чѣмъ побѣтъ ихъ вашъ поэтъ Некрасовъ).

[Услыхавъ объ этомъ, къ намъ зашелъ Валетка—
 Голубой ошейникъ, бѣлая жилетка,
 Замша на переднихъ и на заднихъ лапахъ,
 И при этомъ тонкій съ наркотизмомъ запахъ
 Барскаго покоя, гдѣ сигары курять,
 Гдѣ душать батистъ свой розовыя дамы,
 И откуда брата нашего протурять,
 [Коли не спросясь да сунемся туда мы.
 Псы не ожидали этого Валета:
 Покидалъ онъ рѣдко шумъ большого свѣта,
 Но всегда казался искренно-любезнымъ
 И твердилъ, что хочетъ быть для насъ полезнымъ.
 «Говорять, сказалъ онъ (говорилъ мнѣ кто-то),
 Будто бы нашли вы новое болото:
 Не мое ли это? Впрочемъ, вотъ чтò знайте:
 Если и мое, вы имъ располагайте
 Какъ вамъ тамъ угодно, даже безвозмездно,
 И ловите утокъ, только—не стрѣляйте.
 Тамъ я былъ съ Мирзою, и такая бездна
 Дичи тамъ, что утки на ружье садятся.
 Въ этакое болотѣ стоитъ позаняться».
 [И затѣмъ пустился гость нашъ въ прибаутки;
 Обѣщалъ свести насъ, показать, гдѣ утки
 Кишмя копошатся и утятъ разводять,
 Гдѣ сидить гусыня и глаза тарачить,

Гдѣ журавль лягушекъ на расправу тащить,
 Гдѣ куликъ, какъ цапля, вѣчно что-то удить,
 Слово мѣ, гдѣ для всѣхъ насъ, псовъ, пожива будетъ.
 Общѣ, утѣшилъ и надулъ, мошенникъ!
 Говорятъ, боялся замарать ошейникъ,
 Опоздать къ обѣду, пропустить подачку
 Или, что вѣрнѣе, не хотѣлъ онъ, стачку
 Съ нами затѣвая, слыть за демократа.
 Глупо полагаться на такого фата!
 Никакой услуги и не ожидая
 Отъ Валета, наша Сайга молодая,
 Амка разбитная и передовая,
 Здраво разсудила: «если до болота
 Можно и самимъ намъ какъ-нибудь добраться—
 Значить, отъ собаки не уйдетъ работа
 И добыча будетъ,—стоитъ постараться».
 Собралась, ни слова братьямъ не сказала
 И ушла—и сразу селезня поймала.
 Первую добычу слѣдуетъ прославить.
 Первый эту Сайгу я пришелъ поздравить,
 И пусть эта амка въ тинѣ замарала
 Лапки, хвостъ и шею—это не мѣшало
 Быть ей героиней. Сталь я волочиться,
 Зная, что добычей можно подѣлиться;
 Но она, облапивъ селезня, щипала

Перья и сквозь зубы на меня ворчала.

«Боги!» говорил я: «женственности мало—

А какая прелесть!» Я хоть и поэтикъ,

Но какъ настоящій песь—плохой эстетикъ:

Для меня холодный мраморъ, будь Венерой,

По сравненью съ амкой, кажется химерой.

Какъ она щипала перья!—потрошила

Селезня!—ей-Богу, видѣть было мило!

Я глядѣлъ и таялъ; но, вообразите,

Зависть распустила пагубныя нити,

Точно паутину; всѣ мы вислоухи,

Но невѣроятно, какъ пустые слухи

Могутъ насъ опутать; зависть разглашала,

Будто наша Сайга оттого поймала

Селезня, что былъ онъ дробью бекасиной

Изъ ружья подстрѣленъ, и что, съ двухъ-аршинной

Высоты свалившись, онъ не могъ подняться

И прижался къ кочкѣ, съ тѣмъ чтобъ отлежаться;

Что не только Сайгѣ, всякой овладѣть имъ

Было бы не трудно; что гордиться этимъ

Никакая амка себѣ не позволить;

Что напрасно Сайга говорить изволить,

Что сама трудилась—за нее трудился

Тотъ, кто первый порохъ выдумалъ. Я злился

На такія рѣчи. Сайга возмутилась,

И—какъ будто цѣлыхъ шесть недѣль постилась —
 Страшно похудѣла. Видѣть было жалко,
 Какъ она страдала; и тогда объ этомъ
 Поднялась въ журнальномъ мѣрѣ перепалка,
 Полному забвенью преданная свѣтомъ.
 Но зато Трезорка, двухъ кротовъ отрывшій,
 И Карай, сѣдую крысу задавившій,
 Какъ дѣльцы, великой пользовались славой.
 Закипѣла злоба съ ѣдкою приправой
 Клеветы. Шершавымъ болѣе шершавый
 Сталь ужъ ненавистенъ. У кого торчали
 Уши, почему-то чуть не вслухъ желали,
 Чтобъ они торчали и у вислоухихъ.
 Тоненькія амки амокъ толстобрюхихъ
 Поднимали на смѣхъ. Наши волкодавы
 Ни борзымъ, ни гончимъ не прощали славы.
 Даже я за что-то былъ у нихъ въ отвѣтъ...
 Словомъ, трудно стало жить на бѣломъ свѣтѣ.

IX.

Позоръ и негодованье.

Домикъ, гдѣ покончилъ съ жизнью доѣзжачій,
 Оттого, что понялъ нашъ языкъ собачій,

Какъ руина, пусть былъ послѣ разоренья;
 Наконецъ, былъ отданъ въ полное владѣнье
 Птичницѣ Аринѣ. У кривой Арины
 Мужъ былъ старикашка, отставной солдатикъ.
 Спрятавъ подъ фуражку желтыя сѣдины,
 Онъ носилъ суконный, сѣренькій халатикъ,
 Тотъ, что былъ когда-то егерской шинелью.
 Въ домикъ солдатикъ надъ своей постелью
 Въ уголокъ поставилъ мѣдный образочекъ
 И зажегъ лампадку; небольшой пучочекъ
 Вербъ, что изъ-за стклянки съ масломъ выставлялся,
 Долго намъ, собакамъ, розгами казался.
 Не успѣлъ солдатикъ въ домикъ обжиться,
 Какъ уже надъ кровлей сталъ дымокъ клубиться,
 Затрещала печка и запахло щами:
 Это примирило съ новыми жильцами
 Нашихъ либераловъ—и они старались
 Придержать языкъ свой, хоть и раздражались.
 Лежни трепетали за подвалъ съ примятымъ
 Сѣномъ; особливо баричамъ женатымъ
 Почему-то было не совсѣмъ-то ловко—
 Чудилося—будетъ всѣмъ перетасовка.
 Амки, жены старыхъ фатовъ, пролѣзали
 Первыми къ крылечку, и когда Арина
 На порогъ садилась, руки ей лизали,

Точно умоляли бѣдныхъ не обидѣть.
 Хотѣлъ Трезвонка, лежа возлѣ тына:
 Такъ его плѣняла подлости картина;
 Водолазъ ворочалъ морду, чтобъ не видѣть;
 Мы-жъ предосторожность не позабывали:
 Хворостомъ лазейку замаскировали—
 И не ради страха—ради опасенья
 Не найти въ дворовой твари снисхожденья
 Къ нашимъ либеральнымъ преобразованьямъ.
 Люди равнодушны къ умственнымъ страданьямъ
 Тѣхъ, кто, поѣдая хлѣбъ ихъ, имъ не служить,
 Или тѣхъ, кто рабскихъ свойствъ не обнаружить,
 То-есть, изъ усердья явно не потѣеть,
 И плясать на заднихъ лапахъ не умѣеть.
 Много есть на свѣтѣ гадкаго: но гаже
 Этого плясанья я не знаю даже.
 Только разъ, почуя аппетитный запахъ
 Косточки, подпрыгнулъ я на заднихъ лапахъ
 И прошелъ два шага съ вытянутымъ пузомъ.
 Этому позору я обязанъ музамъ,
 Ибо наша слава—нищенская слава.
 Но и это было такъ давно, что, право,
 Вспоминать не стоитъ . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Слушайте жъ, какую выкинула штуку
 Птичница кривая, даромъ что въ науку
 Носъ свой не совала: что-то попилила,
 Что-то построгала, да и наклеила
 Всѣмъ намъ носъ:—на псарнѣ изъ досокъ и палокъ
 Для своихъ домашнихъ дурь и приживалокъ
 Смастерила курникъ. Каково сосѣдство!
 Пѣтухи и куры! Боги, наше дѣтство
 Такъ ли протекало? Вспомнишь поневолю
 Золотое время золотой неволи!
 Куръ мы не видали—куры на насѣсть
 Съ пѣтухами спали на особомъ мѣстѣ,
 Подъ дырявой кровлей, въ дровяномъ сараѣ:
 Было уваженье къ нашей храброй стаѣ!
 А теперь? О, время! какъ оно мѣняетъ
 Нравы! куръ на псарнѣ клектать заставляеть,
 А собакъ—работать! Между пѣтухами—
 Помню я—ну точно бригадиръ армейскій,
 Старого покроя, былъ пѣтухъ индѣйскій.
 Помню, какъ, надувшись, важно выступалъ онъ
 За перегородкой, какъ порой оралъ онъ

Намъ скороговоркой: «Здорово ребята!»
 Чтò за обращенье! или мы солдаты!
 И къ чему, бывало, онъ такъ носъ свой морщить,
 Поднимаетъ плечи, грудь свою топорщить?
 Стоило, чтобъ старый нашъ солдатикъ свистнулъ
 Или чтобъ хоть ради шутки поднялъ палку,
 Чтòбъ пѣтухъ индѣйскій, сократясь, обвиснулъ;
 Ибо самъ я видѣлъ, какъ онъ въ перевалку
 Побѣжалъ однажды, вытянувши шею,
 А за нимъ индѣйка—драло, а за нею
 Всѣ ея цыплята. Признаюсь, собаки
 Хоть порой и трусы, но и забіяки.
 Не упоминалъ бы я о нашей курнѣ,
 Если-бъ между нами не нашлись дурни,
 Если-бъ отъ сосѣдства пѣтуховъ нимало
 Нравственность собачья наша не страдала,
 Такъ какъ все, что ново и необычайно,
 Становилось нашей модой. Мы случайно
 Странный фактъ открыли, фактъ, что у горластныхъ
 Пѣтуховъ не то что у волковъ зубастыхъ,
 У лисицъ, у зайцевъ или у медвѣдей—
 Словомъ, что у нашихъ крикуновъ-сосѣдей
 Вовсе не такіе, какъ у насъ, законы,
 Что они по жизни то же, что мормоны,
 То же, что султаны: каждый обладаетъ

Множествомъ охотницъ, коли есть охота,
 Словомъ, у любого пѣтуха безъ счета
 Женъ или наложницъ; онъ ихъ не считаетъ,
 Но зато ревнуетъ и оберегаетъ.
 И—вообразите—многія собаки
 Стали увѣрять насъ, что изъ подражанья
 Пѣтухамъ возникнетъ благосостоянье,
 Что тогда не будетъ ни страстей, ни драки,
 Что и въ нашей псарнѣ каждый долженъ десять
 Или двадцать амокъ взять на попеченье.
 Я не соглашался.—«Нѣтъ! мое почтенье!
 Лучше присудите вы меня повѣсить—
 Лучше утопите!..»—заживо задѣтый,
 Вопіялъ я,—«только отъ опеки этой
 Вы меня избавьте!» Спорили, судили:
 «Можно!» голосили гончіе.—«Не можно»,
 Тявкали борзые. Амки осторожно
 Въ разговорахъ эту тему обходили,
 Только наша Сайга смѣло прерывала
 Споръ нашъ и, довольно мѣтко, возражала.
 Сайга говорила: «Каковы мужчины,
 Таковы и дамы. Значить, нѣтъ причины,
 Чтобъ и нашимъ амкамъ не пришла охота
 Заводить супруговъ, такъ-сказать, безъ счета.
 Къ счастью, мы не куры и яицъ не носимъ:

Вашихъ попеченій, чортъ возьми, не просимъ!

Я хотя и амка, но не призывала

Кобелей на помощь, и сама поймала

Селезня въ болотѣ. Гдѣ же,—продолжала

Сайга,—равноправность, если вы хотите

Вольничать, а амкамъ воли не дадите?

. . . . .

. . . . .

. . . . . . Водолазъ, уныло

Протянувши морду, слушаль и—ни слова.

Стрѣлка говорила, что она готова

Все принять на вѣру, лишь бы лучше было

Жить на бѣломъ свѣтѣ. Но, когда настали

Сумерки и тѣни начали сгущаться,

Помню, какъ мнѣ въ ухо тихо напѣвали:

«Измѣни-ка, вздумай съ кѣмъ-нибудь связаться,

Такъ-то искусаю!» (Кто шепталъ мнѣ это—

Не скажу: простите скромности поэта).

Какъ поэтъ, я рано понялъ, что всѣ куры—

Тряпки, оттого что записныя дуры.

Понялъ я, что этотъ ранній крикъ пѣтушій,

То же, что у вашихъ караульныхъ «слушай!»

Курица труслива и сквозь сонъ мечтаетъ,

Что пѣтухъ покой ихъ ночью охраняетъ.

А приди-ка дворникъ къ нимъ въ одной рубахѣ,

Да начни ихъ щупать,—властелинъ ихъ въ страхѣ
 Будеть только хлопать крыльями да охать.
 Ни зубовъ, ни лаю—только клювъ да похоть!
 Такъ ли нашихъ амокъ мы оберегаемъ!
 Мы за нихъ грыземся или громко лаемъ.
 Отчего-жъ. Арина псарню обижала,
 Отчего собакамъ куръ предпочитала
 И не съ нами—больше съ пѣтухами зналась?
 Отчего Арина съ нами обращалась
 Дерзко? «Ахъ вы! псы вы! Чтобъ вамъ провалиться!»
 Хуже и глупѣ можно ли браниться!
 Нашъ Трезвонъ на это отвѣчалъ ей лаемъ;
 Но Барбоска въ грусти сталъ неузнаваемъ.
 Онъ ругню Арины слушалъ равнодушно.
 Вотъ, однажды, помню, всѣмъ намъ было скучно,
 Цѣлый день Арина только куръ кормила
 И, когда мы лѣзли въ сѣни къ ней, намъ въ рыло
 Тыкала ухватомъ. Чувствуя волненье
 Крови молодое, милый нашъ мечтатель
 И ораторъ, словомъ, нашъ Барбосъ-пріятель,
 Какъ бы выражая полное презрѣнье
 Къ птичницѣ и къ людямъ, сумрачный и гордый,
 Легъ со мною рядомъ, то-есть морда съ мордой,
 И тихонько началъ завывать: «о, люди!
 Обезьянъ племя! или въ вашей груди

Сердце превратилось въ камень, и погасло,
 И уже не свѣтитъ, какъ ночникъ безъ масла?
 Или сердце это слишкомъ ожирѣло?—
 До высокихъ цѣлей нѣтъ уже вамъ дѣла!
 Отчего воздушнымъ, широко-полетнымъ
 Коршунамъ и быстрымъ соколамъ залетнымъ,
 И орламъ могучимъ, наконецъ, синицамъ,
 Жаворонкамъ—словомъ, всѣмъ свободнымъ птицамъ
 Предпочли вы глупыхъ куръ?! Ужъ не за то ли,
 Что у нихъ ни страсти, ни ума, ни воли,
 Даже сильныхъ крылъ нѣтъ, такъ какъ крылья эти
 Ихъ поднять не въ силахъ выше вашей кѣтки.
 Дорого вамъ только то, что вамъ дается,
 Только то, что въ вашихъ лапахъ тщетно бьется,
 То, что общипать вы можете. Давно ли
 Сами вы, какъ будто поблажая волѣ,
 Пѣли: «Взвѣйся, взвѣйся выше, понесися!»
 Если эти пѣсни не перевелися,
 Если и теперь вы, люди, ихъ поете—
 Какъ вы лицемѣрны! какъ вы страшно лжете!»
 Такъ Барбось тихонько вылъ. Не безъ вліянья
 На меня осталось это завыванье.

X.

Разладъ и препирательства.

Общество собачье стало распадаться,
 Партии плодились, съ тѣмъ чтобъ препираться;
 Жарки и зубасты были наши споры.
 Помню, у лазейки, начались раздоры,
 Тоже—у подвала, у колоды—тоже.
 Злоба превратила наши морды въ рожп;
 Издали казалось, на иныхъ собакахъ
 Рожи эти были въ галстукахъ и багахъ,
 Мы въ карикатурахъ поневолѣ стали
 Узнавать знакомыхъ, даже прославляли
 Карикатуриста (знать, таковъ духъ вѣка)
 За портретъ Валетки въ видѣ человѣка.
 Даже я представленъ былъ весьма недурно,
 И съ хлыстомъ, и въ шубѣ—прекарикатурно!
 Наши амки тоже, въ видѣ дамъ, являлись
 Въ кружевахъ, въ шиньонахъ, словомъ, представлялись,
 Съ нашей точки зрѣнья, не совсѣмъ прилично,
 Но зато пикантно и юмористично.
 И, вообразите, наши молодья,
 Вѣтренныя амки, глядя на такія—
 Такъ сказать, на вкусъ ихъ сдобныя картинки,

Стали подражать имъ, выгибали спинки,
 Выставляли лапки и, я слышалъ, шубки
 Зимнія собирались промѣнять на юбки.
 Были и такія амки, что природный
 Хвостъ свой выдавали за какой-то модный:
 Такъ собачьи нравы стали развращаться.
 Но гдѣ ядъ, тамъ, вѣрьте, есть противоядье.
 На аренѣ свѣта стали появляться
 Не однѣ тупицы, жалкія псчадыя
 Лѣвни, зубоскалы, или лежебоки—
 Стали появляться вѣщіе пророки.
 Водолазъ изъ первыхъ звалъ насъ къ совершенству,
 Къ высшему развитію и къ самоблаженству,
 А самоблаженствомъ называлъ онъ счастье
 Въ міровыхъ движеніяхъ принимать участие.
 Иногда во имя *звѣрчества* зывалъ онъ,
 Ибо въ этомъ громкомъ словѣ совмѣщаль онъ
 Всѣхъ четвероногихъ—отъ слона до мыши.
 Можетъ ли собачья мысль подняться выше!
 За такія мысли наши патріоты
 Друга записали чуть не въ идіоты,
 Ибо вдохновлялись травкой возлѣ сруба,
 Глубиной колодца, древностью колоды,
 Думали, что гласъ ихъ—гласъ самой природы,
 И по той причинѣ выражались грубо.

«О, куда идемъ мы!» басомъ споватымъ
 Восклицалъ Вопило, ставшій ихъ вожатымъ
 «О, куда идемъ мы? Чтò насъ ожидаетъ?!—
 Степь насъ развращаетъ, лѣсъ разъединяетъ;
 Водолазъ съ ума всѣхъ насъ сводить изволить;
 Окаянный курникъ намъ глаза мозолить;
 Пѣтухи надъ нами возвышаютъ голосъ,
 Подросли ихъ перья, сталь линять нашъ волосъ...
 Да, да, да, глядите, какъ мы облыняли,
 Отъ звѣрей отстали, къ людямъ не пристали.
 Прежде называли мы нашъ трудъ—охотой,
 А теперъ охота сдѣлалась работою
 Трудной и тяжелой. Много всякой дачи,—
 Но безъ челоуѣка нѣтъ у насъ добычи.
 Будь я волъ, будь кошка, будь я сынъ или дятель,
 Я бы понапрасну и рѣчей не тратилъ;
 Но я песь; собачьимъ духомъ я пропитанъ,
 Амками взлелѣянъ, псарнею воспитанъ.
 Псарня! вотъ гдѣ наши прадѣды и дѣды
 Жили и служили не своей гордынѣ,
 А Мирзѣ, который славилъ ихъ побѣды
 Надъ такою дичью, о которой нынѣ
 Ни въ степяхъ, ни въ дебряхъ нѣтъ ужъ и въ поминѣ.
 Гдѣ теперъ олени, или хотъ кабаны—
 Тѣ враги, что предкамъ наносили раны

Страшныя своими страшными клыками?
 Гдѣ они?—исчезли всѣ подъ ихъ зубами.
 Мы же, ихъ потомки, чѣмъ мы похвалиться
 Можемъ?—остается предками гордиться.
 Развѣ эта псарня намъ не мать родная?
 Развѣ не должны мы за нее молиться,
 Съ тайною отрадой очи поднимая
 На старинный шесть сей или, углубляя
 Взоръ нашъ въ этотъ древній срубъ, гдѣ ключевая
 Струйка безъ журчанья и безъ пѣны льется.
 Этотъ ключъ—не знаю, какъ у васъ зовется:
 Я ключомъ народнымъ ключъ тотъ называю,
 И—въ него я вѣрю и—не унываю.
 Кто въ него заглянетъ, тотъ, не безъ смущенья,
 Тамъ, на днѣ, увидитъ свѣтъ, и отраженье
 Собственной ничтожной личности—и это
 Есть предметъ блаженныхъ пѣсень для поэта
 И для философской мысли откровенье.
 Господа, повѣрьте, въ глубинѣ чуть зримой,
 Силами земными, такъ сказать, хранимой,
 Ключъ сей и понынѣ свѣтель, для преступной
 И для вольнодумной псарни недоступный.»
 Но маститый мужъ нашъ, Водолазъ, что въ спорахъ
 Былъ весьма искусень, съ кротостью во взорахъ,
 Возражалъ Вопилъ: «милый мой, въ озерахъ

Да въ рѣкахъ, въ которыхъ я подчасъ ныряю
 И въ палящій полдень жажду утоляю,
 Сотнями играютъ родники живые,
 Превращая струйки въ волны голубыя:
 Ихъ кристалль и пѣну я предпочитаю
 Тѣмъ ключамъ, которыхъ я совсѣмъ не знаю.
 О, Вопило! вѣрю, что въ прогнившемъ этомъ
 Срубѣ ключъ есть, только ни зимой, ни лѣтомъ
 Онъ ужъ не поить насъ; воду намъ приносятъ
 Изъ пруда, въ которомъ съ голыми ногами
 Бабы моютъ тряпки и стучать вальками.
 Псы водой довольны и другой не просятъ,
 Знаютъ, что доступно и что недоступно...»
 — «Га!» шумѣлъ Вопило: «думать такъ преступно,
 Потому что, если пьемъ мы эту гадость—
 Это гибель наша: въ чемъ же, въ чемъ тутъ радость?»
 — «Въ томъ, что есть лазейка», отвѣчалъ нашъ смѣлый
 Водолазъ, въ горячихъ спорахъ посѣдѣлый.
 — «Ха, ха, ха! лазейка! Чортъ возьми! лазейка!»
 Воскликнулъ Вопило. «Вѣдьма! чародѣйка!
 Безъ нея бы вѣра въ насъ не оскудѣла,
 Безъ нея бы наша псарня не пустѣла!
 Я не врагъ свободы; но моя свобода
 Не пустое слово—не собачья мода.
 Если мы собаки, кто другой быть можетъ

Нашимъ идеаломъ, какъ не тотъ, кто ходить
 Въ сапогахъ высокихъ и ружье наводитъ
 На свою добычу, самъ костей не гложеть,
 А предоставляетъ намъ свои оглодки?
 Если я собака—кто вы? Вы чечотки!»

1 — «Какъ! Что?—Мы—чечотки! кто тутъ называетъ
 Насъ такимъ позорнымъ словомъ? кто дерзаетъ?»
 И Трезвонъ съ широкой мордой началъ скалпть
 Зубы и при этомъ зарычалъ по-свойски,
 Такъ что нашъ Вопило сталъ глазищи пялить,
 Оттопырилъ уши и не по-геройски
 Свѣсилъ хвостъ, а такъ, какъ истинный ученый,
 На краю колодца жаждой изморенный.
 Вообще, Вопилы кличь и завыванье
 Пронеслись надъ псарней не безъ обаянья:
 Слыть за патриотовъ многіе желали
 И, на заднихъ лапахъ стоя, нагибали
 Головы въ колодезь;—тамъ на днѣ свѣтилось
 Отраженье неба—и въ нихъ сердце билось,
 И они не въ шутку стали убѣждаться
 И кричать, что въ морѣ небо отражаться
 Такъ никакъ не можетъ, потому что море
 Постоянно морщить гнѣвный ликъ свой въ спорѣ
 Съ буйными вѣтрами. Сайгу и Карая,
 И Барбоса, друга нашего, ругая,

Нашъ Вопило думалъ въ лагерь свой Валета
 Заманить—и что же? этотъ идолъ свѣта,
 Улыбаясь, тивкаль: «нѣтъ, ужъ какъ хотите,
 Никакого толку я не вижу въ прытк
 Вашего Вопилы—чепуху городить!..
 Самого себя онъ, бѣдный, за носъ водить:
 Прославляетъ царню, а за этимъ тыномъ
 И не замѣчаетъ дома съ мезонинномъ,
 Съ кухней, съ террасой и съ цвѣтущимъ садомъ;
 Говорить о славѣ прадедовъ, а на домъ,
 Гдѣ я обитаю, даже и вниманья
 Обратитъ не хочетъ. Это упованье
 На пустой колодезь—это что такое?
 Это *царнофильство*—да еще какое!
 Здѣсь трава—прекрасно! здѣсь шалашъ—чудесно!
 Амки—я готовъ ихъ обожать... Мнѣ лестно
 Ихъ благоволенье; но коверъ съ узоромъ
 Лучше всякой кучи или ямы съ соромъ.
 Здѣсь корыто съ тюрей—а тамъ дорогія
 Кушанья, есть погребъ, есть и кладовыя;
 Тамъ свинина—роскошь! сыръ—очарованье!
 Вѣрьте, что за вѣрность, да за послушанье
 Вы должны отсюда ждать себѣ подачки,
 Иначе не ждите вы себѣ потачки...»
 И рѣчамъ Валета кобели внимали,

Нюхали, чѣмъ пахнетъ воздухъ и—вздыхали.

Лишь Карай да Сайга отвѣчали лаемъ

На такія рѣчи,—и Валеть, съ Караемъ

Покусавшись, молча убѣгалъ, какъ пряткій

Парень, и, конечно, не черезъ калитку,

А черезъ лазейку. Потакая свѣту,

Даже либераламъ, онъ лазейку эту

Восхвалялъ, какъ очень умную затѣю,

И, чтобъ бѣгать къ амкамъ, пользовался ею.

Г Ясно сознавали мы, не безъ печали,

Всю тщету собачьей зависти къ Валеткѣ,

И, когда случайно баловня встрѣчали,

Мягко улыбались и хвостомъ виляли.

Искреннія чувства стали въ насъ такъ рѣдки,

Что мы лестью брали, то-есть выражали

Эту лесть такъ лжно, что Валеть былъ въ правѣ

Думать, что на псарнѣ онъ въ великой славѣ.

XI.

later

И скучно, и грустно.

Грустное настало времечко. Дождало.

На сырую псарню: небо такъ уныло,

Пасмурно глядѣло, что, казалось, скоро

Намъ пошлетъ морозы красная Аврора;
 Ужь не такъ Аврора улыбаться стала,
 И ложилась раньше, и позднѣй вставала;
 А въ широкомъ полѣ, точно разстидалась
 Простыня молочно-облачнаго цвѣта
 И, при тускломъ свѣтѣ алаго разсвѣта,
 Медленно, въ густыя облака свивалась;
 И опять дождило, и опять смеркалось!
 Скучно стало, грустно! Слѣдую природѣ,
 Намъ казалось, всѣ мы сердцемъ охладѣли
 И къ своей лазейкѣ, и къ своей свободѣ;
 Но кой-что созрѣло въ эти двѣ недѣли,
 Ибо недовольныхъ гражданъ стало вдвое:
 Всѣ мы порѣшили, что людское племя
 Самое пустое племя, и при этомъ,
 Если только вѣрить молодымъ поэтамъ
 И стихамъ ихъ,—племя глуное и злое;
 Что необходимо только выждать время,
 И собаки будутъ такъ же упиваться,
 Такъ же обжираться или наслаждаться
 Нѣгой, до полудня лежа на кровати.
 Мы, въ виду грядущей этой благодати,
 Поняли, что люди не были бы сыты,
 Если-бъ не умѣли пользоваться нами,
 Нашимъ чуткимъ носомъ, прытью и зубами,

(Ибо не пмѣють ни чутья, ни прыти),
 Поняли, что люди у себя въ столовой
 Ежегодно лѣтомъ жаждутъ дичи новой,
 А собакъ не только въ домъ свой не пускають,
 Изъ поварни часто палкой выгоняють,
 Даже отвергають наше челобитье,
 Не подозрѣвая нашего развитья;
 Ибо согласитесь, что на псарнѣ нашей
 Всѣ мы стали вдвое, втрое развитѣе
 Многихъ сотенъ тысячъ чукчей и чувашей;
 Что у насъ явилась если не идея,
 То хоть хвостъ идеи, за который можно
 Жадно уцѣпиться и кой-какъ тащиться.
 По слѣдамъ прогресса. Боги! какъ тревожно
 Эти двѣ недѣли протекли! Влюбиться
 Я хотѣлъ, и что же! Сердце истоцилось
 До того, что, право, если-бъ мнѣ случилось
 Вдругъ подслушать пѣсню о любви (былую,
 Сладостную пѣсню!), я бы за такую
 Пѣсню укусилъ бы, кажется, любую
 Музу... Ахъ! отъ жизни ничего не жду я!
 Повторялъ я *до* и *послѣ* поцѣлудя...
 И, холодный къ ласкамъ вилыхъ и безстрастныхъ
 Барынь, перешелъ я въ область думъ опасныхъ,
 Чуть съ ума не спятилъ... И со всѣми было

То же, что со мною: (такъ насъ омрачила
 Эта злая осень, съ этою ненастной,
 Вѣтряной погодой!). Водолазъ несчастный,
 Несмотря на холодъ, въ озерѣ купался,
 Несмотря на эту баню, сухъ казался.
 Мы его ругали за его безпечность,
 За его стремленье знать, что выше носа;
 Такъ какъ для собаки нѣтъ глушій вопроса,
 Какъ вопросъ, примѣрно: что такое вѣчность?
 Ибо, если время псарнѣ не поможетъ,
 Вѣчность и подавно ей помочь не можетъ:
 Стало-быть, какое-жъ до нея намъ дѣло!..
 Разъ, я помню, ночью въ небѣ посвѣтлѣло,—
 Брызнулъ свѣтъ въ окошко птичницы Арины,—
 Облака, то въ видѣ перьевъ изъ перины
 Порванной, то въ видѣ порваннаго дыма,
 Ключьями, тихонько проносились мимо
 Мѣсячнаго диска и—посеребрялись;
 Амки спать ложились, кобели собирались
 Покутить: Карая, Сайгу пригласили,
 Уломали Тезку, Стрѣлку заманили...
 Только я, съ моею музою бродячей,
 Приглашеннымъ не былъ на пикникъ собачій.
 Чортъ возьми! Мнѣ было не до нихъ! Досадно
 Было на Барбоса... Въ прелесть юной Тявки

Втюрившись, онъ понялъ, что внутри не ладно,
 И, вообразите, за плетнемъ, въ канавкѣ,
 Воду пилъ и къ боку приставлялъ пивки,
 Чтобъ отвлечь отъ сердца жаръ любви недужный,
 Для него опасный, для *нея* не нужный.
 Ибо Тявка эта, хоть и обнищала,
 Но не позабыла стараго подвала,
 И любила только юношей подвальныхъ,
 Праздныхъ, остроумно пошлыхъ и нахальныхъ,
 И Барбось, конечно, оставался съ носомъ...
 Я хотѣлъ остаться поболтать съ Барбосомъ;
 Но не въ духѣ былъ онъ и, чтобъ отвязаться
 Отъ меня, сказалъ мнѣ: я хочу проспать,
 Не мѣшай, голубчикъ!

И пошелъ я шляться:

Обошелъ я царню, ригу, коноплянникъ,
 Прачечную, баню, въ темный передбанникъ
 Заглянулъ—тамъ пахло вѣниками—скверно!
 Старый доѣзжачій, птичница кривая
 И ея солдатикъ, пару подавая,
 Въ этой старой банѣ сотню разъ навѣрно
 Парились, и баня пахла перепрѣлымъ
 Квасомъ, пѣнной водкой и нагольнымъ тѣломъ.
 И пошелъ я дальше, и вошелъ въ ворота.
 Вижу домъ и—вижу, у подъѣзда что-то

Черное вскочило на ноги и ласть.

Подхожу—Орелка.

— Глухой песъ дворовый!

Говорю: ну, что ты лаешь, безтолковый!

«Ну, ну, ну!» сказалъ онъ, «я законы знаю,
И, какъ вѣрный сторожъ, для острастки лаю;

Если-жъ ты подтибрить что-нибудь намѣрень,
Можешь и подтибрить; я въ тебѣ увѣрень.

Лаю, не мѣшаю, дѣлай, что затѣялъ!»

Все мое унынье этимъ онъ разсѣялъ.

И пошелъ я дальше и, обозрѣвая

Дворъ при лунномъ свѣтѣ, и припоминая

Кое-что, я думалъ: гдѣ же кладовая?

Гдѣ она? Туда бы, чортъ возьми, забраться!..

И въ фундаментъ носомъ началъ я соваться.

И нашелъ крылечко мокрое; невольно

На душѣ и горько сдѣлалось, и больно:

Тутъ Мирза когда-то насъ кормилъ, съ облавы

Воротясь. (То были дни великой славы!)

Я ступеньки нюхалъ, и увы! ни слѣда,

Ни одной круницы отъ того обѣда!!!..

Ничего!..

Но, видно, мой собачій геній

Былъ не чуждъ возвратныхъ, сладкихъ впечатлѣній,

И воспоминанье духъ мой озарило,

Чтò прошло, то стало поневолю мило,
 И хотѣлъ завуть я—только удержался.
 И побрелъ я дальше, озираясь робко.
 Вотъ лежитъ пустая отъ конфетъ коробка;
 Полизалъ. Вотъ банка, тутъ была помада:
 Вынюхалъ и лапой оттолкнулъ. Вотъ щетка
 Вытертая, съ ваксой. Ну ее!..

Ограда

Началась; повисли сумрачнаго сада
 Сонныя вершины; бѣлая рѣшетка
 Исполосовалась черными тѣнями...
 Вотъ, иду я садомъ, вижу, вдоль аллен
 То стволы—гиганты, то цвѣты—пигмеи.
 Тамъ, гдѣ расцвѣтали розы и лилеи,
 Астры и тюльпаны,—виснуть паутинки,
 Всюду только стручья, иглы да тычинки;
 Слезы ихъ, должно-быть, мѣсяцу понравясь,
 Блещутъ какъ алмазы. Мокрый листъ, курчавясь,
 Разбросался—блекнетъ и прилипъ къ дорожкѣ.
 Вотъ бассейнъ—гляжу я—выставились рожекн
 Мраморнаго Фавна, Нимфа, вся нагал,
 Поднялась и, бѣлымъ свѣтомъ облитая,
 Вытянула руку и, ужъ я не знаю,
 Чтò такое держать:—раковину, чашку,
 Или просто черепъ?—дескать, угощаю!..

Профиль Фавна тѣнью легъ у ней на ляжку;
 У него, не знаю, отъ росы пль пота,
 Лоснится затылокъ; глупо ухмыляясь,
 Чисто по-собачьи, и приподнимаясь,
 Онъ глядитъ въ лицо ей, словно ждеть чего-то;
 Думаю, каналья, непременно выждетъ;
 По фонтанъ, должно-быть, запертъ и не брызжетъ.

XII.

Романическое приключеніе.

Въ томъ, что описалъ я красоту бассейна,
 Каюсь передъ Музой и благоговѣнно
 Ей цѣлую лапу, дабы съ облегченнымъ
 Сердцемъ обратиться къ дамамъ, не лишеннымъ
 Маленькаго сердца...

Слушайте, какая

Въ эту ночь случилась встрѣча, роковая
 Для меня, для нашей псарни либеральной,
 Даже для потомства... Слушайте!

Зѣвая,

Молча созерцалъ я, какъ луна ночная
 Серебрила мраморъ, слишкомъ идеальный
 Для моихъ понятій. Грустный и печальный,

Я хотѣлъ вернуться. Вдругъ—качнулась вѣтка
 На концѣ дорожки... что-то замелькало
 Бѣлое,—какъ будто, бѣлая жилетка.
 Я въ кусты, прижался—сердце задрожало...
 Вижу, въ лунномъ свѣтѣ шествуетъ Валетка!
 Навострилъ я уши, притаилъ дыханье.
 Явно, что Валетка вышла на свиданье;
 Что-то шевелится около Валетки..
 Наконецъ, я слышу голосокъ левретки.
 (О, злодѣй! Ей-Богу, лучше этой крошки
 Не было на свѣтѣ!) Маленькія ножки
 По сырой дорожкѣ такъ переступали
 Быстро, что подъ ними струнками играли
 Узенькія тѣни, глазки чуть мелькали
 Серебристымъ блескомъ...

И Валетъ, скосившись,

Слышу, говорить ей:

— Милая, влюбившись

Въ васъ, я такъ разсѣянъ, что отъ дѣлъ отбился.
 Даже баринъ видитъ, какъ я расклеился.
 — Вздоръ, вздоръ, вздоръ! нисколько вы не расклеились,
 Зачастила крошка.— Гдѣ вы находились,
 Помните, въ тотъ вечеръ, какъ, садясь за ужинъ,
 Васъ Мирза хватился? А ужъ какъ васъ звали!
 Какъ вездѣ искали! Гдѣ вы пропадали?

— Помню, въ этотъ вечеръ я вамъ былъ не нуженъ,
Отвѣчалъ Валетка, и—уединился...
И ужъ я не знаю, какъ я не лишился
Своего разсудка!

— Ахъ, какая жалость!

Развѣ я не вижу, что все это шалость,
Глупости! Ступайте въ псарню, тамъ влюбитесь.
— Grand merci! Ей-ей, вы Бога не боитесь,
Я хожу на псарню, но хожу по службѣ.
— Знаемъ вашу службу, служба ваша—сказки!
Тамъ не служба,—амки глупыя по дружбѣ
Моднымъ кавалерамъ расточаютъ ласки.
Перестаньте охаты!..

— Милая, повѣрьте,

Если я не стану васъ беречь, то скоро
Я, и вы, и всѣ мы будемъ жертвой смерти,
Не сегодня—завтра...

— Не болтайте вздора...

— Смѣю васъ завѣрить, что, быть можетъ, нынѣ
Ночью все погибнетъ: барину, свининѣ,
Сыру, банкамъ, склянкамъ, нашей воплощенной
Добротѣ—Мирзихѣ, вамъ—моей богинѣ,
А затѣмъ, конечно, и моей персонѣ
Угрожаетъ гибель.—Пусть!

И, огорченный,

Замолчала Валетка.

Боги! въ грустномъ тонѣ
Голоса и въ каждомъ, такъ сказать, движеніи
Этого героя, сила убѣжденія
Такъ и пробивалась, такъ и пробивалась!
Нѣжная левретка такъ перепугалась,
Что у ней какъ будто подкосились ножки,
И она невольно посреди дорожки
Приостановилась.

— Ну, ну, говорите!

— Для чего-съ! Меня вы слушать не хотите,
Я, вѣдь, вру...

— Однако, можно врать, но это
Свыше всякой мѣры...

И она Валета

Хвостикомъ мазнула по носу.

Валетка

Хоть бы облизнулся! Я такой притворной,
Грустно-строгой мины, строгой и покорной
Не видалъ ни разу (а видалъ, такъ рѣдко).
Этой грустной миной онъ попалъ такъ мѣтко
Въ цѣль, что съ легкой дрожью съѣжилась левретка.
(Вотъ, у насъ Валета называютъ фатомъ;
Я же убѣдился, что Валеть родился
Быть необычайно ловкимъ дипломатомъ).

Долго не хотѣлъ онъ говорить, косился
 На луну, на звѣзды, наконецъ, рѣшился:
 — Я предполагаю, началъ онъ,—что слово
 «Звѣрчество» для слуха вашего не ново;
 Но едва-ль понятно вамъ его значенье:
 Я поймалъ на псарнѣ это выраженье,
 Сталъ слѣдить, и понялъ, что все это значить.
 Трепещу. Васъ это можетъ озадачить.
 Звѣрчество-съ явилось между кобелями
 Лозунгомъ союза съ дикими звѣрями.
 Псарня, наша псарня-съ, въ праздности великой
 Пребывая, бредить о свободѣ дикой,
 Внемлетъ пропагандѣ, и на незаконный
 Путь черезъ лазейку вышла, и съ волками
 Снюхалась, и даже стала съ медвѣдями
 Подъ одни знамена. Хитрая лисица
 Тоже къ нимъ пристала. Ну-съ, вообразите,
 Что это за сила! Чѣмъ вы устраните
 Страшную опасность? Здѣсь вѣдь не столица,
 Гдѣ войска, гдѣ можно такъ распорядиться,
 Что маршъ-маршъ, пафъ-пафъ,—и все. угомонится.
 Но представьте только медвѣдей мордастыхъ
 Сотни три—четыре, столько же зубастыхъ
 Волчьихъ рыль, да стаю хитрыхъ, куроядныхъ
 Лисьихъ мордь! И гдѣ же? У дверей парадныхъ

Нашего жилища! Что тогда? Едва ли
 Намъ помогутъ ружья; мы же растеряли
 Всѣ свои патроны, отсырѣлъ нашъ порохъ,
 Баринъ спитъ... Тс! тише... чей-то слышенъ шорохъ...
 Что-то чуетъ носъ мой...

Но, пока я съ вами,
 Ничего не бойтесь...

Крошка со слезами
 Слушала Валета,

— Нынче, какъ хотите,
 Продолжалъ Валетка,—только положите,
 Вы меня у двери вашего покоя,
 Гдѣ вы стережете ложе золотое
 Молодой Мирзихи, и спокойно спите.
 Милая, довѣрься! Никогда не вру я,
 И тебя спасу я. Не живой, такъ мертвый,
 Твоего достоинъ буду поцѣлуя,
 Все отдамъ за звѣзды глазъ, за нѣжный взоръ твой!!

Боги! вотъ что значить сила эгоизма!
 Я давно такого не слыхалъ лиризма!!!
 И, развѣся уши, до того забылся,
 Такъ былъ сердцемъ тронуть, что пошевелился.
 Но любовникъ пылкій вдругъ почувалъ близость
 Моего дыханья, зарычалъ, рванулся
 Съ мѣста, прыгнулъ тигромъ и—какая низость!

Прежде чѣмъ успѣлъ я въ страхѣ растянуться
 Въ позѣ беззащитной жертвы, т. е., прежде
 Чѣмъ я поднялъ ноги вверхъ и закнулся
 О моемъ пардонѣ, въ сладостной надеждѣ,
 Что меня проститъ онъ, острый зубъ Валета
 Пронизалъ мнѣ шею. Я не взвидѣлъ свѣта
 И ужъ поневолѣ сталъ храбрѣ волка.
 Мы тогда сцѣпились. Я вцѣпился въ ухо,
 Онъ вцѣпился въ ляжку, и рычалъ я глухо:
 Караулъ! Спасите!..

Еслибъ не Орелка,
 Ахъ! живымъ на псарню мнѣ бы не вернуться.
 Услыхалъ Орелка, что въ саду дерутся,
 Прибѣжалъ въ надеждѣ защищать Валетку
 И каковъ невѣжда!—прямо на левретку
 Налетѣлъ съ размаху, и,—воображая,
 Что она простая амка—гулевая,
 Взялъ да и облапилъ! а она

— Спасите!

Завопила:—волки! ай, ай, ай, ай! волки!!
 И Валетъ проклятый (случай, какъ хотите,
 Для меня счастливый)... и Валетъ къ Орелкѣ
 Бросился съ такимъ же точно озлобленьемъ.
 Я тогда, конечно, тягу далъ...

И толки

О моемъ побѣгѣ, съ явнымъ оскорбленьемъ
Чести, съ прибавленьемъ разныхъ глупыхъ сплетенъ,
Поглотили псарню.

Такъ, я сталъ замѣтенъ,
Знаменить и славенъ. У собакъ, извѣстно,
Что *скандалъ*, что *слава*, все равно.

Не лестно

Одолжаться славой глупости, но это
Не должно нисколько огорчать поэта,
Мы не переучимъ ни собакъ, ни свѣта.

XIII.

Толки, сплетни и совѣты.

Раненый лежалъ я подъ своимъ навѣсомъ;
Мудрецамъ, героямъ, амкамъ и повѣсамъ—
Всѣмъ ко мнѣ былъ доступъ, всѣ ко мнѣ ходили,
Фыркали, жалѣли, выли и лѣчили.

Патріотъ Вопило говорилъ:

— Когда бы

Вы, за нашу псарню жертвуя собою,
Не щадили крови, было-бъ лучше,—я бы
Съ преклоненной мордой, даже со слезами
На глазахъ, приползъ бы къ вашему подножью;
Но дуэлью этой что вы доказали?!

То, что вы отпѣтый юноша и, ложью
 Заразясь, какимъ-то верхоглядомъ стали:
 Не за псарню бились, бились изъ-за чести!
 Ничего преступнѣй нѣтъ подобной мести!
 Уходилъ Вопило; Сайга приходила
 И меня серьезно, искренно хвалила
 За единоборство съ этимъ вѣчно сытымъ
 Фаворитомъ, съ этимъ мужемъ знаменитымъ,
 Что съ необычнымъ, такъ сказать, нахальствомъ
 Корчитъ человѣка, хочетъ быть начальствомъ.
 — Вы, мнѣ лепетала Сайга,—прокусили
 Ухо у Валетки,—этимъ заслужили
 Нашу благодарность. Еслибъ и другое
 Прокусили ухо, мы тогда бы вдвое
 Васъ благодарили, такъ какъ онъ шнырять
 И вездѣ шпионить, и хвостомъ виляеть...
 И затѣмъ, признаться, Сайга выражалась
 Не совсѣмъ цензурно—наконецъ, прощалась.
 Прилеталъ подвальный выскочка, тревожно
 Озирался; глупо морда ухмылялась,
 Онъ моргалъ и чавкалъ.—Ай, ай, какъ возможно!..
 Какъ это возможно!.. Нашего Валета?!..
 Вы!?!—Ушамъ не вѣрю... Полно, вы ли это? .
 Такъ невѣроятно, что—коробить даже!..
 Чтó теперь толкуютъ въ разныхъ сферахъ свѣта,

Въ поварской, въ прихожей, въ пышномъ бельэтажѣ,
И подумать страшно!.. О, да вамъ навѣрно
Отомстятъ и—дѣло кончится прескверно...
Жаль!

И уходилъ онъ, внутренно измятый
Жалостью и страхомъ, чтобъ аристократы
Про него Валету не надули въ уши.
— Вотъ оно что значить, вѣчно бить баклуши!
Такъ, ко мнѣ врываясь, выли демократы:
— Вотъ оно что значить, вѣчно бить баклуши!
Ерничать, въ чужія сферы забираться,
Не въ свои садиться сани, увиваться
Около богатыхъ; соблазнять невинныхъ
Дурочекъ, рожденныхъ только для гостинныхъ...
Какъ тебѣ не стыдно, братецъ!.. Эта крошка...
Что она такое? Лизаная кошка,—
Черная козявка, и—въ нее влюбиться!..
Какъ тебѣ не стыдно!

Видя, что готовы
И они всѣмъ сплетнямъ вѣрить,—что вы?! что вы!
Господа!! кряхтѣль я, но не смѣлъ сердиться:
(Никакою злостью не унять намъ сплетень).
Оставалось только мысленно гордиться
Тѣмъ, что я на псарнѣ сталь для всѣхъ замѣтень,
Тѣмъ, что наши амки, хоть и завирались,

О моемъ здоровьѣ иногда справлялись.
 Но что отъ Валета я узналъ случайно,
 Иначе, подслушалъ въ часъ его свиданья,
 Съ милой... превышало всѣ мои страданья;
 Мнѣ хотѣлось плакать отъ негодованья.
 — Какъ! я думалъ съ болью, отъ меня есть тайна?..
 Мнѣ недовѣряютъ, отъ меня скрываютъ!..
 И закрывшись лапой, и глаза зажмурия,
 Я лежалъ, а въ сердцѣ проносилась буря.
 — Звѣрчество! шепталъ я—ты святое слово!
 Звѣрчество?! какъ лирикъ, повторялъ я снова,
 Ты велико, свято и меня пугаешь.
 Оттого-ль ты страшно, оттого-ль ты грозно,
 Что ручныхъ и хищныхъ ты объединяешь...
 Звѣри сотни тысячъ лѣтъ блуждаютъ розно
 И бѣгутъ другъ друга, и грызутъ другъ друга,
 И у нихъ на мордахъ то печать испуга,
 То печать злодѣйства; слишкомъ кротокъ слабый,
 Слишкомъ кровожаденъ сильный. Ахъ! когда бы
 Звѣрство намъ во имя звѣрчества утратить,
 Да, стремясь за правдой, глазъ назадъ не пятить,
 Не позорить мысли, не позорить чувства!
 Полюбить науки свѣтъ и блескъ искусства...
 Вѣдь, пока мы звѣри, до скончанья вѣка
 Будемъ мы подъ грозной властью человѣка...

Такъ, больной, мечталъ я и, глаза зажурия,
 Чувствовалъ, какъ въ сердцѣ проносилась буря.
 Иногда всё звѣри мнѣ казались гадки,
 Оттого, что весь я ныль отъ лихорадки,
 Иногда метался цѣлыя я сутки,
 Оттого, что пусто было на желудкѣ,
 Иногда я страстно звалъ и ждалъ Барбоса,
 И отъ страха смерти щупалъ кончикъ носа,
 Иногда я раны зализать старался,
 И ругалъ Валета, или забывался.
 Разъ во снѣ я вижу: будто бы пробрался
 Я въ какой-то старый домъ, такой огромный
 И пустой, и пыльный, и при этомъ темный,
 Что ходилъ, ходилъ я, да и заблудился.
 Вдругъ въ одномъ какомъ-то грязномъ коридорѣ,
 У дверей, съ зеленымъ огонькомъ во взорѣ,
 Появилась кошка. Я посторонился
 И ворчу,—нельзя ли какъ-нибудь отсюда
 Къ выходу пробраться; а она—паскуда!
 Подаетъ мнѣ лапку и хвостомъ виляетъ,
 И мурлычить, точно что-то напѣваетъ;
 Я, оскаливъ зубы, начинаю злиться;
 А она мнѣ: «Другъ мой! надо вамъ жениться:
 Я за васъ, пожалуй, завтра выдамъ дочку,
 Только подарите вы мнѣ эту ночь»...

— Фу! какая гадость может вдруг присниться!
 Не къ добру...

И точно не къ добру... Трезвонка
 Прибѣжалъ, и слышу, заливаясь громко
 — Ха-ха-ха! хохочеть,—хорошо трепали!
 Чай, насилу ноги доволокъ! Не ждали
 Отъ тебя, дружище, что ты такъ поступишь.
 Нападешь сначала, а потомъ отступишь.

И, сердясь, подь маской дружескаго тона,
 Вотъ что я отвѣтилъ на привѣтъ Трезвона:

— Ты меня мордастѣй, ты меня зубастѣй,
 Ибо—волкодавъ ты. Всяческихъ напастей
 Отъ тебя не мало испыталъ Барбоска,
 Отъ тебя недавно горько плакалъ Тезка,
 Водолазу тоже отъ тебя досталось;
 Отчего же ваша милость не пыталась
 Ну, хоть ради шутки, проучить Валета?
 Или ты боялся вредныхъ толковъ свѣта,
 Или кучеровъ ты барскихъ сталъ бояться?
 У Трезвона зубы стали появляться,
 И—я заикнулся, (оробѣвъ душою).

— Глупости! сказалъ онъ, съ тою же кривою,
 Растяжной улыбкой,—глупости, любезный!
 Я не вижу толку въ травлѣ безполезной...
 Больно я кусаюсь, но за дѣло, если

Видю, что болваны въ умники полѣзли...
 Я снесу гримасу, злость, обманъ, уродство,
 Только не снесу я умныхъ превосходства.
 Хотя Валетъ и силенъ, но не онъ вліяетъ
 На умы, и значить: мнѣ онъ не мѣшаетъ.
 Если я Валета и сживу со свѣта,
 Нашъ Мирза другого заведетъ Валета,
 Да еще, пожалуй, ты, какъ парень ловкій,
 Самъ туда протрешься, съ лестью да съ сноровкой.
 Ты-жъ хвостомъ виляешь иногда недаромъ.

— Нѣтъ! ужъ это слишкомъ, перебилъ я съ жаромъ,
 Если-бъ захотѣлъ я быть въ такомъ *фаворъ*,
 Я-бъ донесъ о вашемъ тайномъ заговорѣ...

— О какомъ? спросилъ онъ, какъ бы удивляясь;
 И пошелъ болтать я, пуше увлекаясь:

— Полно, братъ, скрыватья, страшное вы дѣло
 Вздумали затѣять! Что-то слишкомъ смѣло!!
 Отъ меня тайкомъ вы снюхались съ волками,
 Съ зайцами, съ медвѣдемъ, чуть ли не съ ослами...
 Даже почему-то вамъ нужна лисица!..
 Вѣдь она—въ извѣстномъ смыслѣ мастерица
 Рыть вездѣ лазейки. Если вы войдете
 Въ домъ Мирзы съ лисицей, ни одной насѣдки,
 Пѣтуха или утки вы ужъ не найдете,
 Не спасуть ихъ жизни никакія клѣтки.

Знаю, вы хотите цѣлою оравой
 Домъ Мирзы ограбить и уйти со славой;
 Знаю, что Валетка трусить:—я же слышалъ,
 Что у нихъ и порохъ весь давно ужъ вышелъ.

Такъ, безъ остановки, откровенно, глупо,
 Я болталъ и думалъ, будто правду рѣжу.
 (Видно, все, что глупо, на слова не скупю).
 А мой гость, конечно, думалъ, что я брежу;
 Наконецъ, завылъ онъ, протянувши шею:
 — Будь здоровъ, спасибо, братецъ, за идею...

XIV.

Неожиданныя послѣдствія.

Вой, родная Муза, насъ съ тобой надули!
 Вой, коли не можешь вразумить насъ свистомъ...
 Дипломатъ Валетка слилъ такія пули,
 Такъ навралъ, что будь я сущимъ оптимистомъ
 И тогда нашло бы на меня сомнѣнье.
 Домъ Мирзы ограбить и поползновенья
 Не было у нашихъ либераловъ красныхъ,
 (Умныхъ, но безпутныхъ, злыхъ, но неопасныхъ).
 Негодяй Валетка (хуже негодяя
 Не было на свѣтѣ), яко бы спасая

Отъ волковъ, медвѣдей и, ужъ я не знаю,
 Отъ какихъ чудовищъ, дѣвственную крошку,
 Разставлялъ ей сѣти... словомъ, понемножку
 То смущалъ, то нѣжилъ,—но—я умолкаю;
 Всякому извѣстно, что къ земному раю
 Путь одинъ,—путь грѣшный. Люди, лицедеи,
 Этотъ путь скрываютъ, (ибо тѣ же змѣи).
 Такъ и нашъ Валетка думалъ безъ сомнѣнья
 Скрыть во мракѣ ночи сладкія мгновенья,
 Мнилъ, что это дѣло будетъ шито-крыто.
 Какъ не такъ!.. Случайно, толстая Улита,
 Проходя подъ утро въ гардеробъ со свѣчкой,
 Ихъ вдвоемъ застала въ уголкѣ за печкой...
 Тайну подглядѣли, тайна разгласилась,
 Барыня узнала и раскипятилась,
 Выбѣжала чуть ли не въ одной сорочкѣ,
 И свою прислугу (всѣхъ по одиночкѣ)
 Выбранивъ, велѣла вытурить Валетку,
 И въ чуланъ холодный заперла левретку.
 Узница, однакожь, скоро улизнала
 Изъ-подъ караула, и къ ногамъ прильнула
 Молодой Мирзихи; туфли ей лизала,
 Хвостикъ подгибала, ежилась, дрожала
 Точно въ лихорадкѣ, и такъ тихо-тихо
 Ввизгивая ныла, что надъ ней Мирзиха

Сжалилась,—простила. Ей вообразилось,
 Что ея Амишка и Валеть другъ въ друга
 Влюблены... и то, что съ ними приключилось,
 Было чѣмъ-то въ родѣ знойнаго недуга,
 Или пароксизма всѣмъ извѣстной страсти:
 И Валеть не только спасся отъ напасти
 Или нареканья,—съ пряжкой ошейникъ
 Получилъ въ награду, угодилъ мошенникъ!
 Зализавши раны, я случайно вышелъ
 Погулять отъ скуки и поволочиться;
 Но, какъ оглашенный, ничего не слышалъ,
 Ничего не видѣлъ, что кругомъ творится.
 Разъ, черезъ лазейку, чтобъ найти отраду
 Въ запахъ осеннемъ (ибо начинало
 Пахнуть все, что блекло или умирало);
 Побѣжалъ я къ лѣсу, обѣжалъ ограду,
 И на перекресткѣ, за скирдами сѣна
 Повстрѣчалъ Орелку. Парень шель за возомъ,—
 (Возъ одинъ былъ съ лыкомъ, а другой съ навозомъ).
 Шель онъ, какъ въ онучахъ—въ тинѣ по колѣна.
 Впрочемъ, добрый малый, сущимъ демократомъ
 Онъ глядѣлъ; и зналъ я, нашимъ всѣмъ ребятамъ
 Былъ онъ милъ за то, что глупъ былъ непомерно.
 — «Что, братъ?—И тебѣ, братъ, отъ него навѣрно
 Данъ урокъ? сказалъ я.—«Это про Валета

Ты мнѣ намекаешь!.. молвилъ, отставая
 Отъ возовъ, Орелка».—«Ну, да трепка эта
 Вовсе не простая трепка, а такая,
 Что ее вовѣки, братецъ, не забудешь.
 Отомстимъ! А, впрочемъ, ты сегодня будешь
 Въ Липкахъ за кладбищемъ... Тамъ мы потолкуемъ...
 Геній вашъ Трезвонка! Вотъ мы носомъ чуемъ
 То да сѣ... а онъ, братъ, шевелить мозгами!..
 Слышалъ о проектѣ съ дикими звѣрями
 Снюхаться и міромъ завладѣть? Хлопочемъ...
 Потому что... геній... братецъ мой! А впрочемъ
 Я отсталъ отъ воза, побѣгу, дружище...
 До свиданья... ночью, около кладбища»...
 И за возомъ съ кладью побѣжалъ Орелка.
 Сразу я не понялъ, что за ахинею
 Городилъ онъ,—началъ добиваться толка
 И пришелъ въ смятенье... Какъ!? мою идею,
 Ту, что самъ извлекъ я изъ рѣчей Валета,—
 Ту, что выражалъ я, какъ недоумѣнье,
 Выдавать за новость иль за откровенье
 Собственныхъ усилій мысли! И все это
 Отъ меня тихонько!.. Тайно совѣщаться...
 И, быть-можетъ, даже втайнѣ покушаться —
 Очернить больного, бѣднаго поэта!!
 О! теперь понятно все, чего онъ хочетъ!—

Отчего и Сайга надо мной хохочетъ,
 Отчего и Тезка скалить зубъ свой: ясно,
 Что я былъ опутанъ гнусною интригой,
 И что какъ ни рвись я, или какъ ни прыгай —
 Передъ клеветою будетъ все напрасно!
 Такъ страдая духомъ, мрачный и унылый,
 Я въ родной мнѣ уголь, для меня постылый,
 Брель назадъ,—и что же?—шумъ и возбужденье
 Застаю на псарнѣ... Чтò за приключенье?
 Не Мирза ли вздумалъ посѣтить? И что же,
 Вижу!—воротился нашъ Ахиллъ; по рождѣ
 Узнаю дѣтину... Голосъ сиповатый,
 Шерсть—собачья шуба съ желтою заплатой.
 Шея, хвостъ и весь онъ былъ какъ бы обдерганъ,
 Иначе ощипанъ... Чѣмъ же сей восторгъ онъ
 Возбудилъ въ собакахъ? Или на Ахилла
 Глядя, каждый думалъ: о, да ты, братъ, сила!
 Ты герой-собака! И, скрестивши ноги,
 Онъ сидѣлъ и долго о своей дорогѣ,
 Полной всевозможныхъ чудныхъ приключеній,
 Напѣвая амкамъ, говорилъ имъ: Былъ я
 Жертвою безумныхъ, страстныхъ увлеченій;
 Но за то-жъ не мало дѣлъ и натворилъ я!
 Люди увѣряютъ, что меня, Ахилла,
 Увела цыганка... Увела!! Вотъ мило!

Я увель, и даже такъ распорядился,
 Что цыганскій таборъ мнѣ же подчинился;
 И куда ни шель я, таборъ шель за мною
 Съ пѣснями, съ гитарой, съ цѣлою гурьбою.
 Смуглыхъ ребятишекъ...

— Это что такое!?

Неужели курникъ? начиналъ онъ снова,
 Скрещивая лапы. Это что-то ново!
 Ха, ха! Будь я съ вами, не было-бъ такова
 Безобразья! Нѣтъ ужъ, я не допустилъ бы!..
 И Ахиллъ, конечно, долго говорилъ бы,
 И, быть можетъ, самъ бы сталъ зѣвать, завравшись,
 Если-бъ нашъ Трезвонка, стороной пробравшись,
 Не толкнулъ Ахилку. Всѣ посторонились,
 И Трезвонъ съ Ахилломъ тихо удалились.
 Помню, самъ я видѣлъ, какъ они шептались,
 Какъ Трезвонъ при этомъ на меня косился.

Изъ-за синей тучи солнца глазъ свѣтился,
 Точно красный уголь. Молча я забился
 Въ глубину конуры и глядѣлъ оттуда,
 Какъ, нахохлясь, куры въ курникѣ дремали,
 Какъ въ окнѣ Арины при свѣтѣ мелькали
 Уши самовара и ея посуда,
 Какъ въ тѣни, подале, около канавки

Двѣ-три модныхъ амки, спать ложась, искали
 Блохъ, и точно такъ же какъ простыя шавки,
 Завернули хвостикъ и чесали спину;
 Какъ Ахиллъ съ Трезвономъ пробирался къ тыну,
 Какъ за ними Сайга проскользнула змѣйкой;
 Какъ Барбось о чемъ-то съ ней передъ лазейкой
 Шопотомъ поспорилъ, и какъ тьма одѣла
 Спящихъ и бродящихъ. Стрѣлка захрапѣла
 У меня надъ ухомъ; морда водолаза
 Съ темнотой сливалась; но его два глаза—
 Два зеленоватыхъ огонька—мерцали
 Въ темнотѣ и долго спать мнѣ не давали.
 Я зывалъ: о Муза! будь добра и лапой
 Моего ты сердца пуще не царапай.

XV.

Засѣданіе и дебаты.

Но и въ полночь счастье мнѣ не улыбнулось:
 Небо было въ тучахъ и земля дышала
 Теплотой, какъ будто къ ночи завернулась
 Въ мягкіе туманы, словно въ одѣяло,
 И все было тихо, такъ невѣроятно

Тихо, что я трусилъ, и неоднократно
 Сердце замирало, и—звенѣло въ ухѣ
 Въ часъ, когда тайкомъ я ползъ въ травѣ на брюхѣ.
 Ползъ я—ползъ, и вотъ ужъ чую за кустами
 Валъ идетъ; за валомъ пахнетъ мертвецами.
 Въ эту ночь я чуткимъ носомъ отличилъ бы
 Новопогребенныхъ и, какъ песь, завылъ бы,
 Если-бъ не напрягъ я своего вниманья
 На другія цѣли... Сильно мнѣ желалось
 Разузнать, какое это совѣщанье?
 Сыро было, темно, тяжело дышалось,
 И душа отъ страха уходила въ пятки.
 Вотъ ужъ въ щель кирпичной сломанной оградки,
 Межъ крапивныхъ листьевъ, я залѣзъ, какъ въ нишу,
 И приникъ, и началъ вслушиваться:—слышу
 Говоръ, споры, рѣчи,—и, позабывая
 Личную обиду и благословляя
 На великій подвигъ всю собачью стаю,
 Вытянулъ я морду, уши наостряю
 И запоминаю:

Урезвонъ.

Господа, постойте,—
 Выслушайте прежде, а потомъ ужъ войте.
 Къ намъ Ахиллъ недаромъ возвращень судьбою;

Хорошо знакомъ. онъ съ дѣбрею лѣсною,
 Знаеть,—гдѣ медвѣди на зиму въ берлогу
 Спать ложатся,—знаеть торную дорогу
 Къ лисьимъ норамъ,—знаеть, гдѣ порой вѣтаеть
 Косоглазый заяць, или—гдѣ шныряеть
 Волчья банда,—словомъ, намъ Ахиллъ укажетъ
 Всѣ пути, и этимъ дружбу намъ окажетъ.

Ахиллъ.

Я готовъ-съ. Недаромъ таборъ я цыганскій
 Посѣтилъ. Цыгане, знаете, водили
 На цѣни медвѣдя—(изъ Тьмутараканской
 Онъ страны былъ родомъ), и собаки были
 Всякій разъ, когда мы съ Мишкой проходили
 Пасѣкой, деревней или слободою,
 И я, признаюсь вамъ,—я отъ васъ не скрою,
 Что меня сначала тоже подмывало
 Взвыть или вцѣпиться Мишкѣ прямо въ ухо,
 Но я съ нимъ сдружился, и, когда Илюха,
 Тотъ цыганъ, который къ этому бѣднягѣ
 Былъ не очень ласковъ, натянувшись браги,
 Съ вечера ложился дрыхнуть подъ колеса,
 Мишка тоже дрыхнулъ. Если-жъ не спалось,
 Онъ мечтами въ сумракъ лѣса уносился—
 И со мной мечтами этими дѣлился:

Гдѣ его родные: сестры, братья, дѣти...—
Я уже доставлю свѣдѣнія эти.

Карай.

Если можно въ дружбѣ быть съ однимъ медвѣдемъ,
То какой тупица скажетъ, что мы бредимъ,
Если утверждаемъ, что и съ медвѣдями
Вообще возможно полное согласье?

Сайга.

Да, да, да, не только съ ними—и съ волками
Полный миръ возможенъ, и какое счастье,
И какая слава ждетъ насъ въ недалекомъ
Будущемъ!..

Ахиллъ.

Все дѣлать слѣдуетъ съ наскоюкомъ,
Показать сначала, что и мы не трусимъ,
И кто насъ задѣнетъ, мы того укусимъ,
И потомъ, ужъ смѣло снюхиваться...

Гезка.

— Дѣло!

Грезвонъ.

Да, да, безъ союза всѣхъ четвероногихъ,—
Сильныхъ и могучихъ, слабыхъ и убогихъ,

Звѣрчество едва-ли мыслимо; и смѣло
 Мы приступимъ къ дѣлу, выберемъ сначала,
 Кто на что способенъ, и пропагандистовъ
 Разошлемъ повсюду, не боясь нисколько,
 Что въ лѣсу найдетъ ихъ ловчій или приставъ.
 Кто къ волкамъ?..

(Продолжительное молчаніе).

Ахиллъ.

Кому же, какъ не вамъ, Трезвону
 Марсычу?—вѣдь вы же были волкодавомъ:
 Вы сильнѣе волка и должны, по здравомъ
 Размысленнн...

Голосъ.

Правда!

Трезвонъ.

Это все отлично,
 Даже слишкомъ лестно, но не политично:
 Волки непременно вспомнятъ, какъ далеко
 Мы ихъ загоняли въ дебри, какъ жестоко
 Съ ними поступали наши волкодавы,
 И не пожелаютъ—(таковы ихъ нравы!—)
 Снюхаться съ потомкомъ тѣхъ, кто насолнилъ имъ.

Драть волковъ—извольте, это мнѣ по силамъ;
 Но вѣдь вы хотите вовсе не для драки
 Посылать Трезвона...

Общій лай или голоса.

— Это просто враки!

— Вздоръ! не предки, самъ онъ на волковъ въ атаку
 Хаживаль, и волки эту забіяку
 Знають и боятся...—Я не повторяю
 То, что всѣмъ извѣстно... Тише!..

Трезвонъ.

Полагаю,

Слѣдуетъ спросить мнѣ, кто себя считаетъ
 Гражданиномъ псарни, кто готовъ собою,
 Всей своею жизнью, грудью и спиною
 Жертвовать? Пусть каждый лапу поднимаетъ.

Голоса.

Я... я... я... Мы всё...

Барбось.

И я, Барбось.

Трезвонъ (*Барбосу*).

Прекрасно!

Несмотря на ваши молодые годы,

Вы, Барбосъ, готовы смѣло, громогласно
Изъявить желанье быть посломъ свободы,
Равенства и братства у волковъ...

Барбосъ.

Признаться—

Я не заявляю моего желанья;
Но пойду, конечно, если все собранье
Этого желаетъ.

Полосъ.

Если можешь взяться

Ты за это дѣло...

Презвонъ *(прерывая)*.

Господа, къ медвѣдямъ

Кто пойдетъ? Медвѣди въ старости зимуютъ
Въ одинокихъ кельяхъ и всегда пасуютъ
Передъ женскимъ поломъ:—такъ мы и подѣдемъ
Къ медвѣдямъ... Пошлемъ къ нимъ амку развитую,
Ловкую... При этомъ ухитриться надо
Такъ, чтобъ каждый Мишка съ перваго же взгляда
Воспылалъ любовью. Кто-жъ изъ васъ рѣшится
Съ Мишкой хоть на время какъ бы породниться?

Сайга.

Я рѣшусь, — но только кто меня проводить?

Я, быть можетъ, даже не найду пещеры,
Гдѣ живеть сей пастырь.

Берфа.

Ахъ! всегда находить
Путь свой тотъ, кто вѣрить...

Сайга.

Нѣтъ, тутъ мало вѣры,—
Я *мѣстовъ* не знаю. Если вамъ угодно,
Чтобъ я шла къ медвѣдямъ, будетъ не бесплодно,
Если вы велите нашему Ахиллу
Быть сопровождаемымъ...

Ахиллъ.

Съ вами-съ хоть въ могилу!

Вой голосовъ.

Браво, браво, браво! — Что за сентименты!
Вызвалась! Кокетка!.. Любить комплименты!..

Орелка.

А меня пошлете?

Презвонъ.

Господа! Орелка,
Истинный представитель плебеизма, гордый

Демократъ, природой не лишенный толка,
 И притомъ, замѣтите, въ убѣжденьяхъ твердый,
 Хочетъ послужить намъ. Говорять, лисица
 Ловкая особа, то-есть, мастерица
 Хитрецовъ дурачить; но она замѣтитъ,
 Что не отъ Орелки ей грозитъ опасность,
 Что его всѣ рѣчи — простота и ясность,
 И ему, конечно, иначе отвѣтитъ,
 Не хитря; быть можетъ, кумушка при этомъ
 Угоститъ Орелку и снабдитъ совѣтомъ,
 Какъ намъ быть... И такъ, мы всѣ единогласно
 Избрали Орелку.

Голоса.

Всѣ, всѣ всѣ! Прекрасно!

Урезвонъ.

Остаются зайцы! Къ зайцамъ я отправлюсь.
 Вспомните, недавно заяцъ косоглазый
 Выбилъ глазъ у Тютюки... Заячьи проказы
 Иногда опасны; но я съ ними справлюсь;
 Если общать имъ огороды, гряды,
 Свеклу и капусту — будутъ очень рады;
 Если-жъ и сады имъ дать на расхищенье —
 Это будетъ даже нѣчто вродѣ мщенья
 Людямъ.

Голоса.

Мы согласны...

Водолазъ.

Я не одобряю

Выборовъ.

Трезвонъ *(съ сдержаннымъ инъвомъ)*.

А гдѣ вы, другъ мой, пропадали?

Водолазъ.

Тамъ гдѣ всѣ вы въ сборѣ, я не пропадаю: —

Слушаю неволью.

Трезвонъ.

...Мы же не слышали

Ни словечка съ вашей стороны; не знаемъ,

Да и не желаемъ вѣдать, гдѣ вы были,

И зачѣмъ такъ поздно умъ свой заявили.

Но что мы рѣшили громогласнымъ лаемъ

И единогласно — не перерѣшаемъ.

Водолазъ.

Что-жь! Пошлите къ сильнымъ слабыхъ, иль безсильныхъ;

Къ хитрецамъ пошлите простяковъ умильныхъ;

Къ слабымъ и трусливымъ посылайте явныхъ

Задиралъ зубастыхъ; изъ такихъ неравныхъ

Отношеній выйдетъ что-нибудь такое
 Странное, что даже трудно и предвидѣть.
 Я, вы мнѣ повѣрьте, я собакъ обидѣть
 Вовсе не желаю — дѣло ихъ святое, —
 Но скажу — при словѣ: *звѣрчество*, невольно
 Я кругомъ бросаю взоръ свой и мнѣ больно,
 Что не всѣ мы въ сборѣ, что, дружась съ волкамъ,
 Съ зайцами, съ лисицей, даже съ медвѣдями,
 Мы въ своей же псарнѣ помирить не можемъ
 Нпкого, и только ежедневно множимъ
 Распри, сплетни, злобу, сыплемъ клеветами;
 Не вражда, такъ зависть нами руководить,
 Такъ что сердце плачетъ, разумъ колобродить.
 Наконецъ, спрошу я: если мы съ волками
 Быть хотимъ въ союзѣ, отчего межъ нами
 Нѣтъ мышей; а мыши, это всѣмъ извѣстно,
 И умны, и ловки, — даже есть преданье —
 Мыши круля съѣли...

Презвонъ.

Мыши! вотъ чудесно!

Почему-жъ не крысы?.. Верхъ непониманья,
 Верхъ неуваженья къ намъ и нашимъ нравамъ!

Водолазъ.

Отчего нѣтъ кошекъ, лошадей, барановъ?

Презвонъ.

Оттого, что кошки служатъ у тирановъ
И мышей имъ ловятъ; оттого, что лошадь
Заперта въ конюшнѣ, а быки, бараны,
Свиньи, поросята и козлы — болваны,
Ретрограды, сволочь!.. Врядъ ли облапошить
Вамъ собакъ удастся хитрыми рѣчами.

Голоса.

Насъ не облапошишь!..

Водолазъ.

Чѣмъ же доказали
Ваши волки умъ свой?

Презвонъ.

Тѣмъ, что поѣдали
Дураковъ.

Водолазъ.

А зайцы?

Презвонъ.

Зайцы хоть и трусы,
Особливо въ полѣ или въ огородѣ,

Но въ дома не лѣзутъ слушать тамъ туры
 На колесахъ, или жрать въ ущербъ свободѣ...

Водолазъ.

И баранъ такой же точно сынъ природы,
 И козелъ такой же звѣрь четвероногій,
 Какъ и вы!..

Грезвонъ.

Замолкни! Философской тогой
 Врядъ ли ты прикроешь нищій духъ! Напрасно
 Поднимаешь лай свой, лучше убирайся
 Во-свояси, или искренно сознайся,
 Что твой умъ бараній.

Общій лай.

— Сказано прекрасно!
 Къ чорту водолаза!.. Вонъ!..

Водолазъ.

— Я удивляюсь.

Онъ ушелъ; я тоже, — и ничуть не каюсь.
 Еслибъ и Вопило — патриотъ провѣдалъ,
 Чтò творять собаки, вѣрно бы отвѣдалъ,
 Чтò за штука — зубы. Еслибъ и Валету

Вздумалось забраться ночью на кладбище,
 Вряд-ли-бъ дипломатъ нашъ воротился къ свѣту
 На примятый коврикъ барскаго жилища.

XVI.

Трогательное прощаніе.

Пѣлъ пѣтухъ — онъ сытъ былъ; я же корку хлѣба
 Откопалъ и жадно грызъ ее. Подъ утро
 Ярче аметиста, чище перламутра
 Серебристо-алый облачный край неба
 Начиналъ свѣтиться. Фениксомъ изъ пепла
 Возникало солнце. Все, что ночью крѣпло,
 Поутру размякло. Корку доѣдая,
 Съ завистью глядѣлъ я, какъ Ахиллъ, шагая,
 Въ лѣсъ ушелъ за Сайгой. Сайга молодая
 Распустила хвостъ свой въ полномъ убѣжденнѣ,
 Что она медвѣдей посвятить въ ученье
 Равенства и братства. Дай ей Богъ успѣха!
 Съ завистью глядѣлъ я... но была потѣха!
 Дворникъ нашъ Орелка барскій дворъ покинулъ,
 Свой хвостище пыльный на спину закинулъ.
 И, оскала зубы и вихорь вскосмата,
 Въ лѣсъ шагаль, имѣя видъ ночного тата.

Какъ исчезъ Трезвонка — я совсѣмъ не видѣлъ,
 Хоть о немъ и думалъ (ибо ненавидѣлъ).
 Наконецъ Барбоска началъ собираться, —
 Собрался въ дорогу и пришелъ прощаться:
 — Кой-куда по дѣлу посланъ я — сказалъ онъ:
 И — прощай, дружище! Путь хоть и не дальній,
 Тихо продолжалъ онъ, видимо, печальный,
 Путь хоть и не дальній, только по дорогѣ
 Голодуха бродить, и кого ни встрѣтитъ —
 Не можемъ, такъ нулей по боку отмѣтить.
 И, коли живой я не вернусь — о Богѣ
 Вспомни и Барбоски душу помяни ты,
 Вотъ тебѣ на память два стихотворенья, —
 Плохи, — не хватило, братецъ, вдохновенья...
 Но хоть и не плохи, что ни говори ты,
 Всѣ писанья наши будутъ позабыты
 Безъ слѣда, безъ славы; такова собачья
 Память...

Мнѣ хотѣлось плакать, но заплачь я —
 Онъ бы непременно понялъ, что я знаю
 Ихнія затѣи, значить, понимаю,
 Что ему, бѣднягѣ, никакой надежды
 Нѣтъ сойтись съ волками, что его невѣжды
 Явно посылаютъ на убой. И долго,
 Долго мы сидѣли носомъ противъ носа,

Наконецъ, я обнялъ бѣднаго Барбоса,
 И сказалъ: нельзя ли, братъ, во имя долга
 Не ходить. — Но другъ мой только покосился
 На меня, подумалъ и отворотился,
 (У него, я помню, дрогнулъ подбородокъ).
 Въ это время дикихъ утокъ цѣлый взводокъ
 Пролетѣлъ надъ нами, такъ что я невольно
 Вдругъ понюхалъ воздухъ, и вздохнулъ, и больно
 Было мнѣ подумать... Богъ мой! какъ высоко
 Вольныя летаютъ птицы! Какъ привольно
 Имъ махать крылами!

Стая ихъ умчалась,

Другъ ушелъ, и что же, что при мнѣ осталось?!
 Тотъ же шестъ съ бадью, то же все корыто,
 Тотъ же дворъ съ лазейкой, тщательно прикрытой
 Хворостомъ, чтобъ наша дворня не видала,
 Какъ мы пролѣзаемъ, страстны и послушны
 Тайнымъ побужденьямъ... Впрочемъ, равнодушны
 Были къ намъ и баринъ и его прислуга.
 Черезъ день на псарню Богъ послалъ мнѣ друга;
 Водолазъ былъ грустенъ и ни съ кѣмъ встрѣчаться
 Не хотѣлъ, и камня тяжелѣй, и ночи
 Пасмурнѣй лежалъ онъ, вверхъ поднявши очи.
 Съ раннихъ лѣтъ давно я чувствовать, признаться,
 Къ водолазу Магу нѣкое влеченье,

И подползъ къ нему я съ тѣмъ, чтобъ позволенье
 Испросить ходить съ нимъ за лѣса къ озерамъ,
 И, къ моимъ собачьимъ, глупымъ разговорамъ
 Снисходя, разсѣять глупыя сомнѣнья...
 Магъ былъ очень тронутъ этой симпатіей
 Или этой просьбой, полной уваженья;
 И своей косматой, вытянутой выей
 Какъ бы обнялъ, то-есть мордой мнѣ на шею
 Оперся,—и я былъ счастливъ, я гордился.
 Дорога была мнѣ дружба водолаза;
 Безъ него, быть можетъ, я бы удавился,
 А теперь, могу быть авторомъ разсказа—
 Исторіографомъ нашихъ приключеній
 (Такъ какъ между псами я, конечно, геній).
 Разбрелись герои... но слѣдить за ними
 Не легко мнѣ, если Муза не поможетъ.
 Муза, только Муза, чуднымъ своимъ
 Взорами далеко проникая, можетъ,
 Оттопыривъ уши, слышать, чтò творится
 Въ самыхъ дальнихъ дебряхъ. Если шевелится
 Ухо у богини, ноздри стали шире,
 Взоръ горитъ,—могу я смѣло побожиться,
 Что она все видитъ, все, чтò въ дольномъ мірѣ
 Въ норкахъ и берлогахъ глухо гомозится,
 Кто кого кусаетъ, кто кого цѣлуетъ...

И тогда... я вѣрю, что восторжествуетъ
 Геній мой, и пѣсень сладостная сила
 Хоть на полминуты слухъ вашъ очаруетъ.
 Вотъ, она взглянула на небо ночное,
 На плечо свою мнѣ лапу положила:
 — Вой, дерзай! сказала—словомъ вдохновила.

XVII.

Не сошлись характерами.

Воспѣваю подвигъ Сайги и Ахилла.
 И Ахиллъ и Сайга какъ нельзя серьезнѣй
 Шли въ тѣсу дремучемъ, шли до самой поздней
 Ночи, не встрѣчая ни души,—болтали,
 Мяли ежевику, смоляныя шишки
 Сосень, поднимая, тотчасъ же бросали,
 Словомъ не играли ими какъ мальчишки.
 Сайга помышляла: онъ герой, конечно,
 Но меня глупѣе—въ этомъ нѣтъ сомнѣнья,
 И себя ведетъ онъ слишкомъ безупречно,
 Слишкомъ ретроградно: у меня-жъ умѣнья
 Хватить передѣлать этого уroda,
 То-есть, сдѣлать гусемъ нашего прихода.
 А Ахилка думалъ: Боже! дай терпѣнья!

Уморить!—Ужели нѣтъ у этой амки
 Ни́чего такого, что́ для каждой самки
 Кажется завѣтнымъ—только разсужденья,
 Выводы, да планы, да соображенья!..
 Чортъ возьми! съ ума я спячу непремѣнно!
 Такъ онъ молча думалъ, слушая смиренно
 Спутницу, и молча удивлялся слогу
 Книжному, которымъ Сайга выражалась.
 Спутники искали по чутью дорогу,
 По чутьемъ едва ли Сайга отличалась.
 У Ахилла носъ былъ толстый и здоровый,
 Но бляки и ноги были здоровѣе;
 Выпачканный дегтемъ,—крѣпкій духъ сосновый
 Онъ едва ли чуялъ. Гуще и чернѣе,
 Все чернѣе къ ночи были дебри лѣса,
 Только сверху неба звѣздная завѣса
 Черезъ переплеты сучьевъ чуть мерцала.
 — Гдѣ же мы почуемъ?—первая сказала
 Сайга.

— Гдѣ-нибудь... А слышите потока
 Шумъ, дождю подобный?.. Значить, недалеко
 Бурные медвѣди. Коли мы посвищемъ—
 Заревутъ.

— Молчите! Завтра мы ихъ сыщемъ!
 А сегодня къ ночи закусить ужасно

Хочется.

— Поѣшьте что-нибудь...

— Напрасно

Мы не ночевали въ камышахъ, сказала

Молодая Сайга: я бы тамъ поймала

Матерую утку. Ужинъ былъ бы сытый.

— Жаль, что мы съ собою не взяли корыта,

Тамъ на днѣ, я видѣлъ, кость была... клевала

Эту кость ворона...

— Если бы я знала,

Что такой вы глупый, съ вами не пошла бы—

— Не пошли бы... Эхма! Женщины такъ слабы,

Что никакъ не могутъ жить безъ насъ. Пора бы

Это знать имъ.

Сайга страшно разсердилась,

Но съ героемъ на ночь спорить не рѣшилась,

И, примявши мѣсто, въ кустикъ улеглася;

Туть же и Ахиллъ нашъ, о березу спину

Почесавъ, и этимъ вынудивъ вершину

Прошумѣть, усѣлся. Не прошло и часа,

Какъ Ахиллъ несчастный ноги раскорячилъ,

Вытянулся, раза два зѣвнулъ и началъ

Засыпать.

Подъ утро Сайга разбудила

Спящаго Ахилла и проговорила:

— Вы всю ночь проспали—экіі вы невѣжда!

Вижу, что плохая мнѣ на васъ надежда!

— Я не спалъ-съ... Здѣсь ночью близко проходили

Матерые волки—сто волковъ—и были,

Были такъ ужасно, что морозъ по кожѣ

Подираль...

— Ну, это и на бредъ похоже.

Это вы все врете...

— Нѣтъ-съ! не вру. Вы спали,—

Продолжалъ Ахилка: я-жь и шевельнуться

Не дерзалъ, я слышалъ, какъ они дерутся,

Какъ глаза ихъ свѣтятъ злыми огоньками,

Какъ они, чего-то струсивъ, вдругъ скачками

Пронеслись и,—счастье, насъ не увидали...

Вы подъ этотъ кустикъ хвостикъ свой убрали,

А я вотъ за этимъ пнемъ стоялъ... Сознайтесь,

Что была опасность... Я заснулъ, конечно,

Но когда?—на зорькѣ.

— Ахъ, не завп्राйтесь!

Вы себя ведете, другъ мой, безусловно,

Спите превосходно, бредите не плоше,

Такъ, какъ подобаеъ старому святошѣ.

Но скажу вамъ прямо: какъ цыганъ, вы врете...

Да-съ! Я не слыхала никакого воя,

Никакого волка не привелъ Богъ видѣть,

Стерегла всю ночь я спящаго героя,
 Чтобъ его и крыса не могла обидѣть...
 — Кто просилъ стеречь васъ храбраго Ахилла!
 Рывкнулъ онъ (должно-быть, въ немъ заговорила
 Гордость).

Словомъ, утро не было счастливо —
 Началась размолвка. Къ полдню, оскорбленный
 Невниманьемъ Сайги, нашъ Ахиллъ тоскливо
 Брель, впивая грудью воздухъ насыщенный
 Благой и листвою полуразнесенной
 Бурями, и думалъ: удеру, ей-Богу,
 Удеру! Вотъ только выйдемъ на дорогу —
 Тягу дамъ! И скоро нашъ Ахиллъ слышалъ
 Шумъ воды. Спокойно на плотину вышелъ
 И во всѣ лопатки убѣжалъ. Другая,
 Если-бъ такъ неожиданно вдругъ одна осталась,
 Вѣрно бы смутилась или заметалась, —
 Но не Сайга. Эта амка разбитная,
 Проводивъ Ахилла взглядами, и зная,
 Что его упрямства не переупрямить,
 Выругалась только. Ей пришло на память
 Мѣсто, гдѣ на травлѣ съ бариномъ когда-то
 И она бывала, даже отличилась,
 Перегнавши Стрѣлку, Берфу, Чума, Хвата,
 Догнала зайченка и въ него вцѣпилась. —

Это было года три или четыре
 Раньше—въ дни, когда и Сайга въ цѣломъ мірѣ
 Ничего не знала выше и прекраснѣй
 Травли, (и тѣмъ лучше, чѣмъ она опаснѣй),—
 Въ дни, когда и Сайга наизусть учила
 Афоризмъ поэта: «Кто собакъ не любитъ
 И не любитъ травли, тотъ заспитъ, погубитъ
 Жизнь свою и душу»,—въ дни, когда любила
 Сайга цѣловаться съ ловчими и даже
 Съ старымъ доѣзжачимъ (съ тѣмъ, что удавился),
 Въ дни, когда собаки были втрое глаже,
 И когда самъ баринъ и царнею гордился.—
 Эти дни казались ей ужъ стариною
 Мрачной, недостойной звѣрчества... Однако,
 Сайга не забыла мѣста, гдѣ когда-то,
 Отличившись, грызла лапку супостата,—
 То-есть, лапку зайца... Такова собака...

XVIII.

Новый провожатый.

Былъ тутъ недалеко хуторъ и, быть-можетъ,
 Тутъ никто изъ старыхъ цесовъ не потревожить
 Старую знакомку.

И на хуторъ смѣло,
 Шленая ногами, Сайга полетѣла.
 Видить, сѣрый домикъ возлѣ буерака,
 Влажная тропинка, сѣно и—собака,
 Чортъ знаетъ, какая! Хвостъ—пучокъ, ошейникъ—
 Ремешокъ какой-то, на боку—репейникъ,
 И—кобель.

Глазами Сайга заиграла
 И остановилась. Онъ ее сначала
 Обошелъ, обнюхалъ, и спросилъ: откуда
 И куда?

— Къ медвѣдю въ гости.

— Чтò за чудо!

Для чего къ медвѣдю? Лучше къ намъ, къ намъ въ гости;
 Утромъ были корки, къ ночи будутъ кости:
 Наша Марѳа жаритъ въ печкѣ поросенка.
 — Очень буду рада,—улыбнувшись тонко
 Отвѣчала Сайга (хитрая бабенка!..),—
 Очень буду рада...

Кобелекъ былъ добрый,
 Широко-лохматый, хоть и тонкоробрый:
 Онъ борзую Сайгу самъ не полѣвился
 Проводить до кухни, кой-чѣмъ подѣлился,
 И сталъ звать въ сарайчикъ; но она сказала:
 — Не могу—у Мишки надо быть сначала.

Если вамъ извѣстно, гдѣ къ нему дорога,

Если вы слышали, гдѣ его берлога—

Я вамъ буду очень благодарна, очень...

Кобелекъ былъ какъ-то странно озабоченъ

Или озадаченъ просьбою такою,

И сказалъ:

— Недавно тутъ одинъ проклятый

Мишка къ намъ забрался въ насѣку—завзятый

Воръ и сластолюбецъ! Пашъ Памфиль косою

Отъ него отбился и его поранилъ.

— Какъ! вскричала Сайга—онъ его тиранилъ!

Биль!? И вы, собаки, вы не заступились!?

— Мы ему, канальѣ, за вихры вѣдѣлись

И подрали шкуру...

— Шкуру! но за что же?

— Не воруй.

— Ну, это на разбой похоже,

Возмутилась Сайга: мы бы цѣлый улей

Предложили Мишкѣ...

— Ну, а мы бы пулей

Изъ ружья на мѣстѣ друга уложили,

Да ружья-то нѣту,—было—да стащили

По веснѣ цыгане.

— Видите, и люди

Не зѣваютъ—тащать; отчего-жъ медвѣдямъ

Не таскать... напротивъ, слѣдуетъ сосѣдямъ
Помогать...

— Да кто ты? ужъ не чортъ ли? Буди
Наше мѣсто свято!

— Чортъ меня боится,
Потому что въ немъ я вижу порожденье
Собственнаго страха. Если же случится
Мнѣ да съ медвѣдами мирно сговориться,
Всѣ они поступятъ въ наше ополченье,
И тогда собакамъ радость и веселье,
Всѣмъ звѣрямъ—раздолье, людямъ — разоренье.
Лѣсъ возьмутъ медвѣди, волки отъ овчарни
Поживутся, зайцы отъ капусты,—псарня,
То-есть мы, собаки, заберемъ подвалы,
Погреба, съѣстныхъ лавки, кладовыя,
И заставимъ стряпать поваровъ. Нахалы—
Люди стоятъ развѣ, чтобъ имъ предоставить
Всѣ земныя сласти!—Надо поубавить
Спеси, и, конечно, звѣрчество поставить
На такую ногу, тьму такихъ условій
Сочинить, чтобъ ровно никакихъ сословій
Не было на свѣтѣ.

— Никакихъ!.. однако?!

Ты того, я вижу... ты таки собака!
Да еще какая! Если будетъ это...

Честь тебѣ и слава, мы тебѣ за это
На горѣ поставимъ памятникъ...

— Не надо.

Каждый песь разумный знаетъ, что награда
Въ немъ самомъ;—не надо памятникъ, не надо!
Лучше покажи мнѣ, какъ найти дорогу
Къ вашему медвѣдю—покажи берлогу.
— Покажу, пожалуй...

— Сдѣлай одолженъе...

— И коли окажется онъ тебѣ почтенъе,
Черепъ не сниметь, я тогда, пожалуй,
И тебѣ повѣрю...

— Экій добрый малый,

Этотъ мужиченко!—молча разсуждаетъ
Наша героиня и за нимъ шагаетъ
По лѣсу.

Ужъ мѣсяцъ вышелъ и вершины,
Точно свѣтлой пылью, серебристо-блѣднымъ
Озарилъ сіяньемъ. По путямъ безслѣднымъ
Шли они, шли долго.

— Вонъ, у той куртны,

Гдѣ стоять вплешную березнякъ да ели,
Изъ-за бурелома свѣтится изъ щели
Огонекъ... Онъ самый! Ну, прощай покуда...
И спутникъ Сайги тягу даль.

— Иуда!

Проворчала Сайга... У нея кружилась
Голова, и сердце безпокойно билось:
— Онъ! Его пещера!.. Или въ самомъ дѣлѣ
Я пришла къ медвѣдю?!

XIX.

Несговорчивый Мишка.

Долго колебалась

Молодая Сайга, наконецъ, собралась
Съ духомъ, и тихонько въ дверку постучалась:
Стукъ, стукъ!.. Нѣтъ отвѣта—мертвое молчанье.
Стукъ, стукъ!..—Легкій шорохъ. Стукъ, стукъ, стукъ!—
Рычанье:

— Кой тутъ чортъ стучится! А?! Приотворилась
Пизенькая дверка. Сайга подвернула
Хвостъ, слегка присѣла, голову пригнула...
— Ну, входи! сказалъ ей голосъ сиповатый;
И въ дверяхъ, при свѣтѣ фонаря, косматый
Показался обликъ. Вытянувши рыло,
Онъ сопѣлъ и нюхалъ. Это былъ верзило
И добрякъ... На гостью маленькіе глазки
Устремивъ, рычалъ онъ просто для острастки.
Сайга трепегала, а завой—навѣрно

Онъ бы по-бурсацки ей загнулъ салазки,—
Словомъ, поступилъ бы по-бурсацки скверно.
— Ну, входи.

И Сайга очутилась въ кельѣ
У медвѣдя. Мишка былъ на новосельѣ.
Бросивши берлогу, мнилъ онъ, что въ пещерѣ
За корнями бурей вырваннаго дуба
Онъ найдетъ спасенье отъ собакъ. Въ сей вѣрѣ
Укрѣпясь, онъ думалъ: у меня есть шуба,—
Собственная шуба! есть фонарь, кадушка,
Есть кровать и—даже старая подушка;
Стало быть жить можно. Притворюсь калѣкой.
Баба ли, мужикъ ли встрѣтитъ,—скажетъ: экой
Вѣдвенькій!! должно быть сирь онъ и безродень,
Людымъ безобиденъ—Господу угоденъ...
Такъ не разъ онъ думалъ, освѣжая спертый
Запахъ кельи; словомъ, былъ калачъ онъ тертый.
Видъ неожиданой гостии Мишку озадачилъ,
Растопыривъ лапы, пятиться онъ началъ
И сказалъ:

— Почто ты, дьявольское сѣмя,
Дочь Вельзевула, въ этакое время
Забралась къ намъ въ келью? Только что молиться
Началъ, слышу, кто-то скоблется, стучится.
Сгинь ты!.. провались ты, кто бы ни была ты,

Муромская вѣдьма или бѣсъ проклятый!—
 — Нѣтъ, сказала Сайга, хвостикомъ виляя:
 Я совсѣмъ не вѣдьма или бѣсъ,—пришла я
 Отъ собакъ...

— Собака! рывкнулъ онъ, отъ страха
 Дальше пятясь въ уголь, и въ одно мгновенье
 Поднялъ лапу съ тѣмъ, чтобъ со всего размаха
 Ей мазнуть по мордѣ... Но недоумѣнье
 Вдругъ нашло на Мишку.—Это навожденье!
 Это—образъ самки принялъ бѣсъ лукавый
 Потому что... будь-ка я ночной облавой
 Окружень—была бы музыка иная!
 Эге-ге!

И Сайга начала храбриться,
 И (сама по мордѣ и хвосту борзая)—
 Думала, что Мишка всѣхъ борзыхъ боится.

Мишка.

Если ты не вѣдьма и не привидѣнье,
 Ну-ка, подходи-ка подъ благословенье.

Сайга.

Это только люди, да и то кацапы,
 Любятъ, чтобъ надъ ними помавали лапы,—
 Есть у нихъ модельны, и попы, и даже

Курево, которымъ кадятъ подъ носъ... Я же
Изъ собакъ собака...

Мишка.

Цыцъ! не говори ты
О моихъ злодѣяхъ... А не то, смотри ты!..
Разозлюсь, ударю... изомну...

Сайга.

Одна я...

Я... пришла... одна, и вѣсть моя благая.
Съ пасѣки хотѣлъ ты взять медку—давно ли?
И тебѣ за это чуть не пропороли
Бока и, повѣрь мнѣ, если бы цыгане
Порохъ не украли, эти хutorяне
Мѣтко бы хватили тебя по лбу пулей
За твою наивность и разбитый улей.
Мишка удивился,—Мишка былъ сконфуженъ
Тѣмъ, что гостя знаетъ про его проказы.
Вспомнилъ онъ, какъ пчелы для него на ужинѣ
Запасли пять ульевъ меду, а пролазы
(Не успѣлъ плетень онъ перелѣзть) собаки,
Тѣ, что жить не могутъ безъ ворчнн и драки,
Стали выть и лаять; вспомнилъ свистъ и страшный
Крикъ и лязгъ желѣза, вспомнилъ рукопашный

Бой... И съ недовѣрьемъ сталъ собаку слушать.
Сайга продолжала:

— Всякій хочеть кушать;
Но коли ты хочешь браги или меду,
Будь въ союзѣ съ нами,—въ наше ополченье
Поступи и, вѣрь мнѣ, не пройдетъ и году,
Какъ мы всѣ припасы у людей отнимемъ,
И побѣдоносно, высоко поднимемъ
Звѣрческое знамя... Эти объѣдалы
Люди намъ уступятъ всѣ свои подвалы,
Пасѣнки, амбары, кухни, огороды
И сады... Что дѣлать! Самъ законъ природы
Вѣковой, древнѣйшій, всѣми позабытый
(Чуждый и собакѣ черезъ мѣру сытой),
Намъ повелѣваетъ—грабить. Не свободы
Мы хотимъ, а хлѣба. Ну, а тотъ, кто любитъ
Всюду жарь чужими загребать руками,
Тотъ и оставайся на бобахъ съ мышами,
Съ крысами, съ быками, даже съ лошадьми.
Мишка слушалъ, слушалъ и одно лишь понялъ,
Что онъ будетъ медомъ лакомиться: (значить,
И его немножко бѣсъ лукавый—пронялъ).
Мишка былъ растроганъ,—думалъ, что заплачетъ,
Къ переносью лапу лѣвую поднесъ онъ;
— Хорошо, прекрасно! мямя, произнесъ онъ:

Я всему повѣрю, и пойду на службу
 Къ вашимъ псамъ; но только окажи мнѣ дружбу:
 Позови собачью стаю позубастѣй—
 Пасѣчника мигомъ за вѳрота—въ загрювокъ!..
 Храбрецамъ за это дай по крынкѣ сливокъ,
 И, не ожидая никакихъ напастей,
 До утра стащи мнѣ улей погребастѣй,
 А полѣзутъ пчелы—залѣпи немного
 Чѣмъ-нибудь ихъ дырку, и кати, покуда
 Не переколютъ—скатертью дорога!—
 Валяй до порога! То-то будетъ чудо!
 То-то будетъ праздникъ, сладость и веселье!
 Справимъ мы отлично наше новоселье!
 Наѣдимся, выпьемъ и на боковую
 Перекувырнемся. Я съ тобой ночью.
 Мишка, увлекаясь, началъ бить въ ладошки,
 А у Сайги въ сердцѣ заскреблися кошки.
 — Хорошо! бурчалъ онъ, ты сейчасъ утащишь
 Улей... я дождусь и... Чтѣ глаза тарачишь?
 — Но, сказала Сайга: ты, дружище, судишь
 Чисто по-медвѣжьи. Ты и самъ добудешь
 Меду, сколько хочешь... стоитъ не лѣниться,
 А какъ это сдѣлать,—надо сговориться,
 Приходи на псарню.

— А куда?

— Чай знаешь—

У Мирзы есть псарня, чуть не тесомъ крыта,
И съ тѣхъ поръ, какъ люди стали намъ въ корыта
Лить одни помой, стала знаменита
По своимъ лазейкамъ.

— Эге, ге! однако

Ты того, я вижу, молодець собака.
Пригласишь въ тулупъ—выгонишь безъ шкуры,
Обмишурить хочешь! Изъ какой конуры
Ты ко мнѣ сбѣжала? Али подслужиться
Захотѣла ловчимъ, доѣзжачимъ? Али
Псы тебя на это дѣло подогнали,
Пожелавъ на барской псарнѣ отличиться,—
Затравить медвѣдя?!

Чуть не завизжала
Отъ невыносимо-бѣшеной досады
Молодая Сайга, п какъ бы съ надсады
Разразилась бранью: я не ожидала,
Что такой дуракъ ты!..

Мишка огрызнулся,
Сайга встрепенулась, мигомъ обернулась
Задомъ, чтобъ дать тягу, чуть не спотыкнулась
На кривомъ порогѣ.

Мишка размахнулся,
По хвосту задѣлъ ей лапою когтистой,

Оцарапаль спину, но за ней погнаться
 Не хотѣль. А Сайга, въ лѣсъ густо-тѣнистый
 Кувыркомъ слетѣвши, стала пробираться
 Въ чашу, тамъ присѣла, хвостъ свой облизала,
 То ползла, то молча дальше ковыляла;
 Мѣсяць былъ окутанъ темной тучи дымкой,
 Туча осѣдала въ видѣ мокрой пыли...
 И казалось Сайгѣ, что за ней слѣдили,
 Что за ней все кто-то крался невидимкой,
 О! что скажетъ псарня! какъ ее тамъ встрѣтять,
 Если слѣдъ отъ когтя на хвостѣ замѣтять!..

XX.

Сговорчивая лисица.

Увидавъ, какъ бродить по лѣсу дворняжка,
 Рыжая лисица, мигомъ изъ овражка
 Выскочивъ, за кустикъ спряталась и стала
 Наблюдать.

Орелка, увальнемъ, устало,
 Шель, повѣся носъ свой; тщетно двое сутокъ
 Этотъ носъ соваль онъ въ каждый промежутокъ
 Старыхъ пней и кочекъ и нигдѣ не слышалъ
 Лисьяго онъ духа,—(видно былъ да вышелъ)—

Нѣтъ и нѣтъ, и даже слѣду не осталось.
 — Тѣфу ты, чортъ! досада!.. А межъ тѣмъ Орелка
 Добрался случайно до того мѣстечка,
 Гдѣ въ дуплистомъ корнѣ укрывалась норка
 И гдѣ лисенята, хвостики въ колечко
 Завернувъ, дремали.

Вмигъ Лиса смекнула, —
 Что каналья можетъ сонъ ихъ потревожить
 И, пожалуй, даже потаскать ихъ можетъ. —
 Все сообразила, и хвостомъ вильнула,
 И какъ вихрь промчалась подъ носомъ дворяги.
 Дрогнувъ нашъ Орелка и черезъ овраги,
 Черезъ пни и кочки побѣжалъ въ догонку
 За Лисой. (Не такъ ли рѣзвую дѣвчонку
 Догоняетъ парень, на дворѣ играя
 Съ дѣвками въ горѣлки). То въ тѣни виляя,
 То мелькая въ блескѣ солнца, удалая
 Лисанька дразнила бѣгуна, въ надеждѣ,
 Что наглець устанетъ, истомится прежде,
 Чѣмъ ее догонитъ. Такъ на самомъ дѣлѣ
 И случилось: скоро, сквозь кусты, подъ ели,
 Сосны и березы, на скаку ныряя,
 Онъ отсталъ и—тявкала, слѣдъ ея теряя:
 Наконецъ, языкъ свой высунулъ и, видя,
 Что Лиса уходитъ, раза два уныло

Визгнуль и усѣлся. Вотъ, сидить, и сидя
 Слышитъ изъ-за кочки голосъ: ахъ ты, рыло!
 Глупый ты чумичка! Какъ ты смѣлъ за мною
 Гнаться? Погоди ты, дерзкій, я съ тобою
 Справлюсь...

И герой смутился и, на заднихъ
 Присѣдая лапахъ, сталъ въ рѣчкахъ нескладныхъ
 Увѣрять лисицу, что онъ не легавый,
 Не борзой, ни разу ни съ одной облавой
 Не ходилъ на звѣря, что—добрякъ, извѣстный
 Въ цѣломъ околоткѣ, онъ всегда былъ честный
 Сторожъ—не дерзаль и курицы обидѣть...
 Говоря, онъ жался: страшно было видѣть
 Какъ Лиса глазами ѣсть его... Вотъ ближе
 Подступила, хвостъ свой опустила ниже,—
 Крадется, и вотъ, ужъ изъ-подъ верхней губы
 У нея зловѣще выступаютъ зубы.
 Видитъ нашъ Орелка—баба матерая,
 Сильная... Хотѣлось и ему, Ахилки
 Слѣдуя совѣту, зарычать, да видно
 Не хватило силы—затряслись поджилки.
 Страшная опасность была очевидна.—
 Онъ одинъ въ пустынѣ,—тощій, утомленный...
 Гдѣ-жъ ему, съ Лисою, въ плутняхъ изощренной,
 Сытой и вертлявой, сладить!? Если черти

Ей помогут, можетъ искушать до смерти...
 И завылъ Орелка: матушка, помилуй!
 Какъ посоль ищущъ васъ, и не съ тѣмъ, чтобъ силой
 Хвастаться... Ей-Богу, и охоты нѣту
 Мнѣ бороться съ вами,—я не забіяка:
 Лаять дома лаю, но плохой кусака...
 И клянусь, забрался я въ трущобу эту
 Съ тѣмъ, чтобъ передать вамъ кой-что по секрету.
 Я посоль...

Лисица словно ухмыльнулась,
 Навострила уши, молча облизнулась
 И присѣла.

— Только потому и гнался—
 Только потому и гнаться я рѣшился,
 Что особу вашу потерять боялся
 Изъ виду... Ища васъ, сильно утомился,
 И найти васъ даже и не чаялъ;
 Шель—издрогъ ужасно, увидалъ—растаялъ.
 Рыжая лисица губу закусила
 И сидить.

Орелка.

Ужели васъ не извѣстила

Глупая Сорока *), что меня избрали
 Всѣ собаки, всѣ, и, клятву дамъ, послали
 Въ неисходныхъ дебряхъ васъ найти, и въ оныхъ
 Неисходныхъ дебряхъ передать поклонъ ихъ?

Лисица.

Вотъ какъ! Намъ собаки заявляютъ дружбу...

Орелка.

И готовы даже къ вамъ идти на службу.

Лисица.

Это какъ?! Ужель вамъ впрокъ пошла наука,
 И собаки ваши поняли, въ чемъ штука?...

Орелка.

Да-съ, меня послали вовсе не для драки,
 Ибо въ чемъ вся штука—поняли собаки...
 Поняли-съ!.. И геній, нашъ Трезвонъ... ей-Богу!
 Не шутя сказалъ мнѣ, снарядивъ въ дорогу:
 «Ты скажи лисицамъ—мы на все готовы,

---

*) «Сорока» это заглавіе одной газеты, когда-то издаваемой нашими собаками, въ аристократическомъ духѣ. Въ ней сильно доставалось Орелкѣ, а потому онъ и называетъ эту газету глупой. — Советую людямъ когда-нибудь воспользоваться этимъ заглавіемъ. — Пророчу большой успѣхъ.

Лишь бы Лисье царство къ намъ благоволило...
 И хотя мы сильны, но такая-ль сила
 Намъ нужна, чтобъ въ свѣтъ положить основы
 Звѣрчества?!—хотимъ мы слопать человѣка,
 Что царить надъ нами сто четыре вѣка,
 И отдать лисицамъ курники...

Лисица.

Ахъ, что вы?..

Какъ это возможно!..

Орелка.

Съ вольными звѣрями,
 Съ зайцами, съ волками, съ тиграми, со львами *)
 Снюхаться хотимъ мы—заведемъ обычай
 Поровну дѣлиться каждою добычей.

Лисица.

Чудеса!..

Орелка *(одушевляясь)*.

Чтобъ всѣ мы, звѣри, были сыты,
 Всѣ умны и такъ же мало знамениты,

---

*) О тиграхъ и львахъ Орелка не имѣлъ никакого понятія, и зналъ о нихъ только по картинкамъ изъ какой-то дѣтской книжки.

Какъ и люди, ибо вся ихъ знаменитость
 Есть не что иное, какъ людская сытость.
 Кто не сытъ, тотъ вѣчно будетъ ждать пощадки,
 Мы-жь не овцы въ стадѣ—Богъ намъ не далъ жвачки,
 И травой питаться тоже намъ негоже.

Лисица.

Вы, я вижу, умный.

Брелка.

Да-съ, умень... Такъ что же,
 Что умень! Не въ этомъ дѣло... Я присягу
 Дать могу, что съ вами вовсе не хитрю я.
 Испытайте...

Лисица.

Лягте на спину.

Брелка.

И лягу.

И глаза зажмурю. Если-жь говорю я
 Вамъ неправду—горло мнѣ перекусите...

Лисица (*подумавши*).

Нѣтъ, я васъ не трону—врядъ-ли вы хитрите...
 Такъ и быть—не трону, только объясните,
 Что такое курникъ?..

Орелка.

Лежа неудобно

Говорить, но я вамъ объясню подробно,
Гдѣ и что... Повѣрьте...

Лисица.

Вѣрю, и отлично

Понимаю, съ кѣмъ я говорю... Вставайте
На ноги! Напрасно шубы не марайте. —
Я шутила;—вы же тотчасъ въ неприличной
Растянулись позѣ! — Ну, посоль, сидите
И кой-что о вашихъ курахъ сообщите.
И Орелка, съ дрожью отряхнувши спину,
Сталь болтать, и продалъ насъ ни за копейку; —
Описалъ ей курникъ, птичницу Арину,
Дворъ господскій, псарню, каждую лазейку;
Разказалъ, какъ ночью всё-то мы въ разбродѣ:
Кто за дѣломъ посланъ, кто спѣшить природѣ
Угодить и въ петлю, такъ сказать, стремится, —
Бѣгаетъ въ окрестныхъ селахъ волочиться,
Такъ что въ нашей псарнѣ, бариномъ забытой,
Остается ночью Марсъ съ ногой подбитой,
Водолазъ, который на Трезвона злится,
Да еще какой-то раненый пѣнта,

Что блуждает вѣчно въ сферахъ идеальныхъ *),
 Разбранилъ при этомъ олуховъ подвальныхъ,
 У которыхъ только и не пусты шайки,
 Оттого, что вѣчно лѣзутъ въ попрошайки
 Или у Арины руки лижутъ...

Такъ-то

Нашъ посоль, въ душевной простотѣ, безъ такта
 Вель себя, и даже не безъ униженья
 Даль свое согласье ей служить (настолько
 Всѣ ея совѣты исполнять, насколько
 У него достанетъ силъ и разумѣнья).
 Нашего-жъ дворнягу бѣсъ восторга пронялъ, —
 И ему казалось, что Лису онъ понялъ:
 Рыжая-де рада всякому союзу,
 И всегда готова съ плечъ свалить обузу
 Всякихъ опасеній. Надо-де и волку
 Съ ней вступить въ такія-жъ точно отношенья,
 Иначе въ союзѣ — никакого толку!..
 И притомъ (какая высота смиренья!)
 Надо, чтобъ и крысы не были забыты,
 Чтобъ кроты и бѣлки тоже были сыты;
 Обуздать медвѣдя тоже не мѣшало-бъ,
 Чтобъ на Мишку въ дѣбряхъ меньше было жалобъ.

---

*) Хорошъ пріятель! — нечего сказать!..

Только надо будетъ въ озеро или въ рѣку
 Сплавить водолаза, — какъ-нибудь, калѣку
 Марса успокоить, а передъ конурой,
 Гдѣ пиита (то-есть вашъ слуга покорный),
 Дорожа своею собственною шкурой,
 Лѣчится и вѣрить всякой сплетнѣ вздорной,
 Надо лечь Орелкѣ съ тѣмъ, чтобъ голосистый
 Дурень, увидавши лисій хвостъ пушистый,
 Не оралъ: а то-де птичница съ солдатомъ
 Выскочать — онъ съ палкой, а она съ ухватомъ...
 Значить, чтобъ союзъ сей братскій былъ упроченъ
 Надо, чтобъ Орелка былъ уполномоченъ
 Запрещать собакамъ лаять или гадить,
 Иначе едва-ли можно будетъ ладить
 Съ царней, такъ какъ всякій звѣрь въ лѣсу ходячій
 Изучилъ и съ дѣтства знаетъ нравъ собачій...
 И Лиса, съ Орелкой распростаясь, какъ съ братомъ,
 Отошла, чему-то молча улыбаясь.
 И, увы, герой нашъ, сердцемъ умилаясь.
 Тоже улыбался и глядѣлъ ужъ фатомъ..
 Вотъ какимъ, онъ думалъ, надо дипломатомъ
 Быть, чтобъ въ трудномъ дѣлѣ, не теряя разумъ,
 Достигать великихъ результатовъ разомъ...

XXI.

Подвигъ Трезвона и его логика.

Зайцы такъ умны, что съ юныхъ лѣтъ трусишки.
 Вотъ, они, покинувъ сѣрые пальтишки,
 Въ ожиданьи снѣжныхъ хлопьевъ, примѣряютъ
 Бѣленькія шубки и — воображаютъ,
 Что въ лѣсу на бѣломъ снѣгѣ ихъ не сыщеть
 Тотъ, кто по слѣдамъ ихъ крадется иль рыщеть
 (Человѣкъ-ли, звѣрь-ли, — все равно...). Смекаютъ
 Зайцы, что мѣха ихъ преспокойно носятъ
 Каждая торговка, и никто не спроситъ:
 Чьи они? откуда? по какому праву?
 Человѣка—звѣря матушка природа
 Мѣхомъ не прикрыла, голаго уroda
 Обошла,—озлила, и ему по нраву
 Шкуры драть: — изъ травли сдѣлалъ онъ забаву, —
 И ему зимою ѣздить по сосѣдямъ
 И ходить, одѣвшись соболемъ, медвѣдемъ,
 Бурою лисицей иль бобромъ — не трудно;
 Стало-быть, храбрится зайцу безразсудно.
 Онъ и не храбрится: необыкновенно
 Простодушный малый — труситъ откровенно...
 Вотъ, за лѣсомъ поле, — но уже безлюдно —

Ни души... Давно все скошено, пожато,
 И скирдамъ какъ будто стало скучновато:
 Ни телѣгъ, ни дѣвокъ, ни ребятъ, ни пѣсни,
 Ни воловъ, ни клячи, — никого — хоть тресни!..
 Вотъ ползуть туманы, вѣтеръ, словно пьяный,
 Тѣшится, теревить каждый скирдъ овсяный,
 Хочетъ подь солому въ ихъ нутро пробратъся,
 И злачки снаружи стали осыпаться..
 Вотъ, одинъ зайчонокъ овсеца покушать
 Побѣжалъ съ оглядкой, какъ бы не попасться..
 — Надо бы покликать и меньшого братца!..
 Но и это страшно, — долго-ли подслушать!..
 Вотъ ужъ солнце въ тучку сонный ликъ свой прячетъ,
 И туманъ куда-то потянуло, — значить,
 Надо торопиться...

И по нивѣ сжатой,
 Побѣжалъ зайчонокъ... Вотъ, одинъ пузатый
 Скирдъ, уже подпертый съ трехъ сторонъ шестью,
 И шуршитъ, и шепчетъ: пощипи овса-то..
 Много-ли нащиплешь? ну, тяни живѣе
 Изъ меня овсяный колосъ — покрупнѣе!..
 Мнѣ не жаль... Не мало этого добра-то!..
 Мужики да бабы тутъ меня сложили,
 Вознесли, подперли, словомъ сотворили..
 А гляди, и году тутъ не простою я

Разнесутъ, растащутъ...

Ничего не чуя,

Принялся зайчонокъ за ѣду: наѣлся,
 Лапками утерся, тонкими ноздрями
 Поморгаль, и сытый, наконецъ, усѣлся
 За скирдомъ, увлекшись юными мечтами:
 Онъ мечталъ и думалъ о своей зайчихѣ —
 О такой же милой, вѣтренной трусихѣ,
 Какъ и самъ онъ; — думалъ, какъ они зимою
 Проживутъ въ сугробѣ подъ одной сосною;
 И чѣмъ выше снѣгу имъ навѣютъ вьюги,
 Тѣмъ теплѣе будетъ для его подруги.
 Брачный пологъ будетъ звѣздочками вышить
 И блестятъ на солнцѣ; а когда продышитъ
 Ихъ дыханье шелку въ лѣсъ — они увидятъ
 Серебро, и тѣни, заросли и пуши,
 Гдѣ и въ стужу боги кормятъ неимущихъ,
 И конечно бѣдныхъ зайцевъ не обидятъ...
 Такъ мечталъ зайчонокъ, и на мягкій ворохъ
 Брошенной соломы легъ; — вдругъ слышитъ шорохъ... —
 Поднялъ уши. — Боги! — замеръ онъ отъ страха:
 Передъ нимъ внезапно злая появилась
 Морда волкодава и остановилась...
 Ну, сказалъ Трезвонка, — ты братъ, разсомаха,
 Неучъ... Этакъ, братецъ, можешь ты наткнуться

И на человека; ну, и оглянуться
 Не успеешь, глупый, какъ тебя ошпарятъ
 Дробью, ужокошати, а потомъ зажарятъ
 И съѣдятъ... Послушай, говори по чести,
 Безъ утайки: хочешь ты со мною вмѣстѣ
 Побѣждать къ собакамъ?.. я хочу прославить
 Нашу псарню: все, что баловни природы,
 Люди, насадили — садъ и огороды,
 Рѣдьку и капусту зайцамъ предоставить...
 Что ты скорчилъ рожу?! Много косоглазыхъ
 Я видалъ на свѣтѣ, а такихъ чумазыхъ
 Не видалъ ни разу... Ого-го! попробуй
 Улизнуть!.. добавилъ онъ съ хрипящей злобой
 Въ горлѣ... Я тебя!.. и... если ты не съ нами —
 Ты — подлець!.. ты... значить... съ нашими врагами
 Заодно...

Зайчонокъ ничего не понялъ,
 И такой тутъ ужасъ вдругъ бѣднягу пронялъ,
 Что, метнувшись вправо, онъ скакнулъ налѣво,
 И увы!

Съ размаху, въ двухъ шагахъ Трезвонка
 На межѣ догналъ и придавилъ зайчонка.
 Закричалъ несчастный, въ опѣненной пасти
 Волкодава, — хрустнулъ, стиснутый зубами,
 И затихъ. — Быть можетъ, у стихій во власти

Очутившись, вмѣстѣ съ легкой паутинкой
 Духъ его, какъ призракъ, окруженный дымкой
 Голубого пара, потянуло къ лѣсу...
 Впрочемъ, наша Муза, смертную завѣсу,
 Какъ бы ни старалась, приподнять — не можетъ.
 Да къ тому-жъ, признаться, насъ и не тревожить
 То, что съ нами будетъ послѣ нашей смерти.
 Мы хоть и слыхали, яко-бы есть черти,
 Яко-бы и боги себя проявляли
 (Намъ когда-то это мудрецы внушали);
 Но все это бредни. Людямъ-ли расчухать
 То, что намъ, собакамъ, не дано пронюхать!..
 И коли ни разу ни колбасъ, ни хлѣба
 Съ неба не свалилось, мы не вѣримъ въ небо...
 Я пою, что знаю. Вижу, что Трезвонка
 Хорошо покушалъ, съѣлъ всего зайчонка,
 И — пою. Вотъ, вижу, какъ онъ кости гложетъ
 И, — голодный, вою: заячьи остатки
 Разнесутъ вороны, — значить, взятки гладки...
 Вотъ, отъ наслажденья щурясь, облизался
 Мой герой, на травку легъ и повалился,
 Этакій счастливецъ! Вотъ ужъ онъ, зѣвая,
 Сморщилъ лобъ, и мыслить, сонъ одолѣвая,
 «Я не оттого — что золь былъ, негодия
 Проучилъ порядкомъ; нѣтъ, я и родному

Не далъ бы потачки... Онъ жеваль солому...
 И когда его я пригласилъ обѣдать,
 Въ огородѣ рѣпу и морковь отвѣдать,
 Онъ — неблагодарный — такъ забарабанилъ
 Лапами, что носъ мой чуть было не ранилъ
 Ногтемъ — и такую скорчилъ рожу, право,
 Что одно осталось — быстрая расправа
 Съ наглецомъ!.. Притомъ же, я обязанъ строго
 Поступать во имя братства... Зайцевъ много —
 Я еще успѣю съ ними сговориться,
 Этотъ же трусливъ былъ и ушастъ, — къ тому же
 И къ союзу съ нами вовсе не годится, —
 Мы найдемъ другого...»

Тутъ Трезвонъ мой къ лужѣ

Подошелъ и къ ночи, не спѣша, напился;
 Явно, что на псарню онъ не торопился...

XXII.

Начало конца.

О позоръ! О перлы глупости! о мода
 Выѣзжать на жалкихъ фразахъ! О свобода,
 Нами такъ безумно поправная! Боги!
 Какъ это случилось, что съ моей дороги

Я свернул, невольно заживо задѣтый
 Свѣжими вѣстями; я дуракъ отпѣтый
 Могъ меня дурачить, такъ что сердце билось,
 Хвостъ вилялъ и даже — ухо шевелилось!

. . . . .
 Ночь была глухая, и, не суя носа
 Въ эту ночь, скорбѣлъ я о судьбѣ Барбоса.
 «Гдѣ ты легковѣрный другъ мой, жертва злости?!
 Гдѣ? въ какой пустынѣ ты посялъ кости!..
 Муза! отчего ты мнѣ о немъ не лѣла —
 И не говорила, словно онѣмѣла? —
 Иль мое больное сердце ты щадила,
 Или къ испытанью меня присудила?..
 Ночь была глухая (ночь, когда зайчонка
 Съѣвъ, въ далекомъ полѣ ночевалъ Трезвонка),
 Вдругъ, изъ псарни, въ темный уголь мой пробрался
 Нашъ посоль Орелка... съ вечера шептался
 Онъ съ Діанкой, съ Марсомъ, съ Берфой, съ Водолазомъ —
 Магомъ, и признаться, издали казался
 Мнѣ какимъ-то сѣрымъ бурсакомъ, пролазомъ,
 Писаремъ, который лѣзетъ въ дипломаты;
 Но когда добрался до моей онъ хаты,
 Озаренный блескомъ своего успѣха,
 Я воскликнулъ: — баста! къ чорту всѣ сомнѣнья!
 Если разрѣшила всѣ недоумѣнья

Глупость... я не вижу, въ чемъ еще помѣха?
 Гдѣ предѣль удачѣ? Лисье царство съ нами,
 И медвѣди съ нами, значить, и съ волками
 Снюхаться возможно. — Да вѣдь это — банда
 Хоть куда!!... И значить, наша пропаганда—
 Оказалась мѣрой самой современной,
 Революціонной... даже несомнѣнной
 По своимъ великимъ результатамъ... значить,
 (Это хоть кого такъ сразу озадачить),
 Мірѣ переименованъ... Гостя обнималъ я
 И мечталъ о братствѣ, и воображалъ я,
 По словамъ Орелки, что ужь лисья стая
 Здѣсь, у самой псарни начала собираться, —
 И сидитъ въ опушкѣ лѣса, поджидая
 Нашего Трезвона, съ тѣмъ чтобъ съ нимъ пробраться
 Къ намъ, и по сабачьи съ нами столковаться.
 Это ли не подвигъ?

Ночь была глухая...

Вдругъ, я дрогнулъ—слышу стукъ иль трескъ, похожіи
 На ломанье сучьевъ... вдругъ, за этимъ трескомъ
 Суматоха... вопли... и съ тревожнымъ плескомъ
 Крыльевъ, крикъ такой, что у меня по кожѣ
 Подрало морозомъ... Недоумѣвая,
 Я подумалъ: въ курникъ, курь давя, свалилась
 Балка, или кошка спрыгнула съ сарая

И попала въ птичникъ. Чуткое забилось
 Сердце такъ, какъ будто я замѣсто волка
 Угодилъ въ капканъ и въ нѣмъ завязъ. Орелка
 Сталь хитрить — небрежно запахнулъ тулупчикъ
 И, ощеривъ зубы, пробурчалъ: голубчикъ!
 Не пугайся — это курицы бунтуютъ...
 — Какъ бунтуютъ куры!

— Да, голубчикъ, чуютъ

Лисій духъ... Къ тому же имъ обидно стало,
 Что въ собранье наше ихъ не пригласили,
 Но, мой другъ, объ этихъ пустякахъ нимало
 Я не беспокоюсь.—Куры вѣчно были
 Курами и — будутъ... Стоить взбунтоваться
 Пѣтуху, и куры будутъ волноваться
 И не спать.

Я понялъ, что хитритъ онъ. — Эку
 Ахинею, братецъ, порешь ты! сказалъ я,
 Этакъ вратъ, ей-Богу, даже человѣку
 Не совсѣмъ прилично...

— Милый мой, не зналъ я,

Что ты отнесешься такъ къ моей догадкѣ...
 Въ этотъ мигъ на нашей псарнѣ услыхалъ я:
 — Караулъ!.. и хриплый визгъ, какъ бы въ припадкѣ
 Страшнаго удущья.

— Врешь ты...

— Вру, дружище,

Вру, но что же делать? Ты не понимаешь,
 Какъ нестати будетъ, если ты залаешь,
 Или гвалтъ поднимешь. Не лиса, — лисище,
 Съ братьями, радушно и безъ замедленья
 Въ эту ночь вступая въ наше ополченье,
 Вспомнила обычай, всѣмъ давно извѣстный:—
 Завершить обѣдомъ каждый шагъ совмѣстный
 Съ добрымъ начинаньемъ. Въмѣстѣ отобѣдать
 Намъ необходимо, чтобъ союзъ нашъ братскій
 Закрѣпить пирушкой самой залихватской.
 Но самъ посуди ты: — гдѣ-жъ лисѣ провѣдать
 Живности?.. Откуда и какимъ манеромъ!?
 Тутъ должны собаки собственнымъ примѣромъ
 Доказать ей дружбу, и помочь ей живность
 Разыскать, отбросивъ всякую наивность
 Или щекотливость... Чтобъ собакъ прилично
 Угостить — ей нужно куръ достать. — Отлично!
 Говорю, берите, — мы мѣшать не станемъ;
 Только завтра всѣ мы въ гости къ вамъ нагрянемъ
 На обѣдъ... побольше только приглашайте
 Вы своихъ согражданъ, да готовляйте
 Ваши спичи... Мнѣ же пригласить позвольте
 Нашего поэта... Говорить: извольте,

Будемъ очень рады... Мы же такъ практичны,
 Что поэты наши къ рѣчамъ не привычны;
 Воя, прибѣгаютъ къ ямба́мъ шестистопнымъ,
 Частью современнымъ, частью допотопнымъ...
 Мы давно не вѣримъ въ ихъ стихотворенья, —
 Такъ намъ надоѣли эти упражненья...
 — А у насъ, сказалъ я, есть такой пѣнта,
 Что прославилъ псарню и воспѣлъ корыто...
 Ну, и сговорились: — супъ изъ куръ, жаркое
 Изъ утятъ, быть можетъ, даже поросенка
 Какъ-нибудь добудемъ; надо, чтобъ Трезвонка
 Былъ вполне доволенъ, сытъ и благодушенъ,
 Ахъ, не лай! Ужели ты не равнодушенъ
 Къ курамъ и цыплятамъ? Люди хоть и нѣжатъ
 Сихъ двуногихъ, только — что ни день, то рѣжутъ.
 Допроси Улиту или поваренка...
 Много-ль ихъ осталось!? Но изъ-за цыпленка
 Али пѣтушка... едва-ли негодуютъ
 Куры, — явно въ людяхъ чтуть свое начальство —
 Сами лѣзутъ въ ротъ; — а противъ насъ — канальство!
 Слышишь, какъ онѣ орутъ и какъ бунтуютъ!..
 Такъ шепталъ мнѣ гость мой, не подозрѣвая,
 Что его надули. — Недоумѣвая
 И стыдяся чего-то, какъ ошеломленный,
 Я вскочилъ и вышелъ.

Ночи, озаренной

Призрачнымъ мерцаньемъ, тѣни замыкали
 Всѣ углы; но воздухъ неподвижно-сонный
 Синь былъ и прозраченъ. Въ замкнутомъ подвалѣ
 Наши лежебоки глухо завывали:
 Ого-го! насъ кто-то заперъ! — Куры въ страхѣ
 По двору метались, поднимая гѣмонъ.
 Ихъ несчастный курникъ былъ подрытъ и сломанъ.
 Гдѣ-то, кто-то тьякалъ; — вдругъ, въ одной рубахѣ
 Выскочилъ солдатикъ и за нимъ Арина
 (Словомъ, для жанриста цѣлая картина).
 Вижу Водолаза: лежа онъ косится
 И молчить... а гдѣ же, думаю, лисица?
 Гдѣ ея всѣ братцы?!.. Поминай, какъ звали!..
 Разорили птичникъ: матерую утку,
 Пѣтуха, индюшку, трехъ цыплятъ украли,
 То-есть мигомъ горло имъ перекусили,
 И черезъ лазейку драго въ лѣсъ... Не въ шутку
 Къ намъ бѣ союзъ вступили, да и насолили..
 Вижу, какъ Арина на крыльцѣ руками
 Машетъ, какъ солдатикъ началъ понемножку
 Просыпаться; вынесъ глиняную плошку
 Налитую саломъ, и зажегъ, и въ дверку
 Курника, согнувшись, слазилъ на провѣрку:
 Все ли цѣло; — вылъзъ потный весь и красный.

Увидавъ солдата съ плошкой, все, что было
 По угламъ, на разныхъ голосахъ завыло,
 Загорланило... и начался ужасный
 Громкій лай, такой, что... я предполагаю
 Въ поздній часъ осенній, отъ такого лаю
 У самой Мирзихи въ спальной отдавалось.
 (То-то, чай, ворчала или зарывалась
 Въ мягкія подушки, или всѣхъ будила!) *)
 Мнѣ всего стыднѣе было за Орелку.
 Для чего онъ даялъ? и что было толку
 Въ этомъ запоздаломъ лаѣ! — Вотъ Вопило
 Подошелъ и молвилъ: — чортъ знаетъ, что было!
 Обратни въ видѣ трехъ свиней ворвались
 Къ намъ; черезъ лазейку, живо подкопались
 Подъ курятникъ; затрещали клѣти,
 И собаки наши струсили какъ дѣти...
 Вотъ вамъ и лазейка!..

О ночномъ собраніи

Въ Липкахъ, за кладбищемъ, ничего не зналъ онъ,

---

*) По справкѣ оказалось, что наша барыня такъ крѣпко спала, что ничего не слыхала, только утромъ рассказывала, яко бы ей снились собаки, которые бѣжали за ней и кричали ура! Это сочла она за счастливое предзнаменованіе. О томъ же, что случилось съ курникомъ, Валетъ промолчалъ, такъ какъ Арина дала ему порядочную взятку.

Колдовству повѣрилъ, и въ своемъ незнаньи
 Все свалилъ на бѣса. Не подозрѣвалъ онъ,
 Что лисицы были такъ ловки и смѣлы,
 Что пришли на псарню и — остались цѣлы,
 Что собаки наши, чуя ихъ, не смѣли
 Даже и залаять, словно очумѣли.
 Этой мысли странной и невѣроятной
 Онъ бы и не вынесъ. — Патриотъ, любимый
 Хромоногимъ Марсомъ, не всегда пріятный
 Нашимъ прогрессистамъ, и подчасъ гонимый,
 Былъ такимъ отсталымъ, что молился ночью...
 Наконецъ Арина, убѣдясь водчюю,
 Что ея любимца — пѣтуха, индюшки,
 Утки и трехъ куръ не стало, — у кадушки
 На ступеньку сѣла, тощими руками
 За виски схватилась, залилась слезами
 И заголосила, точно птицы были
 Ей родныя дѣти! — Въ сѣренькій халатикъ
 Облачась, за нею голосилъ солдатикъ:
 Надо, говорилъ онъ, всѣхъ собакъ спровадить
 Къ чорту на кулички, иначе и ладить
 Съ этими ворами мочи нѣтъ, — ей Богу!
 Псарня начинала выражать тревогу.
 Отворилъ я кѣмъ-то припертыя двери
 Старого подвала, и, вообразите,

Наши лежебоки, понабравшись прыти,
 Къ выходу, на волю вырвались какъ звѣри;
 Вотъ, разнюхавъ вражій слѣдъ, они къ лазейкѣ
 Бросились и—стали; тутъ я оказался .
 Кстати, вмигъ пролѣзъ и первый въ лѣсъ помчался
 Показать дорогу—и за мной ищейки
 Понеслись. Но, боги! эти лежебоки,
 Увидавъ, что мчусь я впереди, завыли:
 Вотъ онъ, вотъ онъ, врагъ нашъ! и свои подскоки
 Участивъ, догнали, и меня схватили...
 О! не будь. Вопилы, что бѣжалъ за нами,
 Я-бъ, увь!—навѣрно былъ истерзанъ псами!
 — Что вы! завопилъ имъ нашъ Вопило, али
 Вы такъ стали слѣпы! али потеряли
 Вы чутье?! Собаку, ту что отворила
 Вамъ подвѣлъ, и васъ же воодушевила,
 Вы, слѣпцы, за волка или за лисицу
 Приняли!—Тогда лишь эти зубоскалы
 Эти ротозѣи, франты и нахалы,
 Искусавъ мнѣ шею, грудь и поясницу,
 Отпустили съ миромъ. И не извинившись,
 И, быть можетъ, даже мысленно озлившись
 И на Патріота, и на все на свѣтѣ,
 Дальше вразсыпную, какъ шальные дѣти,
 Понеслись, затѣмъ, чтобъ скоро воротиться

Съ носомъ, безъ добычи, и весь день хвалиться
 Пламеннымъ усердьемъ, и черезъ Валета
 Ждать себѣ почета у большого свѣта.
 Бѣшенный отъ злости, чуть я не рехнулся,
 И домой, отъ боли свѣсивъ хвостъ, вернулся,
 И, когда увидѣлъ Мага, прослезился.
 — Эхъ! сказалъ онъ съ грустью,—тоже отличился!
 Тоже захотѣлось почестей и славы!..
 Развѣ ты не понялъ, что собачьи нравы
 Остаются тѣ же, даже хуже стали,
 Потому что мысли не соединяли
 Насъ, а разобщали—страсти же: тщеславье,
 Зависть, похоть, жадность, явно довели насъ
 И до истощенья силъ и до безславья!
 (Хуже чѣмъ притоны и вино на выносъ).
 А еще хотимъ мы вѣковой идеѣ
 Послужить—добиться братства и свободы!
 Я вдохнулъ глубоко, и сказалъ: злодѣи!..
 Онъ вдохнулъ и тихо вымолвилъ: уроды...

XXIII.

До чего дошли мы.

Говорить мнѣ Муза: каждый, понимая
 Мои пѣсни, скажетъ, что ему мила я

Тѣмъ, что рѣжу правду, по-собачьи лая.
 Чтò мнѣ правда, если эта правда злая!
 Если самому мнѣ тяжело сознаться,
 Что звѣрямъ съ звѣрями трудно уживаться...
 Вотъ, Ахиллъ, смотрите, къ братьямъ ли присталь онъ?
 Пламенной любовью къ нимъ ли воспылалъ онъ!?
 Почему Ахилка,—цѣлый свѣтъ мы спросимъ,—
 Побѣжалъ не къ овцамъ, не къ волкамъ, не къ лосямъ,
 Даже не на псарню, а по Армазанской
 Столбовой дорогѣ побѣжалъ въ цыганскій
 Таборъ. На закатѣ солнца тамъ засталъ онъ
 Дымъ, шатры и пляску; какъ шальной, присталь онъ
 Къ вольнымъ побродягамъ, втюрился въ Цыганку,
 У костра усѣлся, и, на перебранку
 Двухъ старухъ, готовыхъ гнать его, нимало
 Не сердясь, дождался кой-какой подачки:
 Не безъ аппетита съѣлъ кусочекъ сала
 (Какъ хохоль въ гостяхъ у молодой казачки);
 На коверъ взобрался—и, упившись нѣгой
 Ночи, рано утромъ, въ степи, за телѣгой,
 Грязной и скрипучей, ползлся, не зная
 Самъ куда идетъ онъ, и на встрѣчныхъ лая,
 Такъ какъ въ каждомъ видѣль—(этакій ревнивецъ!)
 Звѣря, чтò способенъ ущипнуть зубами
 Смуглую Цыганку съ карими очами

И высокой грудью... (этакій счастливецъ!)
 А она, та Сайга, что его ругала
 Глупымъ и святошей, и вралемъ, блуждала
 До зари съ слѣдами отъ когтей медвѣдя;
 То она дрожала, лежа подъ кустами
 Въ непроглядномъ мракѣ, то дремала, бредя,
 Что она въ союзѣ съ дикими волками
 По лѣсу куда-то въ города несется;
 То ждала, очнувшись, скоро-ль день займется;
 То какъ бы въ тревогѣ—съ чѣмъ она вернется,
 Шла, шла, шла... И вотъ ужъ, дымомъ насыщая
 Мглу, свѣтлѣеть утро; вотъ ужъ и крутая
 Кровля чуть виднѣеть въ видѣ силуэта
 На туманномъ фонѣ позднего разсвѣта;
 Покраснѣла роща на зарѣ, гдѣ парни
 Съ дѣвками гуляютъ по ночамъ... До псарни
 Добѣжать минутнымъ кажется ей дѣломъ;
 Но ее коробягъ эти, съ закончѣлымъ
 Вѣрхомъ, книзу дымъ свой стелющія трубы,
 И заборъ, и щепень... Приостановилась
 Сайга—слышитъ шорохъ,—зачесались зубы,
 И, себя не помня, вдругъ она вцѣпилась
 Въ ногу проходящей бабы, изорвала
 Ей подоль рубахи,—баба закричала,
 Сосунка-ребенка прижимая къ груди:—

Батюшки!.. спасите!.. Прибѣжали люди
 И остановились.—Какъ могла борзая
 Быть такою злоюкой!? Статочное-ль дѣло!
 Явно, что сбѣсилась или очумѣла...
 Струсили, и что же?.. на передовую,
 Полную отваги и стремлений амку,
 Вмигъ накинувъ петлю, петлю затяжную,
 Удавили... Боги! я бы вставилъ въ рамку
 Тотъ портретъ, который мнѣ изобразилъ бы
 Сайгу,—для потомства его сохранилъ бы...
 Никого не знаю, кто-бъ тянулъ такъ лямку,
 Какъ она тянула новую идею,
 Ту, что ей надѣли, какъ хомутъ на шею.
 Вся она служила дѣлу безотчетно,
 Но прямолинейно и безповоротно.
 Духъ ея тревожный и неугомонный
 Носится доселѣ надо мною въ сонной
 Атмосферѣ ночи мрачной и осенней,
 И я сталъ трезвѣе... но не вдохновеннѣй.
 То, что было Сайгой—было фанатизмомъ
 Не такимъ, что можетъ заражать лиризмомъ,
 И ея кончина не была трагична:—
 Это было страшно, но не поэтично...

Прокутивши ночью, за скирдами, въ полѣ,

Съ Шавкой, что сбѣжала вольничать на волѣ,
 Словомъ, весь отдавшись похотямъ желудка
 И затѣмъ разврату, позабыль Трезвонка,
 Что стремиться къ цѣли властвовать—не шутка...
 Не бѣда, что въ тайнѣ ото всѣхъ зайчонка
 Съѣлъ онъ—(это часто дѣлается въ свѣтѣ);
 Но нельзя забыть, что тотъ, кто хочетъ сладко
 Ъсть и пить, не долженъ попадаться въ сѣти,—
 Покидать вершину—гдѣ, увы!!.. все шатко
 И непостоянно, и, какъ бы на кручахъ,
 То сіяетъ солнце, то все скрыто въ тучахъ.
 Онъ же, кинувъ псарню, не спѣша вернулся,
 И, вернувшись позднимъ утромъ, ужаснулся:
 Ни одной лазейки! Нашъ солдатикъ живо,
 То-есть не лѣниво и не торопливо,—
 Кольями снаружи ихъ забилъ, нарочно
 Заострилъ и въ землю вколотилъ такъ прочно,
 Что... ах!—Солдатикъ былъ не изъ послѣднихъ
 Ретроградовъ, понялъ, въ чемъ вся суть скандала
 И какимъ манеромъ псарня въ лѣсъ попала.
 (Погналась за чѣмъ-то, чорта съ два догнала.)
 Тщетно мой Трезвонка, помощью переднихъ
 Лапъ царапалъ землю, тщетно тыкалъ рыло
 Въ щели,—не пролѣзъ онъ: путь загородила
 Злая, роковая, человѣчья сила...

Что всего досаднѣй, чей-то голосъ (ровный,
 Мягкій лай) былъ слышенъ нашему герою:
 Голосъ былъ знакомый, и не за горою—
 А вблизи, за тыномъ... Что же это значить!?
 Тамъ Валеть!! Валетка!!!—Это озадачитъ
 Хоть кого!..

. . . . .
 . . . . . И точно, карьеристъ Валетка
 Пробрался на псарню. Съ тактомъ, ловко, мѣтко,
 Разъяснилъ собачье наше положене,
 И сказалъ: имѣйте, господа, терпѣнье...
 Все придетъ въ порядокъ, все войдетъ въ границы.
 Знайте, что съ востока изъ одной столицы,
 Той, что такъ обильно насъ снабжаетъ чаемъ,
 И для многихъ служить караванъ-сараемъ,
 Ёдетъ на охоту къ намъ съ блестящей свитой
 Знаменитый принцъ, Стручокъ, царю Гороху
 Родственникъ, и ёдетъ этотъ знаменитый
 Принцъ-Стручокъ затѣмъ, чтобъ завершить достойно
 Всѣхъ своихъ экскурсій лѣтнюю эпоху.
 Настаетъ зима, и въ домѣ непокойно...
 Наскоро—большія тамъ приготовленья:
 Стукотня, окраска и перемѣщенья.
 И Мирза... въ великой онъ о васъ заботѣ...
 Ну, какъ вы на травлѣ или на охотѣ

За тетеревами просто осрамитесь!
 Принцъ же первый въ свѣтѣ егерь и наѣздникъ,
 До собакъ охотникъ и—большой любезникъ...
 Пишетъ, чтобъ его мы не кормили кашей,
 А кормили плѣвомъ... что уху онъ любить
 Изъ ершей, что если только онъ прибудеть
 Цѣль и невредимъ, то милостиво къ нашей
 Сворѣ присосѣдитъ и свои двѣ своры...
 Господа! надѣюсь, эти разговоры
 Между нами... и—хоть я на мѣстѣ прочесть,
 Но болтать на псарнѣ не уполномочень,
 И могу за это получить неожиданный
 Репримандъ...

И такъ, нашъ принцъ, нашъ гость желанный,
 Къ намъ на-дняхъ нагрянетъ; съ нимъ и доѣзжачій,
 По прозванью Дока,—человѣкъ горячій
 И зѣло не любить, чтобы пуделяли.
 Было-бъ подло, еслибъ вы не оказали
 Тѣхъ же свойствъ, какими въ свѣтѣ вы гремѣли.
 А до принца, знайте, вѣсти долетѣли
 (Что и вамъ, конечно, слышать доводилось).
 Что въ предѣлахъ нашихъ звѣря расплодилось
 Столько, что крестьянамъ волки надоѣли,
 Сотни двѣ барановъ, двѣ коровы съѣли,
 Что на огородахъ, гдѣ росла капуста,

Косоглазыхъ зайцевъ (чтобъ имъ было пусто!)
 Наши бабы ловятъ, чуть ли не руками;
 Что кабанъ съ своею кабанихой жирной
 Не даетъ проходу... Цѣлыми стадами
 Пробѣгаютъ лоси... И къ тому же мирный
 Сонъ нашъ тѣмъ нарушенъ, что кума лисица
 Курь таскать большая стала мастерица.
 Это, господа, вы видѣли во-обчью
 У себя, въ своей же псарнѣ, прошлой ночью.
 А медвѣди стали къ пасѣчникамъ въ гости
 Жаловать. Уймите вопли вашей злости!
 Варятъ вамъ на кухнѣ въ двухъ котлахъ овсянку
 И конину рѣжутъ... (Помните Вакханку—
 Лошадь, на которой часто гарцовали
 Господа... Вакханка ногу изломала,
 Захирѣла и, не думая нimalo,
 Мы съ ней порѣшили, то есть приказали
 Посолить)... Хлопочемъ, чтобъ и ваша слава
 Не была голодной...

— Bravo, bravo, bravo!

Завопила псарня.

Такъ, злодѣй Валетка
 Откровенной рѣчью попадая мѣтко
 Въ цѣль, Трезвона стусеваль значенье
 Тѣмъ, что ясно понялъ наши вождедѣнья.

XXIV.

Безъ лазейки.

И Трезвонъ въ досадѣ обѣжалъ ограду
 Запертаго сада. Листопада полный
 Садъ шумѣлъ, сквозь сучья пропуская волны
 Сѣвернаго вѣтра. Лѣтнюю прохладу,
 Зелень, птицъ, куртины пестрыя съ кустами
 Розъ благоуханныхъ, и фонтанъ, струями
 Брызжущій, невольно вспоминали клены,
 Липы и березы, и неслись ихъ стоны:
 Гдѣ ты лѣто, гдѣ ты? Далеко тянулась
 По сырому вѣтру жалобная нота,
 И въ душѣ Трезвона что-то шевельнулось
 Въ родѣ сожалѣнья. Прошмыгнувъ въ ворота,
 Онъ махнулъ на задній дворъ. Какъ малый прыткій,
 Думалъ онъ на царню проскользнуть калиткой,
 Или подъ покровомъ юбки, иль прижавшись
 Къ Оедькѣ, что недавно изъ пеленъ ребенка
 Выросъ и былъ чѣмъ-то въ родѣ пострѣленка.
 Этотъ Оедька часто, съ кѣмъ-нибудь подравшись,
 Шель ревѣтъ къ Аринѣ: старая Арина
 Оедьку баловала, какъ родного сына.
 И Трезвонка думалъ: только бы пробраться!—

Новою лазейкой надо намъ заняться.
 Но едва прошелъ онъ заднія ворота
 И шаги направилъ къ кухнѣ, видитъ, кто-то
 Передъ барской кухней, запахнувъ тулупчикъ,
 Ежится, и этотъ «кто-то» оказался
 Дипломатъ Орелка; въ подлости попался,
 Но не испугался.

— Это ты, голубчикъ!

Забурчалъ Трезвонка.—Али ждешь подачки?

— Да, я жду Улиты...

— Ждешь стряпухи?

— Прачки.

Я у ней въ фаворѣ. Толстая Улита
 Ъсть за трехъ и, если накормили сыто,
 Дѣлается доброй; обо мнѣ хлопочетъ;
 Подзоветь, тихонько за ухомъ щекочетъ,
 Гладить,—иногда же шарики катаетъ
 Изъ ржаного хлѣба, иногда вздыхаетъ,
 Иногда, чему-то хохоча, попросить
 У стряпухи дать ей кость и мнѣ же бросить...
 Милая!..

— Ну, братецъ, вижу, ты болванушь,
 Болваниссимушь!.. Ну, разсуди, кто нудить,
 Кто тебя неволить хвастаться? Что будетъ,
 Говори, что будетъ, если я останусь

И подачки эти сцапаю...

— Не стану-съ

Отнимать, не стану спорить или драться!

Гдѣ ужъ намъ, любезный, съ вами препираться!

Этотъ фамиллярный тонъ совсѣмъ сбиль съ толку

Нашего героя; смутно догадался

Нашъ Трезвонъ, что геній его стушевался.

— Я шучу, сказалъ онъ и лизнулъ Орелку.

Видя эту ласку, нашъ дворняга сразу

Весь размякъ, растаялъ; наконецъ, къ разказу

Приступилъ: свой подвигъ—подвигъ дипломата

Описалъ; увѣрилъ, что его стараньемъ

Бурья лисицы, съ явнымъ ожиданьемъ.

Мира и союза, ночью приходили

Въ псарню, и на псарнѣ никого не видя,

Ни собакъ не слыша, подошли пощупать

Курь, и что же?—вздумалъ же попутать

Грѣхъ,—весь курникъ заоралъ. Предвидя,

Что Арина тотчасъ выскочитъ съ солдатомъ,

Съ палкой, съ кочергою, съ помеломъ, съ ухватомъ,

И начнетъ дубасить всѣхъ, кого попало,

Вдругъ всю нашу псарню словно обуяла

Демонская сила; лай такой поднялся,

Такъ все заорало, что я растерялся.

Могъ ли я предвидѣть, что подвалъ отворить

Другъ, который вирши пишетъ, то-есть пореть
 Всякій вздоръ.

— За это, глухо отозвался
 Волкодавъ,—дадимъ мы нашему поэту
 На орѣхи... вздуемъ!..

— Гости тягу дали,
 Такъ мои заботы даромъ и пропали!
 Вотъ сегодня Крыса принесла посланье
 Отъ лисицы, и что же? отдала Валету,
 А не намъ.—Такое, право, наказанье!
 Тотъ, прочтя бумагу, рявкнулъ:—безъ отвѣта
 Убирайся къ чорту! Крыса испугалась
 И во всё лопатки—драло...

— Что же случилось

Съ этою бумагой?

— Онъ бумагу эту
 Уронилъ въ помои и ушелъ. Признаться,
 Я немедля поднялъ грамотку лисицы;
 Но, судите сами, я вѣдь не въ столицѣ,—
 Въ темномъ захолустѣ грамотѣ учился:
 Сталь читать,—читаль, читаль и не добился
 Никакого толку.

— Гдѣ же, гдѣ посланье?
 Весь дрожа отъ злости и негодованья
 Пробурчалъ Трезвонка.

— Вот оно. Вникайте!

Дѣльное, должно быть. Лѣстить я не намѣрень
Никому; но въ этомъ твердо я увѣрень...

Дѣльное-съ! Однако, вы его читайте
Вслухъ, сказалъ Орелка, улыбаясь тонко
Простодушной мордой.

Сморщился Трезвонка

И прочелъ:

«Глубокочитимыя собаки!

«Вѣстники свободы! мы тому и вѣрить

«Не хотимъ, чтобъ всѣ вы были забяки,

«И хотите съ нами вашъ союзъ похѣрить;

«Но вы не сдержали ваше обѣщанье,—

«Подняли тревогу. Мы на совѣщанье

«Къ вамъ пришли, и что же? Куры возмутились

«Такъ, что мы на вашей псарнѣ очутились

«Въ странномъ положеньи, и, чего не ждали,

«Вы (на курь, конечно) стали заливаться

«Лаемъ, такъ что люди стали просыпаться.

«Мы совсѣмъ не трусы, псарни не боялись,

«Но, боясь скандала, отретировались.

«Вѣрьте, лисье царство помогать готово

«Псарнѣ; но, чтобъ снова вѣрить вамъ и снова

«Съ вами быть въ союзѣ, мы вамъ предлагаемъ:

«Гдѣ-бъ мы ни шатались, не смущать насъ лаемъ;

«Наказать буйновъ; курь загнать въ дремучій
 «Лѣсъ какъ можно дальше и, на этотъ случай,
 «Чтобъ насъ успокоить, вновь прислать Орелку,
 «Иначе не будетъ никакого толку.
 «Сей пакетъ вручить вамъ Крыса (бывшій узникъ
 «И нашъ врагъ, теперь же искренній союзникъ).

«Нашъ посолъ съ поклономъ

«Явится на псарню, и передъ Трезвономъ
 «Выскажетъ, въ какомъ мы всѣ недоумѣнны.

«Наше вамъ почтенье».

— Каково-съ! воскликнулъ не безъ восхищенья
 Нашъ плебей Орелка и припалъ къ колѣну
 Мрачнаго Трезвона.

Но Трезвонъ измѣну
 Заподозрилъ въ Крысѣ, умыселъ жестокий
 Передать Валету тайну ихъ.

Глубокой

Сердцевѣдъ по части всѣхъ измѣнъ, ужъ въ пасти
 Мысленно держалъ онъ Крысу и на части
 Рвалъ ее.

— Гдѣ Крыса? онъ спросилъ.

— Не знаю,

Отвѣчалъ Орелка.

— О, я понимаю!..

И вообразивъ, что онъ одинъ начальство,

Злился на подвластных... Лисье же нахальство
 Принялъ какъ достойный, умный, договорный
 Отзывъ на ненужный, глухой и позорный
 Лай; того не понялъ, что и мнѣ понятно...
 Рыжая лисица была ученицей
 Хитрыхъ Иезуитовъ, стало быть лисицѣ
 Наше поведеніе было такъ пріятно,
 Что она, конечно, ждала повторенья
 Нашей непомерной глупости... Мгновеньемъ
 Разныхъ настроеній не пренебрегаетъ
 Хитрость, и все то, что съ явнымъ ослѣпленьемъ
 Упускаетъ глупость, на лету хватаетъ.
 Дайте вы ей лапу—и съ чутьемъ проститесь,
 Такъ вамъ будетъ сладокъ ея запахъ:
 Нюхайте, пока вы не очнетесь въ лапахъ
 Хитраго обмана... Вы же извинитесь
 Передъ лицомъ ея. Будутъ придираяться,
 Чтобъ въ бѣдѣ навѣки съ вами развязаться.
 И враги достигнуть цѣли: понемногу
 Все у васъ отнимутъ, славу, честь, дорогу
 Въ будущность, затѣмъ, чтобъ вы предоставляли
 Имъ свою добычу, изъ-за нихъ страдали,
 Даже проливали кровь и—не роптали...
 — Да, вѣщаль Трезвонка, чтобъ союзъ былъ проченъ,
 Надо, чтобъ я вами былъ уполномоченъ

Такъ распорядиться, чтобъ безъ всякихъ шутокъ
 Въ дальній лѣсъ спровадить нашихъ куръ и утокъ.
 А скандалъ затѣять наши патріоты,
 Не бѣда! Не знаютъ эти идіоты,
 Что скандалъ намъ нуженъ, ибо идеала
 Звѣрчества достигнуть можно-ль безъ скандала
 Иль домашней свалки? Псарня безъ Трезвона
 Пропадетъ; завоюютъ стараго закона
 Псы-старообрядцы, что воображаютъ,
 Будто бы нужна намъ псарня! А не знаютъ,
 Что на свѣтѣ псарни никакой не нужно...
 Надо, чтобъ лѣсные звѣри стали дружно
 Помогать другъ другу ѣсть и пить, а этимъ
 И навозить землю, и давать жизнь дѣтямъ...
 Прочь литература, вымыслы науки,
 Прелести искусствъ и вслческія штуки!
 Ихъ забудутъ люди и не вспомнить внуки,
 Что когда-то дѣды думали звѣрями
 Не считается, или думали, что выше
 Насъ, собакъ, и даже не якшались съ нами,
 Какъ съ людьми. Какое заблужденье!

— Тише,

Прошепталъ Орелка жалобно и робко.

— Нѣтъ, я буду лаять...

Но дверная скобка

Скрипнула, и двери на крыльцо раскрыла
Толстая Улита. Изъ дверей пахнуло
Чѣмъ-то вкусно сдобнымъ.

— Ты зачѣмъ? спросила

Прачка Волкодава.—Прочь! и такъ взглянула
Свысока, такъ грозно, что кося глазами
Онъ ушелъ. Орелка завилялъ ушами
И хвостомъ; но прачка, молча на крылечкѣ
Постоявъ, вздохнула и вернулась къ печкѣ.

XXV.

Природа породы беретъ верхъ.

А Трезвонъ въ калитку проскользнулъ и, снова
Водворясь на псарнѣ, какъ герой, сурово
Осуждалъ, бранился и распоряжался.
Этотъ подчинялся, тотъ не подчинялся,—
И собаки грызлись. Не прошло недѣли,
Многіе и слушать даже не хотѣли
О попыткѣ псарни снюхаться съ звѣрями
Съ дикими, лѣсными, съ тѣми, что отъ вѣка
Знать не знаютъ жизни звѣря-человѣка,—
Существа, въ которомъ все на половину:
Все напоминаетъ Бога и скотину.

На иныхъ напало мрачное сомнѣнье,
 На иныхъ тупое чувство сожалѣнья.
 Гдѣ Барбось? твердили. Нашъ Барбось былъ бѣдень,
 Но талантливъ, честенъ и—волками съѣдень.
 Сайга гдѣ? Сошлась ли Сайга съ медвѣдями?
 Нѣтъ, отъ косолапыхъ Мишекъ не добилась
 Сайга никакого толку и—сбѣсилась.
 Ее удавили. И хоть бы зайчонка
 Къ намъ привелъ на псарню говорунъ Трезвонка!
 Да и зайцы ждутъ ли отъ собакъ свободы!
 Такъ-то съ голодухи лѣзутъ въ огороды,
 Что ихъ бабы ловятъ голыми руками;
 (Мы бы ихъ ловили иначе—зубами).
 Вотъ, дуракъ Орелка, къ намъ зазвалъ лисицу
 Тѣмъ, что обѣщаль ей куръ и небылицу
 Сочинилъ, увѣрилъ, что Лиса готовить
 Намъ большой обѣдъ; но кто же насъ не ловить,
 Какъ ершей, на эту удочку съ приманкой!
 Всѣ мы распустили уши... Постарались
 Не глядѣть, не лаять; ну и что-жъ? Остались
 Съ носомъ... Такъ-то, братцы! Вотъ, опять съ Цыганкой,
 Говорятъ, связался нашъ Ахиллъ: за нею
 Погнался—и, право, этотъ всѣхъ умнѣ,
 Даромъ что скотина и болванъ. Въ Царьградѣ,
 Говорятъ, собаки просятъ Христа ради,

Подличаютъ, мертвыхъ вырываютъ кости,
 Роятся въ навозѣ и, въ голодной злости,
 Воємъ воютъ... словомъ, нищенскую долю
 Громко проклинаютъ, несмотря на волю.
 Амки, тѣ что стали нѣсколько приличнѣй,
 Тоже понемногу сдѣлались практичнѣй.
 Думали: въ союзѣ съ дикими звѣрями
 Мы съ такими-жъ будемъ, чортъ возьми, страстями;
 И, конечно, также будемъ распложаться;
 Но вдали отъ царни и людей: въ пустынь
 Пусть намъ кто-нибудь укажетъ чѣмъ питаться!
 Вѣдь щенки не будутъ пропадать, какъ нынѣ
 Пропадаютъ въ этомъ царствѣ своеволья,—
 Съ голоду подохнуть;—вотъ вамъ и приволье!
 Если-жъ люди, вѣчно жаждая добычи,
 Все перестрѣляютъ, и не будетъ дичи,
 Что тогда?..

Вопросы Амки не рѣшили,
 И опять къ Трезвону морды обратили:
 Дескать, посовѣтуй, ибо ты нашъ геній.
 — Амки, не читайте глупыхъ сочиненій,
 А читайте только то, что укажу я,
 Отвѣчалъ Трезвонка, сильно негодуя
 На Вопилу.

Этотъ царнофиль дождался

Полнаго успѣха; каждый углублялся
 Въ трудъ его, когда-то критикой забытый: .
«Псарня и льсное царство.»

Но маститый

Другъ мой, Водолазъ, конечно, былъ несчастливъ
 Всѣхъ, и не затѣмъ, что псарня безучастивъ
 Чѣмъ къ другимъ къ невзгодамъ старца относилась,
 А затѣмъ, что псарня не угомонилась
 Отъ клеветы и сплетень; кстати и бекстати,
 Мага упрекали въ обществѣ, въ печати,
 Упрекали въ томъ, что съ дѣтства онъ—философъ,
 Глупый метафизикъ—задалъ тѣмъ вопросовъ
 И замолкъ; должно быть мозгу не хватило.
 Тѣ, что поклонялись Сайгѣ и Трезвону,
 Или просто, чванясь, задавали тону,
 Отъ больного Мага воротили рыло.
 Разъ одна Фитюлька такъ о немъ судила:
 — Ахъ, не говорите! Звѣрчества идею—
 Чудную идею!—онъ, какъ теоретикъ
 Первый возгласилъ, и первый, какъ еретикъ,
 Къ звѣрчеству отнесся съ явнымъ отрицаньемъ,
 Словомъ, вашъ философъ знаменитъ—виляньемъ.
 Наконецъ, не онъ ли одного пѣту,
 Лирика, который воспѣвалъ подушки,
 Глазки, лапки, принялъ подъ свою защиту!

И сказать, что будто у людей былъ Пушкинъ,
 У собакъ же врядъ ли Пушкинъ народится.
 Сами посудите, какъ же не сердиться!..
 Боги! Позабыли эти журналисты,
 Эти психопатки и фельетонисты,
 Что они же Мага первые съ позоромъ
 Выгнали, они же общимъ приговоромъ
 Магу повелѣли замолчать и гнали
 Въ дни, когда Трезвону всѣ рукоплескали
 И кричали: bravo!

Но мой другъ маститый
 (Лаоконъ изъ бронзы, гадами повитый)
 Никому ни слова. Грузъ своихъ терзаній
 Затая глубоко въ сердцѣ, наблюдая
 За собой, за псарней и врагамъ прощая,
 Магъ, какъ будто въ мірѣ онъ всю суть извѣдалъ,
 Втайнѣ новый символъ вѣры исповѣдалъ;
 Но какой, признаться, невдомекъ мнѣ было,
 Что-то не собачье въ немъ заговорило.
 Иногда я слушалъ, слушалъ и мѣшалось
 Въ головѣ.

Зима же все не начиналась:
 И нашъ дворъ, недавно чисто подметенный,
 Былъ покрытъ листвою вѣтромъ занесенной;
 Но уже замѣтно явно наступали

Новые порядки: всюду застучали
 Топоры и стали ёрзать пилы, къ тыну
 Новые навѣсы ладили, вбивали
 Длинный шестъ для флага; намъ уже давали
 Не пустыя кости грызть, а ѣсть коннину,
 Такъ что мы, наѣвшись, по двору валялись.
 Наконецъ, на псарнѣ стали появляться
 Господа и явно всѣмъ распоряжаться.
 Мы сперва на крикъ ихъ лаемъ отзывались,
 Но потомъ притихли, съ духомъ ихъ освоясь,
 Шли на зовъ: они же ласково трепали—
 Щупали намъ ребра и сортировали,
 Споря и о чемъ-то словно безпокоясь;
 Начала Арина кланяться имъ въ поясъ,
 А ея солдатикъ вывѣсилъ медали
 На своей шинелькѣ, что ему служила
 Поутру халатомъ, ночью одѣяломъ.
 И, что особливо мнѣ забавно было,
 Прибѣгалъ Валетка и зѣвалъ (усталымъ
 Дэнди притворялся); только усмѣхнулся
 Разъ, когда какой-то юркій и вертлявый
 Барченокъ, одѣтый франтомъ, обернулся
 На меня. «Вотъ помѣсь пуделя съ легавой»
 Молвилъ, и добавилъ: «этотъ не годится».
 Почему Валетка вздумалъ ухмыляться?

Развѣ онъ не будетъ дома оставаться
 И стеречь Амишку?—развѣ онъ *идится*
 Гнаться за лисицей иль ходить съ облавой
 На волковъ?.. На это онъ и не рѣшится,
 Ибо первый струсить—баловень легавый!!
 Тотъ же франтъ съ лорнетомъ, подмигнувши глазомъ,
 Молвилъ, что на псарнѣ встрѣча съ Водолазомъ
 Сущая нелѣпость, и распорядился,
 Чтобъ я вмѣстѣ съ Магомъ дальше помѣстился.
 Вообще онъ съ нами сухо обошелся;
 Только для Трезвона у него нашелся
 Комплиментъ: «Отличный волкодав!» И грубый
 Демократъ Трезвонка вдругъ оскалилъ зубы,
 И такъ благодушно глянулъ исподлобья,
 Точно молвилъ:—вѣрю, ваше благородье,
 Мы еще годимся!

XXVI.

Мы собираемся на подвиги.

Если жить я буду
 Сотню лѣтъ, о боги! врядъ ли я забуду
 Ночь, когда хоромы, флигеля, заборы,
 Наша псарня, даже наши косогоры

И стволы деревьевъ ярко озарились
 Заревомъ. Повсюду съ трескомъ задымились
 Смоляныя бочки. По лѣсу раздался
 Трубный звукъ, и въ нашемъ сердцѣ отозвался
 Чѣмъ-то задирально-празднично-побѣднымъ.
 (Точно по рублю на водку дали бѣднымъ).
 Щелкнулъ бичъ, и вотъ ужъ лошадиный топоть
 Гдѣ-то очень близко. Мы къ щелямъ припали,
 Лѣзли на рѣшетку, тихо подывали
 Слыша голоса, и вотъ я слышу шопоть
 Амокъ:—онъ пріѣхалъ, милый принцъ!.. Смотрите,
 Вотъ ужъ и Мирзиха въ золотѣ вся вышла
 На крыльцо... Чу! скачуть... Чтò это за нити
 У нея на шеѣ? Жаль, мѣшаетъ дышло
 Видѣть, есть ли поясъ!.. А Мирза въ кафтанѣ,
 Въ галунахъ, и красный, красный, какъ изъ бани!
 Ба! какъ онъ парадно нарядилъ прислугу!
 Вотъ стоитъ безъ шапки, въ бородѣ и лысый...
 Кланяется... Руку подають другъ другу...
 Ну, вошли... А Крошка проскользнула крысой
 И за ними тоже хвостикомъ виляетъ.
 Посмотрите, это кто же выступаетъ?
 Голубой ошейникъ, бѣлая жилетка...
 Ахъ! да это... это милый нашъ Валетка!
 А смотрите, нашъ-то Оедька бѣлобрысый,

Уцѣпясь повиснулъ сзади фаятона.

Экій пострѣленокъ!

— Муза, мы съ тобою

Не найдемъ ни красокъ, ни пера, ни тона
 Для изображенья пира съ суетою
 Невообразимой; съ криками, съ пальбою,
 Съ музыкой, съ приѣздомъ новыхъ, загрязненныхъ
 Колымагъ изъ разныхъ ханствъ и полусонныхъ
 Въ нихъ гостей, которыхъ на рукахъ выносятъ
 И ведутъ подъ ручки вверхъ и въ сѣни просятъ.
 Новыхъ своръ прибытье, по сосѣдству съ нами
 Помѣщенныхъ гдѣ-то подъ навѣсомъ; это,
 Это все иного требуетъ поэта,
 Съ головой высоко поднятой, съ кудрями,
 Безъ хвоста, съ бородкой и двумя ногами.
 Это по-собачьи и воспѣть не можно.
 И меня за это завтра же безбожно
 Разнесутъ въ печати, ибо всѣ зоилы
 У собакъ такіе-жъ, какъ и у двуногихъ.
 И, скажу вдобавокъ, позубастѣй многихъ
 Критиковъ, что ходятъ въ сюртукахъ и шляпахъ;
 Да и кто не знаетъ, что въ собачьихъ лапахъ
 Перья побойчѣе тѣхъ, что въ кабинетахъ
 Передъ абажуромъ пишутъ о поэтахъ.
 Многое хвалю я въ нашей славной псарнѣ;

Радуюсь, что родомъ я не изъ овчарни,
 Что не жеребецъ, не волъ и не осель я,
 И что, слава Богу, не произошелъ я
 Отъ моихъ сосѣдокъ въ курникѣ, въ которомъ
 Поваръ оказался самымъ страшнымъ воромъ;
 Много потаскалъ хохлушекъ, такъ какъ ужинъ
 Былъ во славу принца до зарѣзу нуженъ.
 Отдохнули гости день-другой и встали
 До зари. Собаки, чуть глаза продрали,
 Видятъ:—вотъ что значитъ благодать-то свыше!—
 Выпалъ снѣгъ, пороша, побѣлѣли крыши
 И земля покрылась бѣлой пеленою;
 Вотъ не ожидали!..

Мѣсяцъ, позабытый

Ночью въ зимнемъ небѣ, былъ подернуть мглою,
 И деревьевъ сучья были какъ бы слиты
 Въ сумрачную массу. Кой-что заалѣло,
 Кой-гдѣ голубая тѣнь легла. Свѣтлѣло
 И морозило. Ужъ многіе изъ свиты
 Принца въ полушубкахъ, въ сѣрыхъ шароварахъ,
 Въ валенкахъ и въ красныхъ поясахъ, ходили
 По двору; иные, сидя на поджарыхъ
 Лошадяхъ, глазами какъ-бы сторожили
 Выходъ (дверь, откуда выйдутъ остальные).
 Мы на нашей псарнѣ были, какъ шальные;

Прыгали, визжали, наконецъ, на сворѣ
 Повели и нашихъ либераловъ; вскорѣ
 Показался кто-то въ егерскомъ уборѣ,
 Въ башлыкѣ, съ винтовкой и съ пороховницей.
 Это принцъ высокій, стройный, смуглолицый.
 Вотъ сошелъ съ крылечка; на коня садится
 И, какъ соколъ, дышитъ молодой отвагой.
 Вслѣдъ за нимъ Мирза нашъ съ дѣдовскою флягой
 На ремнѣ, посаженъ на сѣдло, бодрится
 И пыхтитъ. Мирзиha пальчикомъ грозитъ
 Изъ окна... Кому? не знаю. Провожатыхъ
 И гостей заѣзжихъ, и молодцеватыхъ
 Усачей не мало. Вотъ торчатъ двустволки,
 Кони ржутъ и вѣтеръ развѣваетъ чолки.
 — Въ чемъ же дѣло? ѣдемъ! молвилъ принцъ и скоро
 Увидалъ я: кони, мордами кивая,
 Тронулись къ воротамъ и, затѣмъ, мелькая
 Шапками, далеко позади забора
 Бравая ватага къ лѣсу потянулась;
 И перекатились съ эхомъ звуки рога.
 Я тогда подумалъ: скатертью дорога!
 И домой вернулся.

Дома мнѣ взгрустнулось.

Все же, какъ собакѣ, было мнѣ обидно
 Быть въ числѣ ненужныхъ; стыдно и завидно...

Впрочемъ, я остался съ нашимъ Водолазомъ
 Не одинъ: вотъ вижу, мнѣ мигаетъ глазомъ
 Марсъ, хромою дѣтина.—Видѣлъ?

— Что такое?

— Волкодава видѣлъ?

— Ахъ, оставь въ покоѣ!

Мнѣ какое дѣло; не видалъ.

— Пожалуй,

Тоже отличится; на всѣ руки малый!..

Около недѣли наши пропадали.

Гдѣ они блуждали и гдѣ ночевали?

Въ закоптѣлыхъ хатахъ, или ихъ лѣсничій

Пріютилъ, не знаю; но съ большой облавы

Гости воротились къ дому не безъ славы,

Съ тѣмъ же аппетитомъ и съ большой добычей...

Нашъ Мирза на этотъ случай былъ не промахъ.

Новый пиръ затѣялъ у себя въ хоромахъ.

Полетѣли пробки, заходили чарки,

Мужу—тостъ заздравный, а женѣ—подарки.

До утра въ окошкахъ теплились огарки

Въ видѣ пирамидокъ на какихъ-то вилахъ;

Басъ ревѣлъ, пищали жалкіе дисканты,

И, вода смычками, спали музыканты;

Нашъ Трезвонъ наѣлся такъ, что былъ не въ силахъ

Двигаться. На псарнѣ было ликованье.
Я бы не повѣрилъ; но свѣжо преданье...

XXVII.

Конецъ начала.

Никогда собачье сердце привязаться
Навсегда не можетъ, и мнѣ измѣнила
Та, по комъ страдалъ я,—стала грызаться...
И ее нисколько совѣсть не мучила...
Таковы собаки!.. Жаждалъ я забвенья
Въ откровеньяхъ Музы... и уединенья
Жаждалъ мой учитель Магъ; уже опасно
Было заикнуться, что не все прекрасно...
И предпочиталъ я мудрое смиренье
Крику: мы—собаки лѣсъ завоевали!..
Начали, но это былъ конецъ начала,
Начали мы вовсе жить безъ идеала.—
Каждый день на псарнѣ новой травли ждали...
У Мирзы нашелся молодой наслѣдникъ,
У Мирзихи новой другъ и собесѣдникъ,
Тотъ повѣса юркій, псарь и егеръ страстный,
Что сортировалъ насъ... и, какъ безпристрастный

Малый, Водолаза не признавъ борзою,
 А меня—легавой, выгнать насъ изъ псарни.
 И нашли мы мѣсто около поварни
 Подъ однимъ навѣсомъ съ цѣлою семьею
 Старыхъ и ненужныхъ бочекъ; насъ кормили
 Заодно съ Орелкой.—Не совсѣмъ удобно
 Было жить; но къ счастью намъ не нужны были
 Пренія лазейки: мы могли свободно
 Уходить далеко на просторъ и шляться...
 (На людей не лаять, да и не ласкаться).
 Новый нашъ хозяинъ такъ знакомъ былъ съ свѣтомъ,
 Такъ умѣлъ отлично дѣйствовать лорнетомъ,
 Что плѣнилъ Мирзиху, и она къ охотѣ
 Возымѣла склонность; ужъ не разъ въ капотѣ
 На пуху, и въ новой шапочкѣ бобровой
 Барыня на травлю ѣздила... Суровый
 Баринъ нашъ былъ радъ, что у его супруги
 Нервы такъ окрѣпли, стали такъ упруги,
 Что не только лай нашъ, даже ревъ медвѣжій
 Сталъ ей нипочемъ... и такъ какъ онъ невѣжей
 Не былъ, то и далъ ей волю надъ собою...
 Говорять, слабенекъ сталъ онъ головою,
 А съ тѣхъ поръ, какъ принца у себя въ хоромахъ
 Угощаль, и вовсе одурѣлъ. Не промахъ
 Былъ его наслѣдникъ и, должно быть, средство

Отыскаль пораньше захватить наслѣдство...

. . . . .

Исарня ликовала.

Но,—томимъ тоскою,

Старостью, быть можетъ, даже размышленьемъ

О тщетѣ всего, что издали красую

Манить насъ, вблизи же камнемъ преткновенья,

Идоломъ бездушнымъ голову подъямлетъ,

Ничего не видитъ и мольбамъ не внемлетъ,—

Водолазъ-философъ, (это ли я скрою?..)

Или помѣшался, или даръ прозрѣнья

Получилъ,—увлекся выпрерней мечтою...

Но, скажите, трудно-ль отъ вражды собачьей,

Мелочной, вседневной, такъ сказать, ходячей,

Отъ вражды, которой потчуютъ насъ братья,

Да отъ реализма пошлаго—въ объятъя

Мистицизма жадно бросяся, построить

Изъ обломковъ прежнихъ свѣтлыхъ упованій

Новый храмъ, чтобъ только духъ свой успокоить.

— Слушай, говорилъ онъ... Изъ живыхъ преданій,

Фактовъ и того, что иногда творится

У людей, извлекъ я новое ученье:

«Прахъ—метаморфоза, духъ—преображенье».

Я въ такія тайны, другъ мой, углубился,

Такъ себя настроилъ, что чудесь добился...

Въ нихъ я ключъ надежды почерпнулъ и жажду
 Утолилъ,—и вѣрю, и уже не стражду.
 Всѣ мы чуемъ сердцемъ, но, увы! не всякій
 Знаетъ, что нельзя быть звѣремъ иль собакой,
 Даже злымъ двуногимъ, и на зло породѣ
 Видѣть верхъ прогресса въ звѣрческой свободѣ.
 Нѣтъ, свобода наша пахнетъ своевольемъ,
 Братство—лицемѣрьемъ, равенство—бездольемъ;
 Всюду или вздохъ или непотребство,
 Самообожанье или раболѣпство...

. . . . .
 Но пойдемъ; не скоро мы такой дождемся
 Ночи: небо ясно и лѣса въ туманѣ;
 Надъ лѣсами мѣсяць...

Видишь, на курганѣ

Не успѣлъ растаять снѣгъ, слегка морозитъ—
 И его сковало; а рѣка все льется
 По песочку; струйка все еще елозитъ,
 Шевелясь, какъ змѣйка; но на-дняхъ дождется
 Посильнѣй мороза, вольная сожмется
 Въ ледяную глыбу—не бѣда! проснется
 Все такой же вольной, какъ весны дождется,
 Потому что, помни, другъ мой, изреченье:
 «Прахъ—метаморфоза, духъ—преображенье».
 Вотъ ужъ и озеро. Видишь, хмурой тучей

Тянется за ними, въ полумгль, дремучій
 Хвойный лѣсъ; а въ небѣ вѣчныя лампы...
 Не сочтуть и люди эти мириады
 Звѣздочекъ. Лучами заткано пространство.
 На землѣ такое-жъ звѣздное убранство:
 Каждая свѣжинка—звѣздочка... Растають—
 И—сегодня льются, завтра улетають.
 Атомъ есть такая-жъ точно недѣлимость,
 Неизмѣнность, сила и необходимость.
 Это все такъ ясно...

Онъ остановился

И, повѣсивъ морду, въ думу погрузился.
 Я же молча думалъ: такъ-то ясно это
Все, что *ничего*-то я не понимаю;
 Иначе, должно быть, созданъ умъ поэта...
 Долго тихо шли мы и—ужь я не знаю,
 Что сказать... Одно лишь я припоминаю:
 Весь я былъ проникнуть трепетнымъ сознаньемъ,
 Что мой умъ подавленъ смутнымъ обаяньемъ
 Непонятнаго, и было мнѣ неволью
 Почему-то жутко, сладостно и больно...

XXVIII.

К о н е ц ь .

— Ну, садись, сказалъ онъ, — вотъ и пень дубовый
 Срѣзанный пилою, обопрись ногою
 Въ корни; лапы положи со мною
 На его поверхность...

Но, какъ неготовый
 Къ этимъ непонятнымъ мнѣ приготовленьямъ,
 Я повѣсилъ носъ свой, мучимый сомнѣньемъ:
 Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ мой философъ спятилъ!
 Сълъ въ неловкой позѣ, ноги раскорячилъ,
 И повѣсилъ ухо. Жду. Вдругъ кто-то началъ
 Въ пень стучать желѣзнымъ клювомъ, точно дятель.
 Что за чертовщина! Ровно никакого
 Дятла я не вижу, только ухо слышать
 Тукъ, тукъ, тукъ. Кругомъ все тихо, я ни слова,
 Ни одной былинки вѣтромъ не колышетъ;
 Сумракъ неподвиженъ и слегка морозенъ,
 Озеро сонливо, Водолазъ серьезенъ.
 Вдругъ нашъ пень какъ будто дрогнулъ. Что за чудо!
 Точно подъ землею демонская сила
 Порывала корни и пень воротила.

— Что ты, братецъ, видишь?

— Ничего покуда.

— Погляди направо.

Я повернулся.

Вижу: серебристымъ свѣтомъ озарился

Нижній край тумана, верхній край сгустился

Такъ, что на верхушки сумрачнаго лѣса

Точно опустилась черная завѣса.

Тутъ я, признаюсь вамъ, привскочилъ съ испугомъ,

Хвостъ поджалъ и даже взвизгнуть; предо мною

Точно въ панорамѣ, свѣтлой полосой,

Всѣхъ породъ собаки цѣпью, другъ за другомъ,

Шли и — проходили, шли и — пропадали.

И хвосты легавыхъ, помню я, торчали

Вверхъ; у многихъ шея вытянута были

Такъ, какъ будто эти псы тихонько крались

Къ дупелямъ, которыхъ выводки скрывались

За травой; иные злобно озирались,

И, оскаливъ зубы, мимо проходили.

И, дрожа, спросилъ я: что это такое?

— Это все собачьи души; но молчи ты,

Тутъ есть злыя души и онѣ сердиты,

Какъ я смѣлъ облечь ихъ въ призраки; вѣдь злое

Долго остается злымъ и въ видѣ тѣни.

Я глазамъ не вѣрилъ; у меня колѣни

Заднія готовы были подогнуться,
 Думаль я: нельзя-ли тутъ же растянуться —
 Какъ бы стушеваться; но и отвернуться
 Не успѣлъ я, слышу, ужасомъ объятый,
 Буль-буль-буль, и вижу изъ воды озерной
 Въ видѣ водолаза, страшный и косматый
 Выдвинулся призракъ. Вотъ онъ, тѣню черной
 Пробѣжалъ большими, мягкими скачками,
 Въ темнотѣ сверкая яркими глазами
 Съ голубымъ отливомъ. Долго онъ носился
 Какъ пятно въ туманѣ; вдругъ остановился,
 Пристальнымъ и страннымъ пронизалъ насъ взглядомъ,
 Круто поднялъ спину, скокъ — и съ нами рядомъ
 Сѣлъ. Тогда исчезли всѣ собачьи души
 Кромѣ этой. Помню, мутное сіянье
 Озаряло морды его очертанье,
 Зубы, носъ широкій, свиснувшія уши,
 И языкъ, и что-то темное, густое
 На груди, за лапой. И добро-бъ въ покоѣ
 Пребывала эта лапа! Нѣтъ, махала!..
 Точно эта морда что-то возражала
 На слова, которыхъ не слыхалъ я, ибо
 Весь я словно замеръ и былъ глухъ, какъ рыба.
 Явно, къ чертовщинѣ умъ свой приохотивъ,
 Другъ мой былъ доволенъ чѣмъ-то, я — напротивъ,

Я какъ въ лихорадкѣ думалъ: околѣю,
 Если только этотъ чортъ иль привидѣнье
 Вздумааетъ мнѣ лапу положить на шею.
 Лучше громъ и буря, чѣмъ прикосновежье
 Этой темной силы; я дрожалъ; по счастью,
 Духъ, съ полураскрытой говорящей пастью,
 Вдругъ исчезъ. Туманный пологъ распахнулся,
 И надъ нами выплылъ мѣсяцъ. Я очнулся.
 — Ну, сказалъ я Магу, это все отлично;
 Только не заманишь ты меня вторично
 Къ озерамъ; трусливъ я, какъ поэтъ Горацій,
 Да и не охотникъ до галлюцинацій...
 Мы пошли, и было все въ подлунномъ мѣрѣ
 Сумрачно и тихо.

. . . . .

Дня черезъ четыре

Водолазъ принесъ мнѣ рукопись; читаю.

— Понимаешь, братецъ?

— Нѣтъ еще, — вникаю.

— Тотъ же духъ, который такъ тебя намедни
 Напугалъ, являлся мнѣ, и записалъ я
 Нашу съ нимъ бесѣду. Вѣрь, что эти бредни —
 Истина. Прочти.

И прочиталъ я.

РУКОПИСЬ *).

Духъ.

— Да, умрешь ты скоро, но не будешь съ нами
И не породнишься съ высшими духами;
Но зато родишься человѣкомъ...

Я (*т. е. водолазь, прозванный
Магомъ*).

Значить,

На землѣ такимъ же буду плотояднымъ
Звѣремъ?

Духъ.

— Да, но только звѣрь сей чаще плачетъ.

Я.

Плачетъ—и хохочетъ, — счастливъ, если чаднымъ
Воздухомъ онъ дышитъ. Суетный, ревнивый,
Ненасытно-жадный, вѣчно похотливый,

---

*) Рукопись эта, конечно, была написана прозой, я постарался переложить ее въ стихи, и по мѣстамъ вышло какъ-то холодно, а можетъ быть и не такъ вразумительно, какъ въ подлинникѣ.

Собака-авторъ.

Рабъ ли онъ, тиранъ ли, все равно, — преступнѣй
 Всякой Божьей твари; во сто разъ доступнѣй
 Всякому соблазну. Долго наблюдавъ я
 Этихъ голотѣлыхъ, тщательно прикрытыхъ
 Шелкомъ, льномъ и шерстью отъ звѣрей убитыхъ;
 Ихъ языкъ отчасти тоже понималъ я —
 Хитрый, лицемерный, злой языкъ. Ужели
 Мнѣ привольно будетъ быть въ ихъ бѣломъ тѣлѣ,
 Жаждавъ денегъ или за одно быть съ вѣкомъ
 Крови и желѣза?

Духъ.

— Будешь человѣкомъ.

Я.

Нашъ Мирза такой же человѣкъ...

Духъ.

— Нѣтъ, звѣрь онъ.

Я.

Ну, Мирзиха, гости, халуи, тотъ нищій,
 Что, покинувъ ниву, кланчить изъ-за пищи,
 Или тотъ, который для семьи потерянь —
 Лѣзетъ драться пьяный, иль среди дороги
 Повалившись дрыхнетъ, такъ что стыдно вчужѣ,

Лучше ли онъ звѣря, спящаго въ берлогѣ,
 И собаки каждой развѣ онъ не хуже?
 Или тотъ, который съ дѣтства избалованъ
 Роскошью, скучаетъ и разочарованъ,
 Или, объѣдаясь, въ праздной нѣгѣ тонетъ,
 Лѣзетъ въ рабство къ модной шлюхѣ, честныхъ гонитъ,
 Помогаетъ вору.

Духъ.

— Звѣри, звѣри, звѣри!

Я.

Ну, а принцъ, который былъ, по крайней мѣрѣ,
 Намъ полезенъ?

Духъ.

— Этотъ будетъ съ егерями
 Воевать по смерти съ волчьими тѣнями.

Я.

Кто-жъ не звѣрь?

Духъ.

— Узнаешь, ибо ты родишься
 Человѣкомъ.

Быть имъ ты всю жизнь стремишься,
 Жажда любви и мира, ты затѣялъ.

Звѣрчество; но тщетно сѣмена ты сѣялъ.
 Никакіе звѣри не пожнутъ ихъ. Вѣчность
 Въ очередь за звѣремъ ставить человѣчность.
 Людямъ лишь дается Богомъ и природой
 То, что вы зовете братствомъ и свободой,
 Люди только чужды гнѣва и боязни,
 Только имъ не нужны ни суды, ни казни.

. . . . .
 . . . . .

Нѣтъ скачковъ у жизни, и, перерождался
 Въ человѣка, звѣри тѣмъ же остаются,
 Чѣмъ и были; только, съ геніемъ встрѣчаясь,
 Медленно идеямъ его поддаются,
 Или слѣпо вѣрятъ, иль за умъ берутся.
 Только тотъ, кто людямъ безкорыстно служить,—
 Звѣря одолѣетъ и обезоружитъ...
 Но такихъ немного.

. . . . .

Звѣрь во имя долга

Жертвовать собою привыкаетъ долго.
 Часто даже вѣра не одолѣваетъ
 Жаднаго инстинкта и звѣрей бросаетъ
 На борьбу съ звѣрями чуждой имъ породы.
 Тамъ законы духа, тутъ законъ природы.

. . . . .

Левъ, лисица, заяць, котъ, собака, крыса,
 Тигръ, овца и волки, видъ людей приѣмля,
 И другъ друга видя, и другъ другу внемля,
 Не позабываютъ, что они сошлись
 Ъсть и пить и, если не передралися
 И не истребили до конца другъ друга,
 То кому спасибо? Только сила власти —
 Страхъ передъ закономъ укрощаютъ страсти
 Звѣрскія; и въ этомъ мудрости заслуга.

. . . . .
 Все же и донинѣ цѣльнымъ человѣкомъ
 Быть въ народѣ — страшно. Чтобъ идти за вѣкомъ
 Или съ нимъ бороться, надо быть титаномъ.
 Чтобъ изъ состраданья прикоснуться къ ранамъ
 Ближнихъ и сказать имъ: исцѣлитесь, братья!
 И затѣмъ спокойно выносить проклятья,
 Надо быть блаженнымъ.

Участь человѣка

Чистаго—быть жертвой звѣрскаго вѣка.
 Но гряди, счастливецъ! На словахъ, на дѣлѣ
 Будь сотрудникъ Божій и въ согбенномъ тѣлѣ.
 Силу вѣчной правды и любви постигнуть
 Только люди, только вѣра и усилія
 Пробиваться къ свѣту придадутъ имъ крылья
 Быть вездѣ, со всѣми: лишь они достигнуть

Цѣли—формамъ жизни дать то совершенство,
 Чтò создасть народамъ высшее блаженство
 Знать, любить, и вѣрить, и искать дорогу
 Въ безднѣ безконечныхъ переходовъ къ Богу.

* *
 *

Прочитавъ подобный діалогъ, сначала
 Я заволновался, даже «Ессе Номо»
 (Это выраженье кой-кому знакомо)
 Мнѣ пришло на память. На меня напала
 И тоска, и жажда нѣкогда родиться
 Человѣкомъ, даже, признаюсь, стыдиться
 Началь, что я въ свѣтѣ все еще — собака;
 И хотя противны мнѣ раздоръ и драка,
 И хотя на долю Муза мнѣ досталась—
 Все-жъ мнѣ, какъ собакѣ, кой-что не давалось.
 Наконецъ, некстати на меня сомнѣнье
 Вдругъ нашло, и сразу я такое мнѣнье
 Высказалъ:

— Учитель дорогой, ужели
 Ты себя лишаешь самосуда въ дѣлѣ
 Міросозерцанья! То, что записалъ ты
 Подъ диктовку духа, для тебя не ново:
 Самъ на эти мысли часто намекалъ ты,
 Но чтобъ воплотить ихъ не хватало слова,

Не хватало формы, и для выраженья
 Думъ своихъ прибѣгъ ты къ чарамъ заклинаній,
 Вызывая силой страстныхъ упованій,
 Чортъ знаетъ, какія странныя явленья!
 Правъ иль нѣтъ твой духъ,—но, музой вдохновенный,
 Самъ я то же думалъ; да и въ современной
 Намъ литературѣ есть кой-что такое,
 Что напоминаетъ мнѣ твое благое
 Поученье *быть людьми*. Увы! невольно
 Я пришелъ къ тому, что думаю...

— Довольно!

Оборвалъ онъ строго, явно не желая
 Спорить...

— Муза! гдѣ ты? Я съ тобой прощаюсь.
 Сказано: «довольно!» И не нужно лая,
 И стиховъ не нужно. Впрочемъ, я не каюсь
 Въ томъ, что правдой грубой, хоть и подогрѣтой
 Сердцемъ, не польстилъ я псарнѣ мной воспѣтой.
 Боги! что-то будетъ съ рукописью этой!
 Вѣдь собаки наши и читать не стануть
 Сихъ моихъ признаній... и не упомянуть...

~~~~~

Повѣсть о Правдѣ истинной и о Кривдѣ лукавой.

Нѣтъ пути къ истинѣ и благу безъ борьбы съ ложью и зломъ. Если бы сила народнаго духа не боролась съ силою Кривды, государству и дышать было бы нечѣмъ,—оно бы не могло и существовать...

Изъ разговора.

I.

Протрубила труба въ Старомъ городѣ,—
Зазвонили у Спаса на Трубежѣ;
На высокомъ валу надъ бойницами
Сторожа стоять, молча глядячи,
Какъ въ пыли блестятъ копья острия,
И какъ по-вѣтру стягъ развивается...
То проѣхалъ домой съ поля ратнаго
Богатырь Иванъ Богуслаевичъ;
И дрожала земля подъ копытами,
Какъ въѣзжалъ онъ въ ворота тесовыя
На широкій дворъ, на муравчатый,

Какъ слѣзаль онъ съ коня богатырскаго
 У столба, у крылечка узорчатаго;
 Посылалъ онъ сказать своей матушкѣ,
 Мать честной вдовѣ, Марѣ Савишнѣ,
 Что вернулся-де съ поля ратнаго
 Къ ней и цѣль, и здравъ сынъ Иванушка.
 И вернулся съ великою славою,
 И привезъ ей добычу не малую.

Выбѣгала тутъ его матушка,
 Мать честна вдова, Марѣ Савишна,
 Обнимала его, цѣловала его,
 Повела его въ сѣни кленовыя,
 Во палаты свои новобранныя,
 Говорила ему рѣчи сладкія:
 «Поживи у меня, ненаглядный мой,
 Ъшь и пей на здоровьице,
 Задавай пиры на полгорода,
 Чтобы я на тебя, свѣтъ мой, гляючи,
 Молодые года свои вспомнила.
 А соскучишься,—я женю тебя...
 Будемъ жить поживать — малыхъ дѣтокъ качать»...

Годъ прошелъ, два прошло—богатырь Иванъ
 Поникъ, захирѣлъ, сталъ кручинниться;

То по гриднѣ столовой похаживаетъ,
 То на мягкихъ коврахъ отъ зари до зари
 Въ одиночной свѣтелкѣ полеживаетъ.
 Тамъ въ простѣнкѣ виситъ на желѣзномъ крюгѣ
 Его мечъ-кладенецъ, старый, дѣдовскій,
 Окропленный водою крещенскою
 Изъ того ли Днѣпра, что подѣ Кіевомъ
 Былъ великой купелью народною;
 На булатѣ его отчеканенъ былъ
 Краснымъ золотомъ православный крестъ,
 Желтымъ золотомъ вязью писаны
 Не простыя слова,—чудодѣйныя...

И лежитъ Иванъ Богуслаевичъ,
 И угрюмо на мечъ свой поглядываетъ,
 Иногда головою покачиваетъ,
 Спать не спитъ, а не слушаетъ,
 Какъ неволить его мать родимая,
 Какъ невѣсту ему сваха сватаетъ,
 Не простую невѣсту—богатую...
 Мало ѣсть, мало пьетъ, думу думаетъ.

И вотъ снится Ивану недобрый сонъ:
 Будто вышелъ онъ во чисто поле,
 А навстрѣчу ему по межѣ идетъ

Въ золотомъ вѣнцѣ красна-дѣвица
 Красоты непостижной, невиданной...
 Увидала его, вострепелася,
 Подняла на него очи ясныя
 И сквозь слезы ему улыбнулася.
 И дивится Иванъ Богуслаевичъ,
 Что на солнцѣ сквозить, словно свѣтится,
 Ея голое тѣло; и видитъ онъ,
 Что прикрыта она ветхимъ вретичемъ
 И идетъ босикомъ, словно нищая.
 — Ты куда идешь, красна-дѣвица?
 — А иду, сударь, я ко Господу,
 Къ самому Христу, Царю небесному,
 Въ путь далекій иду, въ царство Божіе.
 Не жилица я, знать, на святой Руси:
 Прогнала меня Кривда лукавая...
 — А какъ звать тебя, красна-дѣвица?
 — А зовутъ меня Правдой-Истиной.
 И пошла, пошла Правда истинная,
 Не межой пошла, а по воздуху,
 И все выше, все выше—и скрылася,
 Словно небо за ней затворилося.
 Просыпается Иванъ Богуслаевичъ,
 Протираетъ глаза соколиные.

II.

И сзываетъ дружину онъ вольную,
 Удалыхъ стрѣльцовъ—добрыхъ молодецъ,
 И взываетъ къ нимъ зычнымъ голосомъ:
 — Гой вы, други мои, сотоварищи,
 Земляки, удалые ребяташки!
 Даль намъ Богъ силу не малую,
 За нее намъ придется отвѣтъ держать
 Въ страшный, судный день передъ Господомъ.
 Чай слышали про Кривду лукавую,
 Что плодить на святой Руси
 Лиходѣевъ, воровъ, злу споспѣшниковъ,
 Дѣлу честному сопротивниковъ;
 И покаялся я предъ иконою
 Пресвятой-честной Богородицы
 Заступиться за Правду истинную—
 Одолѣть силу Кривды поганую,
 Разорить и гнѣздо ея подлое,
 Чтобъ и духу отъ ней не осталось...
 Кто со мной, тотъ за мной, други милые,
 А кто труситъ, пусть дома сидитъ,
 На печи лежитъ—съ бабемъ возится.

Тутъ дружина его призадумалась,
 Какъ тутъ быть?—отвѣчать позамѣшкалась.
 — Ой, сильна стала Кривда лукавая,
 А Кулакъ, ея сынъ, и того сильнѣй.
 Вотъ одни изъ нихъ, повернувъ коней,
 Почесали затылки—уѣхали,
 А другіе другъ съ другомъ поспорили
 И сказали Ивану Богуслаевичу:
 — Твоя воля... пожалуй и мы съ тобой...
 Остальные, что были моложе всѣхъ,
 Всѣхъ моложе, смѣлѣй, неразумнѣе,
 Разгорѣлись сердцами, воскликнули:
 — Какъ за мѣсяцемъ звѣзды плывуть,
 За орлами орлята летять,
 Такъ и мы за тобой на край свѣта поидемъ!
 И Иванъ-богатырь, просіявъ лицомъ,
 Осѣнилъ себя крестнымъ знаменьемъ.

III.

А лукавая Кривда, у кума въ гостяхъ,
 Пировала весь день, вдоволь тѣшилася,
 И, когда захмѣлѣла отъ фряжскихъ винъ,
 Кумъ въ свѣтелкѣ велѣлъ ей постель постлатъ,
 Самъ подушки ей взбилъ, самъ шелковую

Занавѣску отдернулъ—самъ спать уложилъ
 Дорогую куму—гостью милую.
 Вотъ лежитъ кума, Кривда лукавал,
 Съ боку на бокъ ворочается;
 Плохо спится ей—плохо можется,
 Знать недаромъ у ней ноетъ все нутро;
 Чуть закроетъ глаза—черти грезятся,
 А откроетъ—въ углѣ шевелится, крихтитъ
 Домовой, въ сѣрой шубѣ навыворотъ.
 Ночь прошла; занялась зорька ясная,
 И пронесся церковей гулкій благовѣсть.
 Поднялася Кривда съ зѣвотою,
 Пожимаясь, подсѣла къ окошечку
 И на улицу стала поглядывать.
 Видитъ Кривда ворота тесовыя,
 Теремъ тотъ, гдѣ живетъ богатырь Иванъ,
 Удалой боецъ—добрый молодецъ;
 И дивится, зачѣмъ вдоль по улицѣ
 Спозаранку къ воротамъ народъ бѣжитъ,
 Добѣжавъ до воротъ, шапки скидываетъ.
 Притаясь, смотреть Кривда лукавал,
 Плавострила глаза, шею вытянула;
 Слышитъ Кривда: подковы стучать,
 И земля, и дома словно вздрагиваютъ,
 А изъ тѣхъ ли воротъ, со двора со широкаго,

Выѣзжаетъ Иванъ Богуслаевичъ.
 Его конь богатырскій похрапываетъ,
 Золоченая сбруя позвякиваетъ;
 На Иванѣ шишакъ словно колоколь,
 Боевая кольчуга подъ латами,
 На боку-то висить его мечъ-кладенецъ,
 За плечами-то стрѣлы побрякиваютъ,
 А лицо у него такъ и свѣтится,
 Словно Божья заря имъ любитъся.
 Выѣзжаетъ за нимъ и дружина его,
 И колышутся копья булатныя...
 А за ними пошелъ по народу гуль:
 — Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
 Одолѣнье на Кривду лукавую!
 И по праздничному звонить колоколь:
 По церквамъ за нихъ, видно, молятся.—
 Мигомъ Кривда смекнула, провѣдала,
 Что Иванъ-богатырь со дружиною
 Воевать съ ней идетъ, Богу клятву даль
 Извести ее, Кривду, живота лишить,
 И все, что она нахвотала, награбила,
 По рукамъ раздать, аль на дымъ пустить,
 Чтобъ и духу отъ ней не осталось.

IV.

Кривда сжала кулакъ, ногой топнула:
 — Ишь невѣжа, мужикъ!.. Богатырь какой
 Проявился!—туда-жъ захотѣлъ
 Воевать со мной!—Слома голову
 Поскакалъ на край свѣта искать меня,
 А того и не знаетъ—не вѣдаетъ,
 Что я здѣсь, у него сижу подъ бокомъ!
 Ишь дружину набралъ голоштанную,
 Горы золота чай посулили онъ ей!
 Да скорѣе Волга вспять побѣжить,
 А пѣтухъ соловьемъ запоетъ,
 Чѣмъ добромъ моимъ поживишься ты!
 Не тебѣ, вахлаку. со мной вѣдаться!..
 И наряженная, нарумяненная
 Покатила она изъ дома въ домъ;
 Горожанамъ, смѣясь, стала жаловаться
 И такія имъ рѣчи подсказывать:
 «Жить безъ Кривды нельзя, и не видано,
 Чтобъ кто жилъ по закону, по совѣсти;
 Этакъ жить, все равно, что послѣднимъ быть.
 Не намъ кланяются,—сами будемъ мы
 Спину гнуть передъ тѣмъ, кто заважничаетъ».

И ругали Ивана Богуслаевича
 На чемъ свѣтъ стоитъ—только трусили...
 Да и Кривда лукавая струсила:
 — А что, если Правда истинная,
 Что куда-то слѣды свои спрятала,
 Богатырскимъ-то духомъ надышится,
 Да въ-очью на Руси вдругъ появится,
 Чай не мало хлопоть ей надѣлаеть.

V.

И въ задоръ вошла Кривда лукавая,
 И пошла, поплыла къ своему сынку—
 Кулаку, по народному прозвищу,
 И сказала ему: «не зѣвай, Кулакъ,
 А возьми съ собой, что ни есть простой,
 Что ни есть посконный, пустой мѣшокъ,
 И насыпь въ него денегъ семь горстей,
 Пять-то горстей чиста серебра,
 Да еще горсти двѣ красна золота;
 Положи тотъ мѣшокъ ты за пазуху,
 И гони, погоняй по слѣдамъ его—
 По слѣдамъ Ивана Богуслаевича,
 А догонишь его—поступай къ нему
 Въ ту дружину его голоштанную,

Что поѣхала съ нимъ кличь прокликати
 По всѣмъ весямъ, по всѣмъ городамъ,
 Чтобъ не вѣрили Кривдѣ—не слушались,
 А чтобъ слушались Правды истинной—
 Ей одной на вѣку поклонялися.
 А какъ примуть тебя въ сотоварищи,
 Подкупи ты дружинну,—повѣдай ей,
 Что-де добрые люди изъ жалости
 Слезно молятъ ихъ не губить себя,
 А вернуться скорѣй ко дворамъ своимъ,
 Не съ пустыми руками,—съ гостинцами.
 А не то-де, въ пути позамѣшкавшись,
 Во-своеси вернуться не въ добрый часъ,
 На порогъ-то Горе-злосчастіе
 Они встрѣтять... усидчивое,
 Привязчивое, неотвязчивое.
 Кто жену не найдетъ—въ кабалу пошла,
 Кто дѣтей не найдетъ—пошли по-міру.
 Пусть Иванъ-богатырь ѣдетъ драться одинъ,
 Да отъ скуки воронъ бьетъ—пострѣливаеть.
 Поклонился Кулакъ Кривдѣ-матушкѣ,
 Повалился ей въ ноги и молвилъ ей:
 — Радъ служить я тебѣ, государыня,
 Да отколѣ же я возьму тебѣ
 Пять большихъ горстей чиста серебра,

Да еще горсти двѣ красна золота,
 Не себя же обидѣть—въ конецъ разорить.
 Не обидь, государыня, смилуйся!
 Разозлилася Кривда лукавая:
 — Вотъ тебѣ деньги, собачій сынъ!
 Вотъ и конь—осѣдай его,
 Да смотри не зѣвай—будешь плакаться.

VI.

Не успѣли Петровки пройти—утромъ въ пятницу
 Прибѣжалъ Кулакъ къ Кривдѣ-матушкѣ,
 Бухъ ей въ ноги и такъ голосить:
 — Не кори ты меня... государыня, матушка,
 Разорили меня—разобидѣли
 Удалые стрѣльцы, содружинники
 Лиходѣя твоево Богуслаевича:
 Какъ пронохали, да провѣдали,
 Что за пазухой-то въ кошнѣ моей
 Словно деньги лежать—чуть побрякиваютъ,
 Навалились, и ну меня бить,
 Били-били, трясли-трясли,
 И казну твою всю повытрясли,
 И забили-бѣ они меня до смерти,
 Кабы я не хитерь, не увертливъ былъ;

Вотъ гляди: и рубаха разорвана,
Кафтанишка и тотъ еле держится...
Разозлилася Кривда лукавая:
— Чтобъ ихъ прорвало, окалянные!
Итъ изводу имъ—нѣтъ креста на нихъ!
Сами грабятъ, да сами и жалуются.
Да и ты дуракъ... Убирайся вонъ!..
Обманулъ Кулакъ Кривду лукавую,
Онъ съ дороги свернулъ—плетку выхватилъ,
Стеганулъ коня по крутымъ бокамъ
И всю ночь пробирался болотами
До озеръ, до села разореннаго,
Гдѣ стояла изба его новая
Съ вырѣзными дубовыми ставнями,
Съ рыбной лавкой, съ клѣтками, амбарами;
Тамъ въ подполье свое пробрался Кулакъ
И въ сундукъ свой, желѣзомъ окованный,
Всыпалъ пять горстей чиста серебра,
Да пригоршни двѣ красна золота,
А конька велѣлъ въ свой табунъ угнать,—
Отгулялся-бъ конекъ въ заливныхъ лугахъ.

VII.

На закатъ ушло солнце красное,
 На траву-мураву роса канула,
 А у Кривды въ саду соловей поетъ;
 А того и не знаетъ соловушекъ,
 Что подъ кленами, подъ березами
 Сама Кривда сидитъ, думу думаетъ.
 По верхамъ темныхъ липъ, между яблоньками,
 По шиповнику, по малиннику,
 По тычинкамъ, куда хмѣль взбирается,
 Теплый вѣтеръ тихонько похаживаетъ,
 Вѣсти сказываетъ, приговариваетъ:
 «Правда истинная! Правда истинная!»
 А того и не знаетъ, не вѣдаетъ,
 Что подъ кленами, подъ березами
 Сама Кривда сидитъ—ночь подслушиваетъ.

И подслушала Кривда, что яблочко
 Недалеко отъ яблоньки падаетъ,
 Что Кулакъ, вражій сынъ, обманулъ ея—
 Самъ припряталъ, пригрѣлъ ея денежки.
 И подумала, пригорюнившись:
 -- Ну такъ что-жь! Не чужой онъ,—пускай себѣ

Вволю ѣсть, вволю пѣть, вволю тѣшится:
 Мнѣ же скажетъ спасибо великое,
 Да закажетъ и дѣтямъ, и внукамъ своимъ,
 Какъ имъ жить поживать, да добро наживать,
 Какъ молиться за Кривду-кормилицу,
 За лукавую Кривду-поилицу.

Ночь темна, и ни зги не видать,
 Только листья кой-гдѣ тихо шепчутся,
 Съ вѣтеркомъ потайную бесѣду ведутъ.
 И подслушала Кривда лукавая,
 Что не съ бою, не кровавымъ путемъ
 Богатырь Иванъ со дружиною
 До гнѣзда ея добирается,
 Что онъ камни ворочаетъ, строить мосты,
 Роетъ колодцы глубокіе
 И, добра своего не жалѣючи,
 На разживу даетъ даже висѣльникамъ,
 Что спoiла она, отуманила,
 Чьи гроши себѣ прикарманила,
 Чтобъ имъ пѣть было не на что,
 Пропивать было нечего;
 Чтобъ за это они поклонялись ей—
 Говорили: спасибо, родимая!
 И подумала Кривда разгнѣванная:

Не боюсь я Ивана милостиваго,
 Не боюсь я дружины юродивой;
 И не страхъ разбираетъ меня—
 Разбираетъ досада великая,
 Что невѣжамъ такимъ будутъ кланяться,
 Ихъ въ народные святцы записывать,
 Имъ кадить, какъ святымъ иль угодникамъ—
 Не бывать тому!—она вскрикнула:
 Скорѣй свѣтъ наизнанку я выворочу!

И притихъ соловей, и испуганный
 Прощумѣлъ вѣтерокъ, улетающій въ степь.
 А у Кривды глаза загорѣлися,
 Какъ у дикаго звѣря, когтистаго,
 Каленой стрѣлой оцарапаннаго.

VIII.

Не на пирь-ли съ сынками боярскими,
 Не на свадьбу-ли къ сыну купеческому
 Собирается Кривда лукавая;
 Затворилась она въ своемъ теремѣ,
 Свои темныя кудри расчесываетъ,
 Свои кольца—сережки примѣриваетъ...
 Вдругъ вошло къ ней въ дверь что-то сѣрое,

Неприглядное, непричесанное,
 А на тѣль-то хоть бы ниточка—
 Только лыкомъ оно подпоясано...
 Испужалася Кривда лукавая,—
 Видить въ теремъ къ ней затесалося
 Злое, грязное Горе-злосчастіе.
 — Какъ ты смѣло войти неодѣтое?
 Не спросясь войти—бездокладочно!
 Помеломъ я велю тебя вымести,
 Натравить на тебя стаю злыхъ собакъ!..
 Поклонилось ей Горе и молвило:
 Ты тутъ кольца да серьги примѣриваешь,
 А бѣды надъ собой и не вѣдаешь.
 Эхъ, недаромъ земля слухомъ полнится...
 Какъ прослышало я, что какой-то шутъ,
 По прозванью Иванъ Богуслаевичъ,
 По святой Русп рыщетъ, путаетъ
 И, добра своего не жалѣючи,
 До гнѣзда твоего добирается,
 Захотѣлось и мнѣ на него поглазѣть,
 Позѣвать на Ивана—какой такой?
 Забѣжало впередъ, да и встрѣтило
 За лѣснымъ курганомъ у большой рѣки:
 Вижу, ѣдетъ Иванъ—семь пядей во лбу,
 Промежь плечъ-то косая сажень,

При бедръ-то висить его мечъ-кладенець,
 За плечами-то стрѣлы побрякиваютъ...
 Прочь съ дороги! кричить, какъ труба трубить.
 Тутъ я, Горе, не вытерпѣло,
 Подскочило и хватъ за узду коня.
 Захрипѣлъ его бѣлый косматый конь,
 Замоталъ головой, поднялся на дыбы;
 На ременной уздѣ я повиснуло
 И кричу: хоть убей... голыхъ любить Богъ,—
 Сяду я въ раю между нищими,—
 А ограбишь меня—ничего не возьмешь:
 Ни одѣжи, ни шапки, ни обуви...
 Провѣщаль тутъ Иванъ таковы слова:
 — Хоть и нѣтъ на тебѣ ни одѣжи, ни обуви,
 Ты не нищее, ты проклятое
 Богомъ зелье, ты горе народное,
 Какъ привяжешься, не отвяжешься.
 — Отвяжусь, говорю,—только ты меня
 Угости. Сирота я бездомная,
 Будь мнѣ братцемъ роднымъ, напои меня!
 Стало звать я его во царевъ кабакъ;
 Не поѣхаль Иванъ во царевъ кабакъ.
 Чтобъ унять его сердце гнѣвливое—
 Ретивое—слезами разжалобить,
 На тебя, Кривда, стало я плакаться.

— А поди, говорить,—ты, лукавое
 Зелье, къ лукавой роднѣ своей:
 Знаешь чай, гдѣ гнѣздо ея,
 Да за ней походи, да поплачь, да повой,
 А мы поглядимъ хоть однимъ глазкомъ,
 Какъ слезами ее ты разжалобишь.
 Тутъ дружина его понадвинулась,—
 И, брани не брани, ослабѣло я,
 Упустило уздечку ременную
 Отшатнулось въ кусты,—путь очистило,
 И побѣгло къ тебѣ, государыня.
 Вотъ, бѣгу я лѣскомъ да оглядываюсь,—
 Чую, скачутъ за мной—индо сучья трещать,
 Индо гуль идетъ—земля вздрагиваетъ,
 По оврагамъ звѣрье разбѣгается.
 Я въ село, и они въ село;
 Я бѣгу слободой, и они слободой;
 Я по рѣчкѣ плыву, и они плывутъ—
 До гнѣзда твоего добираются.
 Да, какъ видно, меня нагоняючи,
 Приустали маленько, замаялися,
 У Капчай-рѣки станъ раскинули,
 Недалече отсюда,—рукой подать...
 Поблѣднѣла тутъ Кривда лукавая,
 Такъ и быть, говорить,—я тебя напою,

На одну тебѣ ногу я лапотъ дамъ,
 На другую сапогъ—хоть и штопаный,
 Да попробуй—авось и обуешься.
 Только дай ты за это мнѣ лыко свое,
 Да не бойся, тебѣ я верну его.
 Повязалась тутъ лыкомъ Кривда лукавая,
 Превратилась въ убогую старицу.

IX.

Близъ опушки лѣсной рѣчка быстрая,
 Бережокъ не высокъ, да трава зелена.
 Тутъ съ коня слѣзаль богатырь Иванъ,
 Напойлъ его ключевой водой
 И пустилъ на траву неразсѣдланнаго.
 А стрѣльцы-удальцы, содружинники,
 Нарубили дровъ, разложили костеръ
 И, раскинувъ шатры полосатые,
 Полегли,—отдыхаютъ, помалчиваютъ.
 Далеко кругомъ мгла колышется,
 За рѣкой заря, и въ рѣкѣ заря,
 За рѣкою лѣсъ—и въ рѣкѣ дрожить
 Та-жъ лѣсная темь съ тѣми-жъ просвѣтами.
 Вдоль опушки кони похаживаютъ,
 Травку-муравку похапываютъ,

Стременами тихонько позвякиваютъ;
У шатровъ торчатъ копыя воткнутыя,
И костеръ трещить,—да невесело—
Изъ ума неидетъ Горе сърос,
Горе встрѣчное.—Опершись на мечъ,
Говорить имъ Иванъ Богуслаевичъ:
— Горе-то ходитъ за Кривдой лукавою,
А вѣдь мы противъ Кривды за Истину —
Гдѣ-жъ ей насъ изловить, добрыхъ молодцевъ!
Говорятъ ему добры молодцы:
— Незамѣтно прошло лѣто красное,
Наступаютъ и ночи осеннія—
Ночи темныя, непроглядныя,
А мы Кривды еще и не видѣли.
Только видѣли, гдѣ прошла она,
Да какіе слѣды гдѣ оставила...
И ужъ многіе изъ насъ, бойцовъ,
По своимъ молодухамъ соскучилися:
Кто усталъ, а кого и недугъ сломилъ;
Легче намъ быть во честномъ бою,
Биться день и ночь съ супостатами—
Со врагами заклятыми,
Чѣмъ бороться намъ съ Кривдой лукавою,
Что насъ водить кругомъ да около,
Какъ лѣсная Кикимора.

Отвѣчаетъ Иванъ Богуслаевичъ:
 — Не кручиньтесь, друзья, не печалуйтесь:
 Половину мы Руси обрыскали
 И вездѣ-то слѣды Кривды видѣли:
 Кумовство, жидовство и кулачество,
 И поджоги, и взятки, и нищенство,
 И повальный развратъ, и разбой кругомъ.
 Да не мало добра мы надѣлали,
 И не мало чего мы настроили,
 Насадили, вспахали, на умъ навели—
 Правда истинная въ-очью помогала намъ.

X.

Въ это время Иванъ Богуслаевичъ
 Увидаль изъ-за лѣса дремучаго,
 По травѣ шелестя, къ нимъ, какъ тѣнь, идетъ
 Въ ветхомъ рубищѣ нѣкая старица,
 Головой трясеть и прихрамываетъ,
 На кривую клюку опирается...
 Подходя, въ поясъ кланяется,
 Подойдя, таковы слова
 Говорить нараспѣвъ тихимъ голосомъ:
 — Дай вамъ Богъ, ниспошли Богородица
 Одолѣнье на Кривду лукавую!

Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
 Не калика я переходящая,
 Не раба, а княжая дочь—
 Кривдой лукавой обиженная.
 Какъ была я молоденькая,
 Безъ труда, безъ заботы, безъ горюшка
 Между нянюшекъ, сѣнныхъ дѣвушекъ
 Я у батюшки въ терему росла,
 И не токмо умѣла шелками шить,
 Вышивать полотенца узорчатая,
 А умѣла и книги священные
 Переписывать по церковному...
 Такъ росла и цвѣла я, какъ маковъ цвѣтъ,
 А какъ померъ родимый—осталась я
 Сиротѣть съ вѣдьмой-мачихою,
 Да съ ея сыновьями злодѣями.
 Обобрали они меня до-чиста,
 Долго гнали, корили, сутяжили,
 По всему околотку безчестили,
 Что-де я, молодая, съ нечистымъ вожусь,
 Навожу на скотину падежь—
 На людей злую хворь навожу.—
 Имъ хотѣлось меня засадить въ подваль,
 Запереть, чтобъ я свѣту не видѣла,—
 Да старуха одна надоумила—

Принесла мнѣ одежду крестьянскую...
 А, когда я сбѣжала—тайкомъ ушла,
 Распустили молву, что нечистый унесъ...
 Долго, долго по свѣту я маялася,
 Рыбакамъ плела сѣти—неводы,
 У хозяевъ въ проѣзжихъ домахъ
 Словно дѣвка-чернавка, прислуживала,
 Стариковъ, старухъ въ банькахъ парила,
 Малыхъ дѣтокъ укачивала;
 И узнала я отъ проѣзжихъ гостей,
 Гдѣ живетъ проживаетъ та Кривда лукавая,
 Что меня сироту обездолила...
 И сказалъ ей Иванъ Богуслаевичъ:
 — Коли знаешь гдѣ, такъ и намъ скажи.
 — Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
 Чтò скажу я вамъ, чтò повѣдаю:
 Согрешила я передъ Господомъ—
 Молода была, малоопытна!
 Тамъ на свѣтлыхъ горахъ, на раскатистыхъ,
 Блестятъ маковками золочеными,
 Въ голубыхъ озерахъ отражаются
 Этой Кривды палаты стекольчатая,—
 На запорѣ ворота желѣзныя,
 А крюки и засовы серебряные.
 — А велика ли стража?—Пять сотъ человекъ,

Съ бердышами, съ рогатинами,
 День и ночь караулять гнѣздо ея.
 Ну, да я... ахъ, отцы мои!
 Я не силой, а лаской да подкупомъ
 Въ тѣ палаты вошла,—и въ свѣтелку къ ней
 Пробралась и ей въ ноги ударилась:
 Такъ и такъ, говорю,—я такая-то...
 Безъ призору брожу, чужой хлѣбъ жую.
 Вороти ты меня, государыня,
 Въ старыи теремъ мой—къ сѣннымъ дѣвушкамъ,
 Къ старымъ мамушкамъ, да усовѣсти,
 Усмири какъ-нибудь сводныхъ братцевъ моихъ—
 Пусть воротятъ мнѣ хоть приданое,
 Коли чести моей не хотятъ вернуть...
 — Ахъ ты глупая, безтолковая,
 Отвѣчала мнѣ Кривда лукавая.—
 Да ступай ты къ купцу Парамонову,
 Ко тому ли Оадею Демьяновичу,
 Что гоняетъ все лѣто суденышки
 По широкой рѣкѣ Волгѣ-матушкѣ,
 Съ хлѣбомъ, солью, съ мѣшками рогожными,
 Что торгуетъ смолой, промышляетъ и рыбою,—
 У него, говорятъ,—сундуки полны,
 Серебра, жемчугу—непечатый край.
 Околдуи его,—свою дѣвичью

Красоту продай,—а ужъ я о тебѣ
 Такъ и быть позабочусь, красавица.
 Будешь ты ходить, дѣвка, въ золотѣ,
 На лебяжемъ пуху спать-полеживать,
 Душегрѣйку носить изъ цвѣтной камки,
 А къ обѣднѣ пойдешь аль къ заутрени,
 За меня будешь Богу молебны пѣть...
 Охъ, отцы мои, многомилостивцы!
 Соблазнила меня Кривда лукавая,
 Продалась я купцу Парамонову,
 Разорила его и семью его,
 Загубила и душу его многогрѣшную:
 Посреди рѣки, въ черной проруби
 Утопился Ѡадей, свѣтъ Демьяновичъ.
 Собрала я пожитки, поѣхала,
 А меня на дорогѣ ограбили
 Душегубцы, ночные разбойнички,
 И побили они дроворубными
 Топорами моихъ бѣдныхъ спутниковъ,
 А меня безъ рубашки оставили,
 Надо мной насмѣялись и въ лѣсъ ушли...
 Съ той поры я по свѣту скиталася,
 До сѣдыхъ волосъ побиралася.

XI.

Тутъ присѣла къ огню эта старица,
Попросила напиться—и, охая,
Нараспѣвъ, тѣмъ же ласковымъ голосомъ,
Повела дальше рѣчь свою:
— Охъ, чего-то, чего не видала я!
И чего-то, чего не наслушалася!
Разкажу вамъ про Кривду лукавую,
Про дѣла ея богомерзкія, срамныя,—
Только вы, братцы, старуху послушайте,
А послушаете—не укрѣтитесь ей
Отъ такихъ удалцовъ, добрыхъ молодецвъ,
Ни на днѣ рѣчномъ, ни въ морской глубинѣ.
На ладонь я всю правду вамъ выложу,
Покажу вамъ Кривду во всей красѣ.
И тутъ старица, пригорюнившись,
Стала всякія были имъ сказывать,
И причитывать, и размазывать
Таково красно, что заслушаешься.
То мутила ихъ души—томила ихъ,
Про дѣла потайныя, кровавыя,
Наводящія ужасъ рассказывала,
То смѣшала ихъ, повѣряла имъ,

Какъ лукавая Кривда дурачила
 И князей, и боярь, и торговыхъ людей,
 Какъ сводила ихъ женъ съ полюбовниками.
 И во всей красѣ, во всей наготѣ
 Рисовала имъ ночи бѣсовскія,
 Сладострастныя ночи—похмѣльныя,
 Поводила руками, расписывала,
 Какъ голодный мякину пожевываль,
 И какъ пьяница-безпропоица
 Билъ-терзалъ жену неповинную,
 И какъ блудный сынъ, сынъ кунеческій,
 Въ кабакъ заложилъ душу дьяволу,
 Какъ за это его бѣсы тѣшили.
 И чудна же была эта старица!
 Ужъ давно погасъ ихъ ночной костеръ,
 Ужъ и мѣсяцъ зашелъ въ тучу темную,
 Ужъ и звѣзды куда-то попрятались,
 А они все сидѣли да слушали.
 Къ утру сталъ дремать богатырь Иванъ,
 А ребята его и не думали...
 А чѣмъ больше они въ нее всматривались,
 Тѣмъ пригожѣй она становилася.
 Кто поближе къ ней присосѣдился,
 Тотъ ужъ чуялъ въ ней что-то знойное;
 Сквозь морщины ея, такъ и чудилось,

Красотой и соблазномъ просвѣчиваетъ;
 Темный глазъ горитъ молодымъ огнемъ,
 А сѣдые, косматые волосы
 Свѣтлорусой косою разсыпаются.

Вотъ, рассказы ея стали жалобнѣе,
 И печальнѣе, и пѣвучѣе,
 О неволѣ, невзгодѣ, тоскѣ-змѣѣ,
 Что сосеть ретивое, что давить грудь,
 Какъ доска гробовая, тяжелая...
 И чѣмъ дальше ночка подѣ утро шла,
 Чѣмъ тошнѣй на душѣ становилось
 У Ивана свѣтъ Богуслаевича,
 Тѣмъ сильнѣе клонилъ его тихій сонъ.
 И все тише, все тише—плачевнѣе
 Свою рѣчь вела Кривда лукавая,
 Что прикинулась нищей-старницей,
 Про себя безъ утайки рассказывая,
 Про дѣлишки свои имъ докладывая,
 Сиротой-горемыкой прикидываясь.
 И, склонясь головой на широку грудь,
 Выпуская изъ рукъ мечъ родительскій,
 Заснулъ богатырь непробуднымъ сномъ,
 А стрѣльцы-удальцы, добры молодцы,
 Точно хмѣль сталъ бродить въ ихъ головушкахъ,

Разгорѣлись душой, распалились:
 Не старуха мелькала въ глазахъ у нихъ,
 А красавица бѣлолицая,
 Съ соболиною бровью, съ густой косою,
 Съ лебединою грудью—зыбучею.
 И, ревнуя другъ къ другу и злобствуя,
 Другъ на друга они озиралися.

Да, ловка была Кривда лукавая:
 Одному въ ухо шепчетъ—приходи въ лѣсокъ...
 Другому—у рѣчки меня подожди...
 А иному—постой, погоди,
 Уведу я тебя во свѣтлицу свою,
 Уложу на кроватку тесовую,
 А ревниваго мужа виномъ накачу,
 Уведу въ чуланъ, на замокъ запру...
 Такъ со всѣми она пошепталася,
 Всѣхъ своей красотой подзадорила.
 И казалось имъ, что ушла она
 Не то въ темный лѣсъ, не то въ кустики,
 Не то на дорогу проселочную,
 Не то вдоль по рѣкѣ, по песочку разсыпчатому,
 И они въ темнотѣ расходилися,
 Другъ отъ друга, какъ вороги, прятались.
 Кто пошелъ вдоль рѣки, кто въ дремучій лѣсъ,

Кто, нащупавъ дорогу проселочную,
 Увидалъ вдали—огонекъ горитъ,
 Шевелится, лукаво подмигиваетъ,
 На ночлегъ въ теплый теремъ заманиваетъ...
 Кто въ болото зашелъ, съ Лихоманками
 Повстрѣчался—молиться сталъ,
 Обуюнный невѣдомымъ ужасомъ...

XII.

Засмѣялася Кривда лукавая—
 И такъ громко она засмѣялася,
 Что отъ страха великаго
 Богатырскіе кони осѣдланые
 Сорвались,—кто куда разбѣжались;
 Изъ насиженныхъ гнѣздъ, съ дикимъ карканьемъ,
 Поднялось воронье, а изъ темныхъ водъ,
 Изъ рѣки что-то вынырнуло,
 Заблѣлось какъ пѣна и поплыло—
 Расплескало волну и зашлепало...
 Подошла Кривда къ мечу-кладенцу,
 Приподняла его и, натужившись,
 Потщила въ кусты по сырой землѣ:
 Борозда прошла по сырой землѣ—
 Не по силамъ ей былъ богатырскій мечъ.

Не смогла она, Кривда лукавая,
Изъ ножонъ его вынуть-вытащить,
И пока надъ нимъ она маялася,
Свою женскую силу надсаживала,
На востокъ заря зарумянилась.
Но Ивану, въ лицо его сонное,
Не одинъ день тоскливо заглядываль,
На него даже Кривда заглядывалась:
— Эхъ! Дѣтина, ты, глупый дѣтинушка!
Будь не глупый ты парень—покладистый,
Я-бъ охотно съ тобою слюбилася,
Быль бы ты у меня въ большой чести,
Я дала бы тебѣ королевскій санъ,
Далеко бы по всѣмъ странамъ
Твою мощь, твою силу прославила.
А теперь, волчья снѣдь—травяной мѣшокъ,
Спи-лежи невидимкою,
Дожидайся второго пришествія!
Тутъ она лыкомъ его опоясала,
Чтобъ ему только Горе и снилося,
Чтобъ и сны его были нерадостны.
И пошла домой Кривда лукавая,
По камнямъ идетъ—спотыкается:
Непривычно ей по камнямъ ходить,
По тропинкѣ идетъ—оглядывается,

И мерещится ей, что за ней идетъ
 Что-то голое, зябкое, сѣрое
 И вопить умоляющимъ голосомъ:
 — Ой, отдай ты мнѣ, Кривда, хоть лыко мое!

XIII.

За недѣлей недѣля—какъ трава растеть,
 Годъ за годомъ—какъ рѣка течеть,
 Тяжко спать, бредить, вздрагиваетъ,
 Святорусскій богатырь Иванъ Богуслаевичъ,
 И земля подъ нимъ стала вздрагивать,
 И мутилась вода, и рѣдѣли лѣса,
 И шель моръ на людей, и травой-лебедой
 Прорастали посѣвы крестьянскіе,
 А съ пожарницъ несло горькой копотью.
 И взмолилася Правда истинная
 Самому Христу, Сыну Божию:
 — Ужь пусти Ты меня, Царь небесныхъ силъ...
 Изъ Рая, изъ Царства небеснаго
 Походить по землѣ, кровью политой,
 Орошенной слезами горючими,
 Всю насквозь гнилью труповъ упитанной
 И къ тебѣ за спасеньемъ взывающей:
 Спаси Господи люди Твоя!

И глаголетъ ей Сынъ Человѣческой:
 — Не остыла, видно, любовь твоя
 Къ людямъ, вѣчно меня распинающимъ...
 Да возрадуется сердце твое!
 Въ мѣръ гряди—искра мысли Моей,
 Капля крови Моей—Правда истинная—
 Да возрадуется сердце твое!
 Какъ придешь въ мѣръ скорбей, повтори ему:
 Гдѣ любовь, тамъ и свѣтъ, тамъ и Царство Мое—
 Да возрадуется сердце твое!

И подвинулись силы небесныя
 Отъ божественныхъ словъ Искупителя,
 Заиграли лучами и сладостными
 Голосами запѣли: святъ, святъ, святъ Господь!
 И на землю сошла Правда истинная
 Въ бѣлоснѣжной одеждѣ, въ золотомъ вѣницѣ,
 И десницей она прикоснулась
 Къ молодому бойцу, что состарѣлся,
 Досыная свой вѣкъ, подпоясанный
 Лыкомъ стараго Горя-злосчастія.

И проснулся Иванъ Богуслаевичъ,
 И протеръ глаза; сталъ искать меча—
 Не нашель меча, сталъ дружину звать—

Никого не дозвался, не докликался.
И, шатаясь, пошелъ онъ на родину:—
Не узналъ богатырь милой родины.

XIV.

Помутился день, лѣсъ нахмурился,
Прогудѣлъ вдали перекатный громъ,
И вотъ слышитъ Иванъ Богуслаевичъ
Недалеко въ лѣсу шумъ и бабій крикъ.
Прибѣжалъ—видитъ сѣрось,
Неприглядное Горе-злосчастіе,
Какъ мужикъ, съ бородежкой общипанной,
Въ рукопашномъ бою бьется-борется
Съ бѣлотѣлой растрепанной бабою.
Онъ вцѣпилъ ей въ косы длинныя,
Не жалѣетъ ея женскихъ прелестей—
А она его бьетъ, приговариваетъ:
— Знай, сверчокъ, свой шестокъ, не тебѣ меня
Повалить, мужику сиволапому.
— Ахъ ты... Ты, Кривда лукавая,
Продаешь ты врагамъ нашу отчину,
Да еще и пиры задаешь...
А меня, Горе хмѣльное, Горе вольное,
Въ кабалу хочешь взять, а не думаешь,

Что я чадо твое, чадо блудное,
 Непрощенное, нелюбимое...
 Тутъ увидѣло Горе-злосчастіе,
 Что идетъ по дорогѣ Иванъ-богатырь,
 Закричало ему въ свою голову:
 — Помоги мнѣ, родимый Иванушка,
 Побороть эту Кривду лукавую,
 Да постой — погляди на себя:
 На тебѣ мое лыко мотается.
 Ты сними это лыко поганое,
 Ни въ какомъ бою непригодное,
 Да бѣги поскорѣй за мечомъ своимъ!
 Гдѣ ты спалъ въ лѣску,—подъ ракиною,
 Онъ засыпанъ землей, онъ травой поросъ,
 Да все тотъ же на немъ православный крестъ,
 Та же сила въ немъ чудодѣйная...
 Ты бѣги за мечомъ, а я Кривду лукавую
 За виски придержу, пусть колотить меня
 По лицу — по чему ей захочется.
 — Ахъ, ты дьяволь! змѣя подколодная,
 Разъ попалась мнѣ въ лапы — не выпущу!
 — А ты что стоишь? аль не видывалъ,
 Какъ дерется бабѣ, какъ царапается!
 Побѣжалъ Иванъ Богуслаевичъ
 За мечомъ — и нашель свой мечъ...

— Уложу ихъ обѣихъ, — подумалъ онъ...
 Но ни Кривды, ни Горя-злосчастія
 Не нашель онъ на мѣстѣ томъ,
 Гдѣ они такъ дрались, такъ ругалися,
 Словно въ землю они провалилися,
 Аль бѣду надъ собою почувяли,
 Аль съ просонокъ ему померещились.

XV.

Поклонилась земля золотому тельцу,
 Встало царства на царство, народъ на народъ...
 Изъ-за синяго моря, изъ-за сизыхъ горъ
 Не тяжелья тучи грозу несутъ —
 На святую Русь надвигаются, —
 Надвигаются силы вражескія...
 Отъ ихъ полчищъ вода замутилася,
 Пошатнулись лѣса, почернѣли поля,
 А сквозь парь, что какъ дымъ потянуло вверхъ
 Отъ походныхъ костровъ, отъ людей и коней,
 Тускло свѣтитъ на Русь солнце красное.
 Ужъ не Кривда ли, что по всей землѣ
 Разнесла свои рѣчи лукавья,
 Намъ такую бѣду вдругъ накликала?
 Вотъ, навстрѣчу бѣдѣ просыпаются,

Страшно-медленно собираются
Богатырскія силы родной земли
Съ Волги, съ Дону, съ Днѣпра крутояраго.
Сѣлъ Иванъ на коня богатырскаго,
И помчался онъ быстрѣй сокола
Въ ту сторонушку, гдѣ раскинулось,
Развернулося поле бранное,
Тамъ, гдѣ стрѣлы дождятъ, мечъ о мечъ звенить,
Гдѣ ломаются копья булатныя.
Бьется день и ночь богатырь Иванъ,
И дружина его рвется въ смертный бой —
Неотступчивая, неоглядчивая...
А что дѣлаетъ Кривда лукавая?
Отъ заботъ, отъ тоски, отъ безвременья
Плохо спится ей, плохо можется,
Ей такая война, вишь, не по-сердцу:
Много-де даромъ изводится
И добра, и всего, что ей дорого.
Похудѣла она, даже слезы лить
По боярскимъ сынкамъ, добрымъ молодцамъ,
Что несуть свою силушку въ смертный бой, —
Какъ бы силушка та не сломилася...
И идетъ она въ церковь Божию
Набѣленная, нарумяненная,
Пудовую свѣчу ставить къ образу.

Она крестъ-то кладеть по писаному,
 Поклоны творить по ученому,
 На колѣнкахъ въ полъ головой стучить,
 Чтобъ всѣ видѣли, какъ она сокрушается
 И какъ любить она Русь несчастную.
 А что дѣлаеть Горе-злосчастіе,
 Кѣмъ и чѣмъ оно пробавляется?
 Какъ слышало Горе—въ трубу трубять,
 Какъ узнало отъ Кривды, что врагъ идетъ,
 Покидаетъ оно голь кабацкую
 И садится на клячу заѣзженную,
 Дескать, надо и мнѣ покуражиться,
 Поглядѣть на кровавое пиршество.
 Ѣдетъ голое Горе—мочальною
 Погонялкой лѣниво помахиваетъ;
 На одной ногѣ—лапотъ, на другой—сапогъ,
 То одна нога, то другая нога
 Заморѣнную клячу подталкиваетъ,
 Кляча шагомъ идетъ—спотыкается,
 А, какъ рысью бѣжитъ, задыхается.
 Охъ, ты Горе, Горе-гореваньице!
 Проспалось ты не скоро—поздно выѣхало,
 Не догнало ты боевыхъ дружинъ,
 На одни ихъ обозы наѣхало,
 На возу съ винной бочкой усѣлся.

Долго, долго обозы тѣ ѣхали,
 Но до мѣста того не доѣхали,
 Гдѣ борцы за Русь, у большой рѣки,
 На просторѣ шатры свои ставили,
 Вспоминали убитыхъ товарищей,
 Поджидали обозы скрипучіе,
 Чтобъ имъ было чѣмъ за побѣду пить —
 За Ивана свѣтъ Богуслаевича,
 Что поставилъ свой стягъ на край земли,
 Оберегъ нашу землю крестьянскую.

XVI.

А въ тѣ поры Иванъ-богатырь
 Покидалъ свой воинскій станъ
 И одинъ-одинёхонекъ
 Ёхалъ въ Кіевъ—во столичный градъ,
 Не пиры пировать и не хвастаться
 Своей силой, своимъ молодечествомъ,
 А у мучениковъ, у сподвижниковъ
 Божьей правды искать, себѣ помощи.
 На его конѣ сбруя позвякиваетъ,
 За его плечомъ стрѣлы побрякиваютъ,
 Да одна-то рука перевязана,
 Налокотники-то посѣчены,

Сердце-то инь по убитымъ болить,
 И своихъ ему жаль, и враговъ ему жаль,
 И болятъ его раны тяжелыя.
 Вдругъ въ глазахъ его замутилося:
 Увидалъ онъ... Горе-злосчастіе
 На возу сидить, бражку потягиваетъ,
 А кругомъ лежать кони подохлые,
 Мертвымъ сномъ спятъ обозники пьяныя,
 Бочка съ выбитымъ дномъ во рву лежитъ. —
 Вскрикнулъ Иванъ зычнымъ голосомъ:
 — Вотъ ты гдѣ, проклятый ты выродокъ!
 Полно тебѣ слезить отцовъ—матерей,
 Полно тебѣ вдовить женъ молодыхъ,
 Сокрушать сиротъ—малыхъ дѣтушекъ...
 Издыхай, какъ собака! пришелъ твой часъ—
 Твой послѣдній часъ,—кайся Господу!..
 И хотѣлъ Иванъ мечъ свой выхватить,
 Да застрялъ въ ножнахъ его мечъ-кладенецъ.
 Поблѣднѣлъ Иванъ Богуслаевичъ,
 А Горе-то, зная, испужалоса,
 Соскочило на землю и ну бѣжать;
 Потеряло свой лапотъ, въ одномъ сапогѣ,
 Словно заяцъ косою, улепетываетъ,
 За осокой, во рву, ежась, прячется,
 За кустами хоронится

И шипить, на дорогу выглядывая:
 — Мать твоя померла, и хоромы твои
 Провалились, и дворъ твой бурьяномъ заросъ...
 Смутенъ ѣдетъ Иванъ Богуслаевичъ.
 Вотъ, и ночь пришла, свѣтель мѣсяць всталъ,
 Звѣзды по небу стали разсаживаться.
 На крутоярѣ стоитъ коренастый дубъ,
 Распростеръ свои сучья, зоветъ его:
 Отдохни, прилягъ, добрый молодець,
 Успокой ты свой сиротливый духъ,
 Убаюкай сердце ретивое!—
 И съ коня слѣзъ Иванъ Богуслаевичъ,
 Снялъ съ головы свой тяжелый шлемъ,
 Разстегнулъ свои латы кольчужныя,
 На песокъ прилегъ и забылся сномъ.
 Не простой то былъ сонъ, а пророческій.
 Видитъ онъ: Кривда лукавая,
 Черноокая, бѣлогрудая,
 Прилегаеть къ нему и, прислащиваясь,
 Сладко шепчетъ ему таковыя слова:
 — Полюбила я тебя, добрый молодець,
 А ты клятву далъ извести меня...
 Не изжить тебѣ Горя-злосчастія,
 И твой мечъ-кладенець не убьетъ меня.
 Только Правда одна—Правда истинная,

Поборовшись со мной, извела бы меня.
 Да и той нѣтъ—ушла въ небеса...
 Попалили-бъ меня только Ангелы,
 Да и тѣхъ нѣтъ—поютъ славу Божию.—
 — Я сойду съ небесъ,—словно Божій громъ.
 Раздался вѣщій гласъ Правды истинной:
 И предстала она, вся сіяющая
 Въ бѣлоснѣжной одеждѣ, въ золотомъ вѣнцѣ,
 И промолвила таковы слова:
 — Ты права—права, Кривда крещеная,
 Не мечъ,—грѣшный мечъ, окровавленный,
 Посѣчь твою голову,
 И не палица богатырская
 Сокрушитъ твое чадо блудное,
 Чадо хмѣльное—Горе-злосчастіе;
 Но, когда просіяетъ колючій тѣрнъ
 На челѣ Христа паче всѣхъ вѣнцовъ,
 И когда вмѣстѣ съ нимъ я сойду съ небесъ,
 Не одна я сойду, а со ангелы,
 Возвеселится тогда и возрадуется
 Тотъ, кто ни разу за сребрянники,
 Какъ Іуда, не предалъ Спасителя—
 Ты-жь, лукавая Кривда, восплачешься
 И въ смертельной тоскѣ воззовешь къ горамъ:
 — Упадите вы, горы, на главу мою,

Раздавите меня, горы каменные!
 Разступись и ты, мать сыра-земля,
 Разступись—поглоти меня!
 Кто не вѣруеть въ Правду истинную,
 Не увидитъ тотъ Царства праведнаго...
 И почудилось Ивану Богуслаевичу:
 Оперлась Кривда цѣпкой рукой
 На плечо его наболѣвшее,
 Поднялась и, какъ желтый осиновъ листь
 На вѣтру, вся дрожа и едва дыша,
 Тяжело говорить—выговариваетъ:
 — Попустилъ меня Богъ жить неправдою
 И живу я, пока попускаетъ Богъ,
 Не пытай же меня, не томи,—дай пожить,
 Дай пожить!.. уходи!.. И, закрывъ глаза,
 Она стала отъ Правды отмахиваться...
 И почудилось Ивану Богуслаевичу,
 Будто Правда отъ Кривды лицо свое
 Отвратила и съ нимъ обручилась,
 И пошла-пошла, какъ по воздуху,
 И все выше, все выше, и скрылася,
 Словно небо за ней затворилося.

На востокъ заря загоралася.
 Пробуждался отъ сна богатырь Иванъ;

Всталъ онъ радостный и свой тяжкій мечъ,
 Приподнявшись, повѣсилъ на верхній сукъ
 Коренастаго дуба развѣсистаго,
 И, крестясь, онъ сказалъ дубу старому,
 Заповѣдному дубу, нетронутому
 Ни грозой, ни пилой, ни сѣкирою:
 — Сбереги, старина, ты мой мечъ-кладенецъ,
 Спрячь его, отъ лукаваго глаза—спрячь!
 Не ровень часъ и Кривда лукавая
 Собереть полки и пойдетъ на насъ...
 Пригодится тогда мой могучій мечъ.—
 Не отдай лишь его въ руки нечистыя,
 А отдай тому, кто увѣруетъ,
 Что спасетъ имъ отъ бѣды Русь великую
 И землѣ принесетъ обновленіе...
 Миръ и благоволеніе...

Поклонился тутъ Иванъ-богатырь
 И дремучему дубу, и дѣдовскому
 Мечу, на которомъ изсѣченъ былъ
 Краснымъ золотомъ православный крестъ,
 Желтымъ золотомъ были писаны
 Не простыя слова—чудодѣйныя.

И пошелъ богатырь...

И до смерти своей
Безъ меча, безъ кольчуги, безъ лука и стрѣлъ
Въ простомъ одѣяньи—по всей Руси
Проходилъ онъ—и слово его
Было сильное слово—сильнѣе меча:
Въ его словѣ была Правда истинная.

Да воскреснетъ то слово и въ наши дни!

Анна Галдина.

(ИЗЪ ПРЕДАНИЙ ОДНОГО УЪЗДНАГО ГОРОДКА).

РАЗСКАЗЪ ВЪ СТИХАХЪ.

Посвящается Д. А. Ровинскому.

Слава о немъ была такая, что онъ,
когда въ невѣрной землѣ семь спящихъ
дѣвъ отрывали, и тамъ онъ не лишній
былъ — онъ старыхъ людей на моло-
дыхъ передѣлывалъ...

Н. С. Лысковъ.

Ученье—свѣтъ, неученье—тьма...

Русск. послов.

I.

Безподобное мѣстечко, господа!
Не угодно ли пожаловать сюда,— .
Поглядите, что за чудо городокъ,—
Не Москвы-ль онъ отдаленный уголокъ?
Вотъ застава и, чтобъ каждый видѣть могъ,
Въ видѣ зámка бѣлокаменный острогъ;
Вотъ общественная баня и кабакъ,
Вотъ базарь, и судъ уѣздный, и баракъ,

Гдѣ идетъ теперь игра среди кулисъ
 Доморощенныхъ актеровъ и актрисъ;
 Есть и вывѣска подъ видомъ калача,
 И полиція, и даже каланча,
 И общественный есть садикъ, гдѣ сирень
 На скамеечку отбрасываетъ тѣнь:
 Тутъ и липа, и боярышникъ цвѣтеть,
 Когда лѣто людямъ пару поддаетъ;
 И какія тутъ есть церкви, Боже мой!
 Отъ фундамента до самаго креста
 Всѣ раскрашены въ различные цвѣта,
 Всѣ ихъ маковки съ чешуйчатой каймой
 Ярko блестятъ золотой своей игрой;
 Тутъ и женскій есть старинный монастырь
 Съ колокольнею и съ видомъ на пустырь,
 За стѣной его—песчаный косогоръ
 И дорога въ зеленѣющій просторъ.

Лѣтъ пятьсотъ тому назадъ изъ-за рѣки
 Тутъ видѣлись только вышки да коньки *)
 Брусняныхъ съ однимъ окошечкомъ домовъ,
 Да узорчатые ставни теремовъ.
 Племя грубое воинственныхъ мужей

---

*) Конекъ—гребень кровли, стыка двухъ скатовъ, князекъ.

Толков. словарь Далл.

Обитало тутъ подь властію князей;
 Вся одѣтая въ булатъ не разь ихъ рать
 Уходила на сосѣдей нападать—
 На своихъ ли, на татаръ ли—все равно,
 Лишь бы съ княжеской дружиной заодно.
 А потомъ они, вернувшись на покой,
 Въ баняхъ парились нерѣдко всей семьей,
 Сохи ладили, ковали; пили медь
 Да по праздникамъ водили хороводъ.
 И была ихъ жизнь сурова и проста:
 Дѣвки шили имъ рубахи изъ холста,
 Бабы вѣрили въ Ярилу и въ Христа.
 И спасалъ ихъ отъ внезапныхъ бѣдъ и золь
 Кругомъ города высокій частоколь.

Но прошла пора безплодныхъ передрагъ:
 Надъ удѣлами повѣялъ царскій стягъ,
 Воцарилась беспощадная Москва,
 Двухсотлѣтняя притихла татарва;
 Народившаяся власть была съ руки—
 И на вѣчахъ прикусили языки.
 За царями и Москвѣ пришла пора
 Испытать всю мощь Великаго Петра:
 Закаленный мятежами духъ возсталъ:
 Дрогнулъ Западъ и Востокъ затрепеталъ.

Городокъ мой сталъ желѣзомъ торговать,
 Да дворянъ своихъ на службу высылать,
 Горожане же въ обычаи свои
 Не ввели еще обычай пить чай;
 Занимали ихъ кулачные бои,
 Да попойки, да разбой по лѣсамъ.
 Въ это время городокъ, на страхъ врагамъ,
 Для комплекта императорскихъ полковъ
 Далъ не мало силачей и удалцовъ,
 Чтобъ на сѣверѣ Неву себѣ пригрѣть,
 Чтобъ на югѣ Чернымъ моремъ овладѣть.

Новый вѣкъ кругомъ народы взволновалъ,
 На Россію набѣжалъ девятый валъ,
 Прогремѣлъ онъ на поляхъ Бородина,
 И Москва была взята, но не сдана,
 И, не сдавшись, запылала какъ костеръ
 У подножія своихъ Кремлевскихъ горъ,
 Гдѣ Успенскій и Архангельскій соборъ
 Да Ивана золотая голова.
 Не успѣла опустѣлая Москва
 Догорѣть, какъ вѣтеръ съ сѣвера подулъ—
 Всѣ пути запорошилъ и затянулъ:
 Проклиная свойъ воинственный азартъ,

Растерялъ свои подвязки *) Бонапартъ.
 Въ это время нашъ уѣздный городокъ
 Отъ погрома и отъ славы былъ далекъ,
 И попрежнему надъ нимъ витали сны
 И невѣжества, и сѣрой старины;
 Лишь корысть его почуяла просторъ:
 По лѣсамъ его стучать пошелъ топоръ,
 Вдоль широкой обезлѣсѣвшей рѣки
 Затянули свою пѣсню бурлаки,
 Увидали зайцы, спрятавшись въ кусты,
 Самодѣльные расшивы и плоты;
 Обновлялась погорѣлая Москва,
 Стали нужны ей желѣзо и дрова...

II.

Поглядите, какъ на горкѣ у купцовъ
 Много всякихъ огородовъ и садовъ;
 Но дома ихъ на-запорѣ какъ тюрьма,
 Ихъ свѣтелки—это тѣ же терема.
 На дворѣ собаки злыя, по ночамъ
 Онѣ съ лаемъ припадаютъ къ воротамъ;

---

*) Бонапарту не до пляски,
 Растерялъ свои подвязки.

Изъ народной русской пѣсни 1812 г.

На сараях голубятни; отъ воротъ
 И по снѣгу, и по грязи поворотъ—
 Это значить, что хозяинъ по утрамъ
 Бѣдитъ въ церковь, или въ городъ по дѣламъ.
 А въ хоромахъ, даже тамъ, гдѣ есть паркетъ,
 Нѣтъ ни книги, ни картины, ни газетъ:
 Всѣ искусства—въ заднихъ комнатахъ, лишь тамъ
 Есть лубочныя картинки по стѣнамъ,
 На лежанкѣ—съ пѣтушками изразецъ,
 Въ темной нишѣ—изукрашенный ларецъ,
 А, гдѣ дѣти шевелятся и пищать,
 Тамъ валяется игрушечный солдатъ.
 Тѣсны спальни, но кровати широки
 И горой на нихъ лежатъ пуховики,
 Одѣяла—въ клѣткѣ стеганный атласъ,
 Пологъ ситцевый, въ углу иконостасъ—
 Тамъ желтѣютъ складни дѣдовъ и отцовъ,
 Блещутъ ризы потемнѣвшихъ образовъ;
 И лампы въ каждой горницѣ горять,—
 Все пропитано тутъ запахомъ лампадъ,
 Постнымъ масломъ и лекарственной травой,
 Мятнымъ квасомъ и семейной тишиной.

Но, покуда Титы Титычи сидятъ
 За прилавкомъ или дома грузно спать,

Отъ параднаго крыльца до чердака
 Въ душегрѣйкѣ ходить по дому тоска,
 Ждетъ куму ей погадать на короля,
 Или слушаетъ завятаго враля,
 Или свахѣ тараторкѣ смотреть въ ротъ...
 И—пока неволя пѣсенку поеть,
 Ждутъ обитые желѣзомъ сундуки,
 Не помрутъ ли самодуры-старики.
 Тутъ читають псалтыри, да часословъ,
 Да сказанья про дѣянiя отцовъ,
 Соблюдаютъ всѣ обряды и посты,
 Отъ науки ждутъ грѣха да суеты,
 Вѣрятъ лѣшимъ, домовымъ и колдунамъ,
 Не дадутъ прочесть романа дочерямъ,
 Ненавидятъ даже музыку,—а тамъ
 Ихъ потомство, ихъ тупая молодежь
 Въ Нижній-Новгородъ стремится на кутежъ,
 На неслыханное пьянство и развратъ,
 Чтобъ не только люди ахнули—самъ адъ,
 Пораженный наготой людскихъ страстей,
 На потѣху выслать всѣхъ своихъ чертей.

Между этими тузами, господа,
 Доживаль свои послѣднiе года
 И лабазникъ и почетный гражданинъ

Левъ Никитичъ, по фамилиі Галдинъ.
 Вся богатая рѣчная сторона
 Не безъ зависти хвалила Галдина:
 И за то, что онъ держалъ мучной лабазъ
 (Гдѣ муки былъ тысячъ на десять запасъ),
 И за то, что былъ породистъ и богатъ,
 И на дочери раскольника женать,
 И приказчикамъ поблажки не давалъ,
 И родительскій обычай соблюдалъ:
 Въ зипунѣ ходилъ, въ высокихъ сапогахъ,
 И крахмалить не давалъ своихъ рубахъ.
 Овдовѣлъ онъ,—себѣ мѣсто откупилъ
 На кладбищѣ—и немного захандрилъ:
 Сыновей ему Богъ не далъ—прокутить
 Было некому добра его—какъ быть?
 Мальчикъ померъ, у него осталась дочь
 Дѣвка Анна—и онъ хмурился какъ ночь:
 Легче вдвое на морозѣ блинъ испечь,
 Чѣмъ балованную дѣвку уберечь:
 Какъ мошну ее не спрячешь подъ замокъ,
 А ужъ ей никакъ пятнадцатый годокъ.

III.

Анна въ людяхъ милой дѣвочкой слыла,
 Но росла и расцвѣтала, какъ дичокъ,—
 Ее грамотѣ училъ кривой дьячокъ,
 Сказки сказывала Марѳа—и была
 При отцѣ она тиха и несмѣла.
 Онъ казался ей сердитымъ и больнымъ,
 А она ему подросточкомъ, такимъ
 Чѣмъ-то бѣленькимъ и свѣженькимъ на видѣ,
 Что современемъ любому угодить.
 Вотъ онъ думалъ: скоро дѣвка подрастетъ,
 Сваха парня подходящаго найдетъ,
 Коли будетъ намъ по нраву, по рукамъ—
 А не будетъ—уходи ко всѣмъ чертямъ!
 Я, примѣрно, нѣшто дочь свою отдамъ
 За приказнаго, который носить фракъ,
 Пишетъ ябеды и нюхаетъ табакъ?
 Ну, пока еще Анютка не совѣмъ
 Округлилась, выдавать ее зачѣмъ?
 Пусть покуда поливаетъ огородъ
 Да капусту рубить съ дѣвками,—заботъ
 Тутъ не мало—самому еще нужна

По хозяйству-то... А ну, коли она
Запроказить, шуры-муры заведеть!
Не узнаешь—кругомъ пальца обведеть.

Очевидно, подозрительный старикъ
Вѣрить женскому отродью не привыкъ.
Думаль, думаль и придумаль невзначай:
У меня старухи-сестры живы, чай.
Гдѣ болтаются—не знаю. Говорять
То и дѣло у игуменьи торчать.
Для чего имъ у игуменьи торчать?—
У меня въ дому такая-жъ благодать:
Образа, горять лампадки, тишина...
Благолѣпіе... Покойница жена
Не любила ихъ—шпіонками звала—
Ишь, какую кличку баба прибрала!
Тѣ не поняли и встали на дыбы;
Но не вынесли же сора изъ избы:
Не пошли о насъ судачить...

И старикъ

Пишетъ грамоту (писать онъ не привыкъ),
Вызываетъ незамужнихъ двухъ сестеръ,
Дочку Анну отдаетъ имъ подъ надзоръ:
«Я-де старъ, а дочь невѣста—нуженъ глазъ,
Я же, грѣшный, то въ контору, то въ лабазь».

Вотъ пріѣхали сестрицы, и Галдинъ
Имъ отвѣдитъ невысокій мезонинъ:
Тамъ у Анны есть свѣтелка съ потолкомъ
Изъ дубовыхъ темныхъ брусевъ; за окномъ
Виденъ садикъ; занавѣшена кровать;
Нѣтъ дивана, кресель тоже не видать,
Только зеркальце, да съ шашечной доской
Старый столикъ, да подушка съ начатой
Тонкой медленной работой кружевной,
Гдѣ булавочныхъ головокъ сотни двѣ
Расположено узоромъ по канвѣ;
Стулъ и—только; но не мало образовъ,
Золоченыхъ густо-на-густо вѣнцовъ,
Яркихъ яхонтовъ и крупныхъ жемчуговъ,
Озаряемыхъ лампадкой въ уголкѣ,
Тамъ, гдѣ ночью свѣтлый кругъ на потолкѣ.
И немалое количество безъ рамъ
Тамъ примазано къ потресканнымъ стѣнамъ
Тѣхъ картинокъ, что офени за гроши
Продаютъ намъ въ назиданіе души.
Красной, желтой и зеленой, иногда
Синей краской безъ особаго труда
Ихъ мазнули и, глядите, господа,
Какъ изъ этихъ пестрыхъ пятенъ, что ползутъ
Во всѣ стороны, выходитъ «Страшный судъ»,

И выводятся народу на показъ
 Тѣ застѣнки, гдѣ въ аду поджарятъ насъ.
 Вотъ—«Антихристъ», вотъ вамъ «Блудная жена»,
 Вотъ—«Кутузовъ у лафета» и война
 Съ казаками на игрушечныхъ коняхъ;
 Вотъ «Аеонъ»—стоятъ престолы на горахъ,
 Вотъ и мыши наши тащутъ на саняхъ
 Хоронить ката-мурлыку и идутъ
 Всѣ попарно и, хвосты задравъ, несутъ
 Кто кутю, а кто и скляницу съ виномъ;
 Вотъ—какая-то «Фертунъ съ колесомъ»,
 Вотъ—*«Колдунъ, который можетъ изъ спдыхъ,
 Дряхлыхъ барынь дѣлать барынь молодыхъ»*.
 Но верхъ творчества народныхъ мастеровъ
 Поглядите—возлѣ самыхъ образовъ
 Есть гравюра: тутъ художникъ начерталъ
 Чистой дѣвы душу—высшій идеалъ
 Цѣломудрія—въ ногахъ у ней луна,
 На челѣ ея корона; вся она
 Съ головы до ногъ въ виссонъ облечена,
 Цѣпь желѣзная въ рукѣ, и желтый левъ
 На цѣпи сидитъ, раскрывъ свой алчный зѣвъ,
 А изъ устъ ея вверхъ лента и на ней
 Возгласъ: Господи, спаси мя отъ сѣтей!

Значить, было что и Аннѣ созерцать,
Созерцая, сокрушаться и мечтать.
Эти старыя картинки безъ затѣй
Были школою для Анны съ раннихъ дней;
Эти надписи, что съ дѣтства разбирать
Ей пришлось и навсегда запоминать,
Говорили съ ея сердцемъ и умомъ,
Наполняли душу вѣрой и огнемъ:
Она вѣрила, что скоро страшный судъ,
Что Антихристъ недалеко, что придутъ
Съ нимъ и аггелы его, чтобъ налагать
На невѣрующихъ адскую печать.
И боялась, когда громъ мѣшалъ ей спать,
И крестилась всякій разъ, какъ бѣлый блескъ
На мгновенье озарялъ ея кровать,
Иль гудѣлъ вдали разсыпавшійся трескъ.
Развѣ няня ей могла растолковать,
Что такое эта молнія и громъ?
Вотъ она на край подушки локоткомъ
Оперлась и на святые образа
Возвела свои пугливые глаза.
Громъ гремитъ, а вдохновенная слеза
Отягчаетъ ей рѣсницы, и сильнѣй
Сердце бьется за себя и за людей.
Затаенный міръ души ея во всей

Красотѣ ея наивной, цѣликомъ,
 Опирается на то, что дали ей
 Эти стѣны, эта ночь и этотъ громъ...

IV.

Анна въ домѣ старыхъ тетокъ приняла,
 Какъ хозяйка, въ мезонинѣ ихъ отвела,
 Напила чаемъ съ медомъ, принесла
 Имъ варенья. Тетки чаю напились,
 Разложили узелки свои, прошлись
 По хоромамъ, отдохнули, за окномъ
 Покормили голубей и вечеромъ
 Сѣли ужинать, и братецъ съ ними сѣлъ,
 Выпилъ, крикнулъ и какъ бы повеселѣлъ.
 Балагурить. Но сестра, что за столомъ
 Сѣла рядомъ съ нимъ, съ наморщившимся лбомъ,
 Говоритъ, что за трапезой возсѣдать
 Надо молча, чтобъ бѣсамъ не потакать,
 А не то они на столъ начнутъ скакать,
 Станутъ гадить, а не то поднимутъ плясъ,
 Коли какъ-нибудь соврешь въ недоброй часъ
 Или выронишь нескромное слово.
 У хозяина нахмурилось лицо;
 Но, повѣрилъ ли онъ сестринамъ словамъ

Или думаль, что онъ это знаетъ самъ—
 Неизвѣстно, ничего онъ не сказалъ.

Ясный вечеръ за рѣкою потухалъ,
 Въ домъ прокрадывались тѣни; принесла
 Дѣвка свѣчи, и, крестясь, изъ-за стола
 Всталъ Никитичъ и ушелъ на опочивъ;
 Его дочка, двѣ лампадки засвѣтивъ,
 Приказала Дунькѣ ставни запирать;
 Ея тетки, помолившись, почивать
 Улеглись въ свои перины; за стѣной
 Смежной комнаты, вчера еще пустой,
 Слышны шорохи.

Лежать,—не спать

Двѣ старухи, начинаютъ разсуждать,
 Какъ бы въ руки имъ племянницу прибрать,
 Чтобъ при нихъ она съ распущенной косой
 Не ходила, какъ русалка, чтобъ собой
 Не была она, какъ пава, занята,
 Чтобъ и въ помыслахъ своихъ была чиста,
 Чтобъ отмаливала материнскій грѣхъ:—
 Та-де мужа возлюбила паче всѣхъ,
 Паче Бога, паче всѣхъ святыхъ Его,
 И губила свою душу—изъ чего!?
 По какой такой причинѣ? Фу ты на!

Да и братъ грѣшилъ—была ему жена
 Паче Бога, паче ангеловъ Его,
 И подумать даже срамно,—изъ чего!..
 Но потомъ онѣ мирились со своимъ
 Милымъ братцемъ—оказалъ онѣ милость нмѣ:
 Далъ уютъ имъ, обезпечилъ ихъ покой.
 На другое утро рано со свѣчой
 Онѣ встали, къ Аннѣ въ горницу вошли,
 Разбудили и къ заутрени пошли.
 Слышенъ благовѣстъ у Спаса на юру.
 Разсвѣтаетъ;—Анна дрогнетъ на вѣтру,
 И, впервые, на порогѣ въ Божій храмъ
 Говорятъ ей: не зѣвай по сторонамъ!

V.

Дни бѣгутъ, и вотъ Галдинъ совсѣмъ ужъ сѣдъ,
 Скоро Аннѣ девятнадцать будетъ лѣтъ:
 Тетки все еще при ней, не отстаютъ
 Наставляютъ, поучаютъ, берегутъ.
 Ей велятъ читать акаѣисты, пока
 Онѣ штопаютъ прорѣхи у носка
 Или ткуть на монастырь тѣ пояски,
 За которые имъ платятъ пятаки.
 Выше стала грудь у Анны, голосокъ

Сталь пѣвучѣ, лазурный огонекъ
 Свѣтлыхъ глазъ ея въ расширенныхъ зрачкахъ
 Сталь темнѣе, особливо при свѣчахъ,
 Когда сумракъ, шевелясь по всѣмъ угламъ,
 И пугаетъ насъ и нравится мечтамъ.

Какъ во время похоронъ честной народъ,
 Не спѣша, за колесницею идти, —
 Такъ для Анны проходилъ за годомъ годъ;
 Какъ рѣка, что омываетъ городокъ,
 Далеко течь отъ моря, такъ далека
 Отъ нея былъ шумъ и свѣтъ, гдѣ мы живемъ,
 И цѣлуемся, и плачемъ, и несемъ
 На плечахъ своихъ тяжелые кресты
 Страсти, горя, зла и нервной суеты.
 Ея горенку, какъ теремъ при царяхъ,
 Посѣщали: дальней пустыни монахъ,
 Мать игуменья, два нищихъ, да слѣпой
 Приходилъ къ ней за свинцовой водой,
 Отъ которой проходила краснота
 Гнойныхъ глазъ, коли не вовсе слѣпота;
 Да еще ходилъ какой-то мужичокъ
 За бальзамомъ отъ потрескавшихся ногъ;
 Самъ отецъ ея ни разу не зашелъ:
 Онъ страдалъ уже одышкой, избѣгалъ

Темныхъ лѣстницъ и брюзжалъ
 Всякій разъ, когда садился съ ней за столъ.
 Ея тетки:—былъ какой-то недосоль
 Въ организмѣ ихъ—прѣсна была ихъ кровь:
 Имъ претила даже брачная любовь...
 Были слухи, что онѣ во цвѣтѣ лѣтъ,
 Чтобъ придать ихъ грубымъ лицамъ нѣжный цвѣтъ,
 Извели румянъ не мало и бѣлили,
 И рядились; но никто имъ не былъ милъ,
 И никто ихъ, даже въ шутку, не любилъ.
 Онѣ были и судьбой обойдены,
 И какъ бы самой природой лишены
 Того женскаго, особаго чутья,
 Безъ котораго немислима семья.
 Тайно тлѣющей страстей угарный чадъ
 Рисовалъ имъ только ужасы и адъ.

Онѣ искренно вздыхали, говоря,
 Что невѣстамъ лишь Небеснаго Царя
 Будутъ райскія врата растворены!
 Остальныя будутъ рай лишены,
 Потому что ихъ поля земной женихъ
 Для нечистыхъ, подлыхъ радостей земныхъ.
 И не странно ли, что этотъ идеаль,
 Чистый, дѣвственный, нисколько не мѣшалъ

Имъ судачить, враждовать между собой
Изъ-за тряпки, изъ-за каждаго куска.—
Такъ святая ихъ душа была мелка.
Мелкихъ душъ такихъ не мало на Руси,
И затрогивать ихъ—Боже упаси!
Не любила ихъ и Анна; но она
Имъ внимала, имъ была подчинена.
Та же въ ней была закваска, тотъ же взглядъ,
То же небо, тотъ же рай и тотъ же адъ.
Анна искренно увѣрена была,
Что всю душу она Богу отдала:
Анна строго соблюдала всѣ посты,
Откликалась на призывы нищеты,
Раздавала свои деньги, плодъ труда
(Кружева ея цѣнили господа),
Не мечтала о замужствѣ; безъ стыда
Не могла подумать даже, что, любя
Выйдя замужъ, надо всю отдать себя,
По закону, ласкамъ мужа,—никогда!..
Нѣтъ, ужъ лучше въ монастырь куда-нибудь,
Куда похоти не смѣютъ заглянуть.
Отчего же часто снилась ей любовь,
Какъ волну въ приливъ, ей грудь вздымала кровь,
И фантазія, сестра земныхъ страстей,
Не давала иногда покоя ей.

Разъ, ну точно на-яву, а не во снѣ,
При лампадномъ тускломъ свѣтѣ, при лунѣ,
Что бросала серебро свое на дворъ,
На сады и къ ней въ свѣтелку на коверъ,
Въ ночь юньскую, когда вдали урчатъ
Соловьи и розы льютъ свой ароматъ,
На своей постели душной, въ тишинѣ,
Прислонясь ужъ не къ подушкѣ, а къ стѣнѣ,
Она чуетъ, будто кто-то къ ней вошелъ,
Заглянулъ и складки полога отвелъ.
Смотритъ Анна—видитъ юноша, на немъ
Край одежды отливаетъ серебромъ,
Его кудри обвиваетъ золотой
Тонкій обручъ; непостижной красотой
Дышитъ томное, холодное лицо,—
Надѣваетъ онъ ей на руку кольцо,
Говоритъ ей: Анна, Анна, ты моя!
Развѣ можетъ быть красавица ничья?!
Нѣги, трепета и ужаса полна,
Съ торопливою стыдливостью она
И на плечи, и на дѣвственную грудь
Натянула покрывало,—отвернуть
Свою голову хотѣла, чтобъ зарыть
Въ пухъ подушекъ воспаленное лицо;
Но ей палецъ жжетъ волшебное кольцо,—

По устами онъ прильнулъ къ ея устамъ...
 Она слитая, порывисто дыша,
 Оттолкнуть его, но тѣло и душа—
 Все въ ней замерло въ блаженномъ забытн.
 Разметавши руки голыя свои,
 Она вскрикнула... очнулась—онъ исчезъ...
 Былъ ли это Божій ангелъ или бѣсъ?
 Ничего она, проснувшись, не могла
 Ни понять, ни объяснить себѣ; была
 Такъ мучительно взволнована, что сонъ
 Не пришелъ къ ней и тогда, когда ужъ звонъ
 По церквамъ ей возвѣстилъ восходъ зари.
 Слышитъ Анна, тетка кличетъ: отопри!
 Отодвинулась задвижка,—та вошла:
 — Для чего ты въ садъ окошко подвела?
 И чего стонала? Что это съ тобой?
 Не больна ли? не душилъ ли домовою?

 — Я сама не знаю, тетя, что со мной?
 Отвѣчала Анна, трепетной рукой
 Прикрывая свою шею.—Страшный сонъ
 Мнѣ привидѣлся... въ ухахъ былъ шумъ и звонъ,
 Сердце маялось... Ахъ, тетя!..

 Съ нами Богъ!
 Съ нами сила Его крестная! Охъ, охъ!

Такъ заохала старуха, головой
 Покачала, почесалась и ушла.
 Анна стала на колѣна.

— Боже мой!

На-яву или во снѣ—но я грѣшна!..
 И, не чуя, какъ ей вѣтъ изъ окна
 Раннимъ утромъ, видить съ ужасомъ опа,
 Какъ погасъ въ ея лампадкѣ огонекъ,
 Сѣрой струйкой извивая свой дымокъ.
 — Это онъ мою лампаду погасилъ—
 Ангель плачетъ и лицо отворотилъ!..
 И челомъ своимъ лилейнымъ Анна ниць
 Преклонилася до самыхъ половиць:
 Подметая пыль ихъ русою косою,
 Она плакала,—то билась головой,
 То казалась неподвижной.—

Господа!

Душу той, что можетъ поводъ намъ подать
 Къ безсердечному глумленью—разсказать
 Трудъ не малый,—въ этомъ вся моя бѣда...
 Но къ заутрени зовуть ее. Вода
 Освѣжила ей горячее лицо,
 И, одѣвшись, она вышла на крыльцо.
 Черезъ три часа, изъ церкви воротясь,
 Анна молча за хозяйство принялась.

VI.

Вотъ, сидитъ старикъ за чайнымъ за столомъ,
 Въ красной ситцевой рубахъ, ремешкомъ
 Подпоясанный, и самъ ямайскій ромъ
 Подливаетъ въ чай китайскій; онъ въ поту;
 Ему жарко,—духота немоготу.

Ужъ давно ему пора бы и уйти.

— (Не уходитъ что-то... Господи прости!—)

У него разстегнуть воротъ, и видна

Шея красная; отмахивая мухъ

Онъ зѣваетъ. Изъ открытаго окна

Виденъ садикъ; тамъ въ тѣни летаетъ пухъ

Одуванчика,—тамъ въ утреннемъ пару

Пахнутъ розы,—тамъ слышно, какъ пѣтухъ

Голоситъ, а тутъ старухи просфору

Доѣдаютъ, а старикъ своей лѣвшой

Гладитъ бороду сѣдую, да глядитъ,

Словно дѣвчьею любуясь красотой,

Какъ потупплась, съ прозрачной синевой

Подъ глазами, его Анна, какъ сидитъ,

Пригорюнясь,—не спѣша допить свой чай.

— Слушай, дѣвка. вдругъ онъ началъ,—и вникай,

И вникай въ слова мои, и говори
 Мнѣ «спасибо», и такъ глупо не смотри
 На меня, какъ ты теперича глядишь.
 Ты тихоня, ты воды не замутишь;—
 Ну, да тихонькимъ-то мало вѣрю я,
 Въ тихомъ омутѣ-то, милая моя,
 Черти водятся;—чай, въ дѣвкахъ-то сидѣть
 Надоѣло. Чѣмъ на тетенекъ глазѣть
 То-ли дѣло замужь—мужа ублажать,
 А Богъ дастъ, и малыхъ дѣтокъ пеленать.
 Что-жь! я долгу своего не позабылъ—
 Я хорошее приданое сулилъ...
 И попался мнѣ гусь важный; есть заводъ,—
 Капиталы есть—по-божески житье,—
 По-старинному: не нюхаетъ, не пьетъ
 (Пьетъ, конечно, да не больше моего),
 Именитый человѣкъ и доброты
 Престѣнной; знаютъ всѣ его, и ты
 Не глухая, чай, слыхала про него—
 Савва Саввича, что старостою былъ
 У Воздвиженья. Жену похоронилъ.
 Девять лѣтъ никакъ вдовѣть,—поженить
 Сына старшаго,—тепсреча и самъ
 Хочетъ въ бракъ вступить. Конечно, по лѣтамъ
 Онъ не пара... ну да что тутъ толковать!

Никому своей судьбы не мпновать, —
 Старь ли, молодь ли, а только, Боже мой!
 Спать и бредить... «И къ медали золотой
 Я за колоколь представленъ», говорить...
 «Ну, да колоколь меня не разорить —
 Я сто тысячъ запишу ей», говорить.
 Самъ вина мнѣ подливаетъ, самъ твердить:
 «Ничего не пожалѣю», говорить,
 «И приданого не надо». — Что ты врешь --
 Говорю ему: что дамъ, то и возьмешь.
 Я не нищій, слава Богу! есть что дать.
 Дочь послушна, не капризна — уломать
 Ее можно. Можешь сваху присылать.
 Что ты скажешь, Анна?

Анна ничего

Не сказала, — что она могла сказать? —
 Только въ страхѣ поглядѣла на него.
 За нее вступились тетки; но Галдинъ
 Разозлился, зарычалъ, что онъ одинъ
 Своєю дочери отецъ и властелинъ...

Дочь должна повиноваться: каждый зналъ
 Это съ дѣтства, и никто не возставалъ
 Противъ стараго обычая; но духъ
 Поселившихся у брата двухъ старухъ,

Аскетическій, — былъ такъ властолюбивъ,
 Такъ упрямо-фанатиченъ и брезгливъ,
 Что онѣ, какъ бы объѣвшись белены,
 Взбунтовались даже противъ старины.
 . . . . . Какъ! у Бога отнимать
 Нашу Анну!.. въ чужи руки отдавать!
 Ахъ, негодникъ онъ треклятый! Нѣтъ-же, нѣтъ!
 Ужъ скорѣе подь началъ, да подь запретъ,—
 Въ монастырь ее запрятать.

Тотъ же духъ

Говорилъ и въ сердцѣ Анны — только вслухъ,
 При родителѣ.

Отецъ не ждалъ

Супротивства. Онъ кричалъ и проклиналъ,
 Даже билъ ее. Она перенесла
 Брань, побой, но себя не продала,
 И когда женихъ пріѣхалъ и внесли
 Въ домъ подарки, Анны дома не нашл.

Тетки ахали, прислуга сбилась съ ногъ,
 Заглянули и въ сарай, гдѣ былъ катокъ,
 И въ чуланъ, и даже въ баню на полокъ,
 Забѣжали въ огороды, всѣхъ собакъ
 Взбудоражили, и что-жь? — нигдѣ, никакъ
 Не могли найти невѣсты.

Долго ждалъ

Бывшій староста церковный и женихъ,
 Чѣмъ закончится неслыханный скандалъ.
 «Это значить — прокатить на вороняхъ...» —
 Онъ подумалъ, вдругъ надулся, покраснѣлъ,
 Молча всѣмъ поклонъ отвѣсилъ, въ бричку сѣлъ
 И уѣхалъ.

Много было бы расправъ

Въ силу поправныхъ отцовскихъ древнихъ правъ,
 Слѣдъ бѣглянки на другой бы день нашли,
 Ее съ пѣснями на жертву-бъ принесли
 Золоченому кумиру, — расплели-бъ
 Ея косу свѣтло-русую, ужомъ
 Заплетенную по-дѣвичьи, — потомъ,
 Послѣ бани съ угощеньемъ, обвели-бъ
 Вкругъ наложь ненослушливую дочь; —
 Но, задержанная лѣтнимъ солнцемъ, ночь
 Не успѣла свои тѣни проволочь
 По дворамъ и закоулкамъ городка,
 Не успѣли ея тѣни съ чердака
 Яснымъ звѣздочкамъ на небѣ кликнуть кличь,
 Не успѣли даже гости Галдина
 Разойтись и не успѣлъ стаканъ вина
 Выпить съ горя самъ хозяинъ — параличъ
 Половину его тѣла отхватилъ: —

Полилось вино, упалъ онъ, отломилъ
 Ручку кресель и уже не говорилъ,
 Когда подняли его, а лопоталъ.
 Черезъ сутки дочь вернулась, и узналъ
 Городокъ, до слуховъ жадный, что она
 Мать-игуменъей была привезена
 Къ старымъ теткамъ и съ рукъ на руки сдана,
 И что въ кельѣ провела она всю ночь.
 Какъ на изверга взглянулъ отецъ на дочь;
 Но не могъ уже ее ни проклинать,
 Ни позорить, ни руки своей поднять.
 На постели, причастившись, цѣлый годъ
 Прележалъ онъ. Продолжительный уходъ
 И заботы бѣдной Анны, можетъ быть,
 Подсказали его сердцу — все простить.
 Но простилъ-ли онъ ее, хоть ради слезъ?
 Эту тайну онъ во гробъ съ собой унесъ.

VII.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ (давно
 Это было)—я не помню, — можетъ быть
 Лѣтъ пятнадцать; — но не все-ли вамъ равно...
 Дѣло въ томъ, что (я боюсь васъ огорчить...)
 Наши тетки приказали долго жить.

Анна Львовна имена ихъ занесла
 Въ поминанье и — старалась позабыть.
 Ихъ на масляной холера унесла
 Во-свояси, послѣ маслянныхъ блиновъ.
 Анна видѣла кончину ихъ, тотъ страхъ,
 Что мелькалъ въ ихъ потухающихъ глазахъ,
 Она слышала въ бреду несвязныхъ словъ
 Бормотанье: Анна... выгони бѣсовъ!!
 Какъ всю жизнь онѣ боялись за себя,
 Никого на этомъ свѣтѣ не любя,
 И всю мудрость Божью видѣли въ бѣсахъ,
 Такъ и въ смертный часъ, въ мучительной борьбѣ,
 Онѣ думали лишь только о себѣ
 И боялись только ада... Поняла-ль
 Это Анна?

Ей чего-то было жаль,
 Но, признаться, недолга была печаль.
 Красотѣ своей навѣкъ сказавъ: прости!
 Анна Львовна не хотѣла завести
 Себѣ мужа. — Знала нравы той среды,
 Что оставила на ней свои слѣды;
 Въ деньги вѣрила, — не вѣрила въ мужей,
 И боялась ихъ назойливыхъ цѣпей.
 Она дѣтски отдалась своей судьбѣ
 И о счастья не думала. Въ борьбѣ

Съ наглымъ бѣсомъ, что подчасъ являлся ей
 Въ тишинѣ и мглѣ томительныхъ ночей
 Въ видѣ юноши и — сонную будилъ
 И какую-то ей тайну говорилъ, —
 Она вся изнемогала... и не разъ
 Просыпалась... но ни разу не погасъ
 Огонекъ въ ея лампадкѣ, — онъ свѣтилъ
 Ей попрежнему; а ночь ей толковалъ
 На духу, что это все бунтуетъ кровь —
 Просто — сонное мечтанье; — наставлялъ,
 Какъ вести себя, потомъ благословлялъ.

Можетъ быть, она читала про любовь
 У Загоскина въ романахъ (счетомъ пять-
 Шестъ романовъ удалось ей прочитатъ),
 Но, мечтая, не вздыхала ни по комъ, —
 Ея сердце было словно подъ замкомъ.
 Да и не было досуга ей вздыхать:
 Оставался при лабазѣ цѣлый домъ
 На рукахъ у ней; — она его въ наемъ
 Отдала. —

И вотъ-уже крещеный мѣръ
 Въ нижнихъ комнатахъ у ней завелъ трактиръ;
 И такое чаепитіе пошло,
 Что трактирщику замѣтно повезло,

И такой тамъ Ерофейчъ былъ тогда,
 И такіе растегаи, что туда
 Забирались не одни лишь бурлаки,
 Не одни съ большой дороги ямщики,
 Иль гуляки въ картузахъ и всѣ въ пуху,
 Но и франты, на всѣ руки молодцы,
 И подрядчики, солидные дѣльцы.
 Анна часто затыкала наверху
 Свои уши, чтобъ не слышать какъ шумять
 Голоса внизу, какъ двери тамъ стучать,
 Какъ тамъ пѣсню вдругъ затянетъ кто-нибудь...
 Только за полночь забыться и заснуть
 Удавалось ей.

Внизу кромѣшный адъ
 Ей мерещился, а тутъ — огни лампадъ,
 И иконы золоченыя въ вѣнцахъ,
 Въ алыхъ яхонтахъ и крупныхъ жемчугахъ,
 Пахнетъ ладаномъ и вѣетъ тишиной.
 Ей въ своемъ раю хотѣлось быть одной;
 Но дѣла, дѣла!.. и поневолѣ ей
 Приходилось у себя встрѣчать гостей
 И выслушивать совѣты ихъ.

Скромна,
 Сердобольна, Божьей церкви предана,
 Она въ гнѣвѣ только вспыльчива была,

И въ народѣ недотрогою слыла.
 Всѣ мы рады, хоть немножко осмѣять
 То, что намъ не удастся замарать:
 И купеческія дочки въ городкѣ
 Ее прозвали: невинностью въ мѣшкѣ.

Въ Рождество, и въ Новый годъ, и на Святой,
 И въ другіе дни, попы святой водой
 Окропляли ей свѣтелку, «Страшный судъ»
 На картинкѣ и ея обычный трудъ —
 Кружевной станокъ и пяльцы...

Становой,

Городничій, членъ уѣзднаго суда,
 Даже франтъ одинъ уѣздный съ хохолкомъ,
 Всѣми прозванный всесвѣтнымъ женишкомъ,
 Къ ней по лѣсенкѣ взбирались иногда —
 Выпить водки, поболтать за пирогомъ:
 Говорлива не была она, смѣшить
 Не умѣла, но умѣла угостить.
 Отъ нея себѣ подачки на вино
 Ждали будочники, дворники, рыбаки,
 Трубочисты и какой-то старый дякъ,
 Что волосъ не стригъ, а лѣтомъ, ей въ окно
 Глядя съ поднятой шаршавой головою,
 Голосилъ ей: «Со святыми упокой»...

Но вѣдь это ужь давно заведено,
 Что по праздникамъ всѣ мы подачки ждемъ,
 Хоть и важными, и гордыми сльвемъ.

Аккуратна, но не очень смышлена,
 Не злопамятна, довѣрчива, честна,
 Анна всѣмъ была угодна; — но зато
 И ума у ней не требовалъ никто.
 Вдругъ созвѣздія надъ темной головой
 Бѣдной Анны такъ сложились, что бѣда
 Палетѣла на нес, какъ вихорь въ зной.
 Что такое? Не пришла ли череда
 Ей споткнуться, (что бываетъ иногда)?..
 Дайте съ духомъ мнѣ собраться, господа!..

VIII.

Воцарился Николай. — Изъ края въ край
 Всѣмъ послышалось: не спи и не зѣвай!
 Городку же моему хотѣлось спать...
 Но онъ могъ свою судьбу благословлять:
 Ни въ двадцатыхъ, ни въ тридцатыхъ онъ годахъ
 Не замѣшанъ былъ въ безпутныхъ мятежахъ;
 Что такое декабристы!? — не слыхалъ,
 А узналъ про нихъ — руками замахалъ: —

— Ну ихъ къ бѣсу!.. И тридцатые года
 Для него прошли не даромъ, господа;
 Пять-шесть домиковъ кирпичныхъ, магазинъ
 Дамскихъ модъ, четыре будки, мостъ одинъ
 Черезъ лужу, три скворешни и балконъ
 На углу Казанской улицы — вотъ онъ
 Что воздвигъ и чѣмъ гордился.

Ревизоръ,

Сюда посланный, орлиный бросивъ взоръ
 На уѣздный судъ, управу и острогъ,
 Ничего найти серьезнаго не могъ.
 Знаменитый Дмухановскій мирно жилъ
 У себя въ своей деревнѣ и тужилъ
 О блаженствѣ тѣхъ годовъ, часовъ, минутъ,
 За которые онъ отданъ былъ подъ судъ.
 Ну, а новый городничій говорилъ,
 Что не даромъ онъ отечеству служилъ,
 Нюхалъ порохъ и читалъ Карамзина,
 Понимаетъ, что съ подобнымъ городкомъ
 Ничего нельзя подѣлать кулакомъ;
 Безурядица давно заведена,
 И что, стало быть, порядки заводить
 Все равно, что обывателей мутить;
 Что предшественникъ его и полетѣлъ
 Оттого, что слишкомъ многого хотѣлъ;

Что на плутни, на торговые вѣсы,
 На неряшество, и даже на усы
 Писарей, сквозь пальцы смотреть онъ;
 Но спокойствіе, въ особенности сонъ
 Горожанъ и горожанокъ онъ блюдетъ;
 Шатуновъ ночныхъ въ полицію беретъ,
 И, хотя бы чортъ аптекаря надуль,
 Если вздумаетъ кто крикнуть «караулъ!»
 Тотъ не жди себѣ пощады—отдереть.
 Не дозволить онъ и шлюхѣ, будь она
 Вся въ шелку или вся въ пухъ разряжена,
 Въ городскомъ саду компанію водить—
 Нѣтъ! ужъ больше не намѣренъ онъ шутить!
 Ну, а если заведется кумовство,
 То да сѣ—или пустое колдовство,
 Отъ котораго ни пользы, ни вреда,
 То—какая же отъ этого бѣда!

На какое колдовство онъ намекаль,
 Разумѣется, не всякій понималъ.
 Но—хотите ли разгадки, господа?..
 А! Хотите?! Такъ пожалуйста сюда.
 Вотъ, за булочной съ висячимъ калачомъ
 Въмѣсто вывѣски, за узенькимъ дворомъ
 Вы, идя за мной вдвоемъ или втроемъ,

Непремѣнно натолкнетесь животомъ
 На калитку.—За калиткой—огородъ,
 И тамъ много всякой всячины растеть:
 И подсолнечники тамъ, и резеда,
 И морковь, и лукъ, и хрѣнь, и лебеда;
 И тропинка прямо къ домику ведеть,
 Гдѣ Мартынъ Мартынычъ Ижигинъ живеть;—

Домикъ старенькій, на кровлѣ сѣрый тѣсъ,
 У крылечка пара жиденькихъ березъ,
 Дверь, обитая рогожей, изнутри
 Запирается засовомъ до зари.
 Къ этой двери и проходу нѣтъ зимой,
 Когда снѣгъ лежитъ глубокой пеленой
 Отъ крылечка вплоть до самага двора;
 Но и въ зиму—въ алыхъ сумеркахъ утра,
 Точно такъ же, какъ и лѣтомъ, вѣтерокъ
 Надъ трубой его вертитъ сѣдой дымокъ.

Старый Ижигинъ прислуги не держалъ,
 Самъ у ставней утромъ болты отмыкалъ,
 Самъ дрова кололъ и печь свою топилъ,
 Самъ варилъ себѣ похлебку,—словомъ, жилъ
 Какъ отшельникъ; но, когда за нимъ коньковъ
 Прислали изъ окрестныхъ хуторковъ,

Онъ садился,—и коньки его везли,
 Зарываясь въ вечерѣющей дали.
 Были слухи: могъ онъ зубъ заговорить,
 Кровь унять или кликушу исцѣлить,
 Злыхъ собакъ вилять хвостами заставляль,
 Были слухи, что какой-то либераль
 И помѣщикъ его выжигой назваль,
 И за это онъ его приколоваль
 Къ поломойкѣ, лично высѣченной имъ,
 Чтобъ раба его натѣшилась надъ нимъ.

Но навѣрное никто не могъ сказать:
 Кто онъ, что онъ—мѣщанинъ или купецъ,
 И откуда появился, наконецъ?
 Подозрительность напуганныхъ властей,
 Что стоитъ какъ бы на стражѣ нашихъ дней,
 Въ оны дни не беспокоила людей:
 Безъ свидѣтельства могъ всякій Хлестаковъ
 Побывать въ любомъ изъ русскихъ городковъ...
 И Мартынъ благополучно проживаль,
 Потому что нашъ уѣздный персоналъ
 Полицейскій и не слыхиваль о томъ,
 Что возможно быть общественнымъ врагомъ,
 Не ворюя и не грабя никого,
 Да и кто-бъ могъ ждать ущерба отъ того;

Кто нерѣдко самъ въ полицію ходилъ,
 Про кого самъ городничій говорилъ,
 Что ему Мартынъ Мартынычъ удружилъ:
 Погадалъ ему и сразу отгадалъ,
 Кто съ наливкою бутылъ его укралъ
 Съ подоковника:—немедленно пошли
 И бутылъ его у сторожа нашли.

Старый Ижигинъ былъ рѣдкій экземпляръ
 Человѣка, наводящаго угаръ;
 Онъ былъ грамотень, зѣло замысловать,
 Любопытень и—въ уѣздѣ нарасхватъ.

Черезъ булочницу часто вечеркомъ
 Вызывали его въ булочну тайкомъ:
 Тамъ особенная горенка была,
 Въ этой горенкѣ не разъ его ждала
 То подъ капоромъ сѣдая голова,
 То головка въ шелковистыхъ завиткахъ,
 Молодая, съ робкой вѣрою въ глазахъ.
 Но Мартынычъ выходитъ къ нимъ не спѣшилъ:
 Онъ и стряпчаго жену заставилъ ждать—
 Онъ умѣлъ къ себѣ почтеніе внушать...
 Разумѣется, онъ карты приносилъ
 И гадалъ имъ,—кому милаго сулилъ,

Кому свадьбу—обручальное кольцо,
 Кому просто изъ деревни письмецо,
 А иной кой-что такое открываль,
 Чего въ городъ никто еще не зналь.—
 Бились барынь суевѣрныя сердца,
 На иныхъ такъ просто не было лица,
 И, цѣлковый покидая на столѣ,
 Уходили онѣ съ думой на челѣ.
 Что мудренаго! Отцы ихъ и мужья,
 Старики и недоучки сыновья
 Пассовали, и сдавали, и мѣлокъ
 Въ ходъ пускали—словомъ, каждый былъ игрокъ.
 Лишь игра была источникомъ ихъ ссоръ,
 Заводила между ними разговоръ,
 Занимала ихъ умы и безъ конца
 Наполняла ихъ досуги и сердца.
 Такъ не разъ они, проигрывая сонъ,
 Утромъ шли дремать на службѣ; а для женъ—
 Что такое былъ Вольтеръ или Руссо?
 Кантъ иль Байронъ? Гёте или Шамиссо?
 Всѣ поэты, всѣ мыслители?..

Одинъ

Всѣхъ ихъ стоилъ удивительный Мартынь;
 Онъ одинъ былъ имъ по мѣркѣ,—шевелиль
 Ихъ мозгами, страхъ внушалъ имъ и дивилъ.

Какъ предметъ ихъ праздныхъ мыслей и рѣчей,
 Былъ онъ вдвое интереснѣе мужей,
 Кухни, тряпокъ, а, быть можетъ, и ребячь
 Надоѣдливыхъ, пока не заболѣть.

IX.

И межъ ними слухъ прошелъ на Ооминной,
 Что Мартынъ Мартынычъ знахарь не простой
 (Слухъ, надѣлавшій большую кутерьму)—
 Слухъ, что будто бы въ субботу, на Святой
 (Люди видѣли), пріѣхала къ нему
 Барыня одна—старуха изъ старухъ—
 Старушенція, разряженная въ пухъ,
 Сѣдовласая, съ морщинастымъ лицомъ,
 Осторожно проплелась къ нему дворомъ,
 И—(всѣ слышали), часокъ побывши съ нимъ,
 За ворота вышла дамочкой, съ такимъ
 Милымъ личикомъ, что весь честной народъ,
 Тотъ, что яйца каталъ вблизи воротъ,
 Увидавъ ее, разинулъ только ротъ.
 По откинутымъ ступенькамъ, мотылькомъ
 Она сѣла въ экипажъ и, вѣтеркомъ
 Освѣжаемая, свѣжая какъ май,
 Оглянулась, крикнувъ кучеру: ступай!

Кто такая?—неизвѣстно—слѣдь простыль.
 И объ этомъ цѣлый городъ говорилъ.
 Разумѣется, исправникъ возражалъ,
 Разумѣется, повѣтчикъ хохоталъ,
 Городничій же задумался, хотя
 И не вѣрилось ему, но не шутя
 Онъ дознаніе велѣлъ произвести,
 Чтобъ объ этомъ по начальству донести.

И къ Мартыну въ домикъ, топая, вошелъ
 Держи-Морда; у Мартына онъ нашелъ
 Безпорядокъ: книги старья, котель,
 Кошку, медь въ горшкѣ, солонку и крахмалъ;
 Но ему Мартынъ Мартынычъ объяснилъ,
 Что въ котлѣ онъ только щелокъ и варилъ,
 Такъ какъ самъ подчасъ бѣлье свое стиралъ,
 И при этомъ на корыто указалъ
 И на бочку; гдѣ была одна вода.
 А чтобъ не было какихъ-нибудь крючковыхъ
 Иль придирокъ, онъ досталъ зеленый штофъ
 Изъ-подъ лавки.

Ну! сказалъ ему тогда
 Держи-Морда,—жаль, что это дѣло дрянъ...
 (Нѣтъ ли штопора?—пожалуйста достань...)
 А вѣдь я, Мартынъ, хотѣлъ тебя просить

Мою Мавру Николавну подновить,
 То-есть, знаешь, этакъ, кое-что придать,
 Чтобы было что обнять и приласкать.
 Ну, прощай, Мартынъ!

— Помилуй, господинъ!

На прощаніе сказалъ ему Мартынъ:
 Самъ, чай, знаешь, каково у насъ бабѣ!
 Вѣдь проходу-бъ мнѣ не стало отъ старухъ,
 Если-бъ только былъ правдивъ подобный слухъ!
 Только женщинамъ Мартынъ не возражалъ,
 Онъ пугалъ ихъ и молчать ихъ заставлялъ,
 Говоря имъ: вѣдь за это и туда
 Угодишь...

— Куда Мартынычъ?

А куда

И Макарь своихъ телятъ не загонялъ.

. . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .
 . . . . .

Явно было, что Мартынъ былъ выше всѣхъ
 Головой, и у невѣждъ имѣлъ успѣхъ
 Соблазнительный!.. Мартынычъ же красно
 Говорить умѣлъ (немножечко на «о»)

И у барынь слыль великимъ знатокомъ
Тайнь природы...

Аниѣ былъ онъ не знакомъ,
Но догадливъ былъ и зналъ, что слухъ о немъ
Волновалъ ее... Подходчивый обманъ,
Презирая нищихъ, любить сторожить
Тѣхъ богатыхъ, что, боясь сердечныхъ ранъ,
Такъ изныли, что готовы полюбить
Сатану и—смѣло деньгами сорить...
Вотъ, я вижу, какъ сквозь дымку иль туманъ,
Нашу булочну: туда слащавый духъ
Теплыхъ булокъ привлекаетъ сотни мухъ,
И тамъ пахнетъ раскаленнымъ очагомъ.
Въ задней горенкѣ съ завѣшаннымъ окномъ
Анна Львовна и знакомый намъ старикъ
Затворились и бесѣдуютъ вдвоемъ.
У стола сидитъ Мартынычъ, онъ поникъ,—
Въ карты смотреть и—высокій морщить лобъ;
Анну Львовну въ жаръ бросаетъ и въ ознобъ;
Она слушаетъ,—Мартынычъ говоритъ:
— У тебя, мой свѣтъ, сердечушко болитъ:
Вся забота, вся печаль твоя по немъ,
И хоша съ тобой недавно онъ знакомъ,
И моложе, и, какъ вижу я, живеть
Гдѣ-то близко... словно подъ бокомъ... а все-жъ

Близокъ локоть, да зубами не проймешь.
 Вотъ, я вижу—онъ румянъ, черноволося,
 Очи сѣрыя, продолговатый носъ...
 И гляжу—совсѣмъ особенный.

— А что

Въ немъ особеннаго?

— Словно онъ не то

Ученикъ... не то ученый... не тобой
 Увлеченъ онъ, а твоею добротой.
 И любилъ бы, да трудненько полюбить...
 — Отчего такъ? покраснѣвъ, какъ маковъ цвѣтъ,
 Шепчетъ Анна.

— Какъ тутъ солнышку свѣтить,

Коли тученьки дневной закрыли свѣтъ.
 Эти тученьки—года твои, а онъ
 Еще юностью своею превознесенъ,
 И горитъ, какъ самовидная свѣча.
 Ты видала ли, какъ, крыльями плеща,
 Голубочекъ на разсвѣтъ подъ окно
 Прилетаетъ и клюетъ твое зерно;
 А голубка—росу ночи отряхнеть,
 И сама его въ гнѣздо свое зоветъ?
 Они—ровня. Такъ-то, милая моя!
 Ты сперва помолодѣй, и, какъ змѣя
 Чешую свою старается совлечь

Для того, чтобъ обновиться, такъ и ты
 Обновишь, и вся въ румянцѣ красоты
 Появись ему—другая будетъ рѣчь,—
 И забудетъ онъ тогда твои лѣта.
 Анна слушала его, раскрывъ уста.
 — Что такое говорить онъ? Какъ понять?
 Да и какъ онъ могъ по картамъ отгадать.—
 Въ чемъ, не только людямъ, Богу самому
 Было стыдно мнѣ признаться!.. Кто ему
 Могъ повѣдать? Ахъ! онъ страшный чародѣй!..
 Анна встала, и хотѣлось ей скорѣй
 Убѣжать, чтобъ онъ пророчить ей не смѣлъ;
 Но онъ пристально въ глаза ей поглядѣлъ
 И сказалъ ей:—не гнѣвись—пришли за мной,
 Коли вздумаешь свою красотой
 Приманить его, какъ цвѣтикъ полевой
 Манить пчелку сладкимъ запахомъ... Пстой!
 Дай мнѣ руку твою лѣвую...

— Нѣтъ, нѣтъ!

— Ну, такъ значитъ, не судьба твоя, мой свѣтъ.
 Анна вынула монету; онъ рукой
 Отстранилъ ее.—Не надо, можетъ быть,
 Мнѣ придется тебѣ службу сослужить,
 И тогда ты расквитаешься со мной.

Анна старую служанку позвала,
 Повязалась платочкомъ и ушла.
 И фантази скорѣе, чѣмъ уму,
 Повинуясь, долго думала она:
 Не Мартынь ли онъ Задека?—тотъ, кому
 Соломонова печать была дана?
 Тотъ Мартынь Задека сѣрый, что съ пелень
 Ей знакомъ былъ, няньками превознесенъ
 Какъ оракулъ, другъ старухъ и другъ дѣтей,—
 Тѣнь печатная давно минувшихъ дней.

X.

Или сонное мечтанье перешло
 Въ явь—и сердце Анны Львовны обожгло?
 Иль мистическій сорвался съ цѣпи звѣрь?
 Или попросту: гони природу въ дверь—
 Рано-ль, поздно ли она влетитъ въ окно?
 То ли, это ли,—не все ли вамъ равно?
 Дѣло въ томъ, что Анна Львовна, хоть она
 И постилась, и молилась,—влюблена,
 И не только ея сердце—умъ смущенъ,
 Поколебленъ, новымъ свѣтомъ удрученъ,

Новой вѣрой. Для души ея возрось,
 Въ видѣ тернія колючаго, вопрось:
 Правда-ль это, что земля съ морями—шарь!..
 Облака же—поднимающійся парь!
 Все летить и все кружится! Ничего
 Неподвижнаго! и міру нѣтъ конца!
 Гдѣ же рай цвѣтеть и гдѣ престоль Творца?
 Правда это или ложь? но изъ чего
 Будеть лгать онь?

Очевидно, въ первый разъ

Съ той минуты, какъ на свѣтѣ родилась,
 Анна слышитъ эти новости,—и кто-жь,
 Кто занесъ къ ней эту правду—эту ложь?
 Кто огонь страстей ей въ сердце заронилъ
 И сомнѣньемъ ея душу омрачилъ?
 Перестроить ли она на новый ладъ
 Этотъ міръ, и этотъ рай, и этотъ адъ?

Перемѣтѣвъ юнъ былъ сердцемъ и умомъ,
 Ни съ соблазнами, ни съ горемъ не знакомъ.
 Онъ приѣхалъ въ городокъ нашъ потому,
 Что профессоръ (не Погодинъ ли?) ему
 Посовѣтовалъ, чтобъ заслужить дипломъ,
 Монастырскіе архивы покопать,
 Рукописныхъ разныхъ свитковъ поискать,

И сказалъ ему, что въ нашемъ городѣ
Есть кой-что...

И Перемѣтѣевъ налегкѣ,
Съ чемоданчикомъ, въ измятомъ сюртукѣ
И фуражкѣ съ запыленнымъ козырькомъ,
И съ великими надеждами притомъ,
Прикатилъ. И что же? цѣлый день пѣшкомъ
Все искалъ себѣ ночлега и нигдѣ
Отыскать не могъ,—разспрашивалъ,—вездѣ
Отвѣчали: не слоняйтесь, нѣтъ такихъ
Тутъ порядковъ, чтобъ непрошенныхъ жильцовъ
Принимали, и квартиръ нѣтъ никакихъ...
А гостиница была (гдѣ Хлестаковъ
Одурачилъ цѣлый городъ), да сплыла—
Погорѣла.

Онъ усталъ—жара пекла,
Пыль по улицамъ столбомъ неслась—и вотъ,
На скамеечку, сваливши у воротъ
Свою ношу, забѣжалъ онъ съ пятакомъ
Въ нашу булочну,—съ Мартыномъ-старикомъ
Повстрѣчался тамъ, калачъ себѣ купилъ,
И у стойки:—нѣтъ ли квасу? попросилъ.
Вотъ, Мартынь пошелъ за квасомъ, и затѣмъ
Сталъ разспрашивать—куда онъ и затѣмъ?
Наконецъ, съ нимъ вмѣстѣ выйдя на крыльцо,

Поглядѣлъ въ его румяное лицо,
 И сказалъ ему: гляди—на горкѣ той
 Видишь домикъ съ красной крышей и трубой?
 Тамъ, я чаю, тамъ найдешь ты уголокъ...
 Анну Львовну Галдину спроси, дружокъ,
 Анну Львовну... Коли дома, да не спать,
 Чего добраго она и пріютить.
 Тамъ же есть внизу трактиръ для бурлаковъ:
 Тамъ и раковъ, и соленыхъ огурцовъ,
 И ботвинью, и горячихъ постныхъ щей
 Подадутъ тебѣ тарелку—ѣшь и пей.
 — Ну, спасибо! я пойду, пока свѣтло...
 Очевидно, что Мартынычу везло.

XI.

Солнце медленно спускалось на закатъ:
 Ужъ коровъ, и доморощенныхъ телятъ,
 И барановъ съ поля гнали въ городокъ,
 Было слышно, какъ пастухъ игралъ въ рожокъ,
 Выговаривалъ безъ словъ мотивъ родной:
 Ты поди, моя коровушка, домой!
 Эй вы, дѣвки!—продолжалъ рожокъ играть—
 Выходите вы скотину загонять!

И, пыля, все стадо тихо шло вразбродъ,
Только быкъ мычалъ, завидя огородъ.

Въ золотой пыли, на солнцѣ, у воротъ
Анна милая своей буренки ждетъ.
Вотъ она ее загнала въ ворота
И заслушалась, какъ въ рубищѣ пастухъ
Хорошо въ рожокъ играетъ, не спроста
Выговариваетъ. . . .

. . . Вдругъ

Она слышитъ—ей сосѣдушка кричитъ:
— Галдину здѣсь кто-то ищетъ.

— Боже мой!

Кто бы могъ!?. И вотъ, какъ листъ передъ травой,
Передъ нею съ ношей юноша стоитъ.
Воротникъ мучнисто-синій, козырекъ
Запыленный, смуглота румяныхъ щекъ,
И загаръ, и бѣлый лобъ, и завитокъ
Темной пряди влажныхъ, вьющихся волосъ,
— Завитокъ, прилипшій ко лбу,— и вопросъ,
Гдѣ она ему прикажетъ ночевать?!...—
Все смѣшно ей.

— Я не знаю, говорить.

И отчаянный тогда онъ принялъ видъ:
Говоря, что онъ присягу можетъ дать,

Что не воръ онъ, не разбойникъ и не тать,
 Что онъ будетъ, какъ убитый, смирно спать,
 Что на улицѣ прилечь онъ былъ бы радъ,
 Да боится, что собаки заѣдятъ;
 Что московскій онъ студентъ, а не щенокъ...
 И ужели православный городокъ
 Такъ безбоженъ, такъ безжалостно жестокъ,
 Что никто его не пустить, и его
 Растерзають!?.

Но, по счастью, для него
 Возлѣ кухонки съ окошечкомъ на дворъ
 Отыскалася каморка.

Съ этихъ поръ
 Начались тревоги Анны: въ ту же ночь
 Ей приснился бѣсъ лукавый—и точь-въ-точь
 Постоялецъ, съ тѣмъ же влажнымъ, бѣлымъ лбомъ,
 Съ тѣмъ же взглядомъ, даже съ тѣмъ же завиткомъ
 Темно-кудряхъ и взъерошенныхъ волосъ.
 На другую ночь ей вовсе не спалось:
 Ей хотѣлось ощутить такой же смѣхъ,
 Услыхать такой же голосъ.

Какъ на грѣхъ,
 Онъ взобрался къ ней на лѣстницу—узнать,
 Сколько Анна пожелаетъ съ него взять
 За каморочку, за столъ и за кровать.

Долго-долго колебалась выходить
 Наша Анна, и—не знала, какъ ей быть...
 Но рѣшилась, наконецъ, и торопясь,
 И волнуясь, даже мысленно крестясь,
 Гордо вышла за порогъ своихъ дверей
 И, конечно, вся краснѣя, отеклась
 Отъ задатка и сказала: нѣтъ у насъ
 И обычая такого, чтобъ съ гостей
 Брать уплату.—Не хотите ли чего?
 Водки?

— Нѣтъ.

— Икры, селедки?

— Нѣтъ.

— Чайку

Или кофею?

— Отлично!—И его

Угощала Анна Львовна. Кофейку
 Ей самой сварить, казалось бы, не лѣнь;
 Но его сварила Марѳа.

— Каждый день

Приходите къ намъ обѣдать.

— Очень радъ—

Отвѣчалъ студентъ.

Онъ былъ отмѣнно милъ,

Говорливъ и откровененъ, не измѣтъ

Ни нуждою, ни развратомъ, не кутиль,
 Хотя постничать, конечно, не любилъ.
 Анна Львовна поняла, что онъ простой
 И не хитрый, не хотѣла, чтобъ такой
 Молодой еще ходилъ въ трактиръ, чтобъ тамъ
 Не прибрали его лѣшіе къ рукамъ,
 Тѣ картузники, что любятъ къ новичкамъ
 Навязаться въ просвѣтители.

Онъ самъ

Не желалъ того; но—онъ ужъ не смѣшилъ
 Анну Львовну—нѣтъ, онъ съ ней заговорилъ
 О возвышенныхъ предметахъ: и о томъ,
 Что добро всегда господствуетъ надъ зломъ,
 И о томъ, что есть наука, что она
 Высока, угодна Богу и сильна,
 Такъ сильна, что цѣлый міръ перевернетъ;
 И о томъ, что есть искусство,—что у насъ
 Есть Жуковскій, и что Пушкинъ создаетъ
 Чудеса,—и много-много громкихъ фразъ
 Съ увлеченьемъ говорилъ онъ.

Анна глазъ

Не спускала съ гостя, слушала его,
 — Понимаю, говорила,—ничего
 Или мало понимала. Въ первый разъ
 Она слышала не тотъ языкъ, какимъ

Говорили горожане и купцы,
 И приказчики, и всякіе дѣльцы.
 Иногда, когда трунилъ онъ, было съ нимъ
 Ей и радостно, и жутко,—иногда
 Ей хотѣлось горько плакать... Никогда
 И представить не могла она, чтобъ такъ
 Гордо-счастливъ и безпечень былъ бѣднякъ.
 Сколько разъ среди полуночи она,
 Точно дѣвочка пугливая, одна
 Съ темной лѣстницы спускалась, чтобъ тайкомъ
 Встать у ветхаго забора и глядѣть—
 Любоваться, какъ онъ пишетъ за окномъ,
 Видѣть профиль наклоненный, огонькомъ
 Сальной свѣчки освѣщенный, тихо млѣть,
 Замирать и горячо благоговѣть,
 И, съ горячимъ зудомъ въ сердцѣ и въ глазахъ,
 Уходить въ свою свѣтелку. Тамъ въ вѣнцахъ
 На нее глядѣли лики образовъ,
 Тамъ, въ тѣни кой-гдѣ пестрѣющихъ угловъ,
 Шевелились тѣни тетокъ.

Иногда

Пережѣтывъ рано утромъ нанималъ
 Таратайку и куда-то пропадалъ
 На два, на три дня въ окрестностяхъ, тогда
 Анна день и ночь боялась за него,

Какъ за малаго ребенка своего:
 Рано утромъ послала узнавать
 Свою ключницу—пріѣхаль ли? Какъ знать,
 Что случилось? Онъ могъ въ рѣчкѣ утонуть,
 Заболѣть и слечь въ избушкѣ гдѣ-нибудь,—
 Гдѣ въ дни жатвы мужикамъ не до него.

Но—ни этого волненья своего,
 Ни той радости, что малодушный сонъ
 Не сбился, и что домой вернулся онъ
 Весь въ пыли, но здоровъ и цѣлъ, и невредимъ—
 Выражать она не смѣла,—нѣтъ, слегка
 Только вспыхиваль румянецъ, да рука
 Холодѣла, пожимаемая имъ
 На порогѣ. Онъ за нею не желаль
 Наблюдать и—ничего не замѣчалъ.

Анна знала, что она уже не та,
 Чѣмъ была во дни разсвѣта, что у ней
 То, что было на лицѣ зари свѣжій
 И нѣжнѣе свѣжихъ лилій—красота —
 Полиняла и поблекла;—никакой
 И надежды нѣтъ ей быть его женой!
 Тщетно Анна предъ лампадкою своей,
 Къ Богу помыслы и очи устремля,

Била въ грудь свою съ мольбой: помилуй мя,
Боже, по великой милости Твоей
И по множеству щедротъ Твоихъ!—Мечта,
Та же грѣшная мечта твердила ей:
Анна, Анна! ты у Бога отнята
Жаждой счастья земного, повита
Терніями страсти, тайный ядъ,
Отъ котораго глаза безъ слезъ горятъ,
Заразиль тебя,—душа твоя болитъ.
Слушай то, что Перемѣтѣвъ говоритъ,
Вспомни то, что онъ намедни говорилъ:
Говорилъ онъ, что, кто въ жизни не любилъ
Беззавѣтно, тотъ ничтожный пустоцвѣтъ,
Эгоистъ, который самъ себѣ лишь милъ,
И что будь-ка ей не слишкомъ тридцать лѣтъ,
А осмнадцать—чортъ возьми! не сдобровать
И ему бы... Такъ изволилъ онъ болтать,—
Выражая болтовней своей, что нѣтъ
Въ немъ ни горя, ни заботы...—какъ вчера,
Такъ и нынче. О, блаженная пора!
Когда сердце не страдаетъ и полно,
Когда плакать и досадовать смѣшно,
Когда цѣли никакой, а жадный взоръ
Привлекаютъ идеалы и—просторъ,
Когда глупо стулья школьные ломать,

А ломаешь—потому что былъ герой
Македонскій или кто-нибудь иной.

Вотъ и августъ, и позднѣй восходъ зарп,
И вакаціямъ конецъ—того смотри,
Онъ уѣдетъ, и—какъ нѣкій метеоръ,
Что внезапно освѣтилъ дремливый взоръ,
Для нея навѣкъ исчезнетъ, пропадетъ
Въ темной безднѣ, гдѣ отчаянне живетъ.
Сталъ нашептывать ей бѣсъ, уча ее
Въ колдовствѣ найти спасеніе свое.
Что ей деньги?—сколько-бъ онъ ни запросилъ,
Онъ, Мартынъ, что всѣмъ — рѣшительно всѣмъ милъ
(Не обидѣлъ и не выдалъ никого).
Анна Львовна ищетъ помощи его
И, что хочетъ онъ—клянется дать впередъ,
Если только онъ ей молодость вернуть.

XII.

Вотъ и мѣсяцъ ясный по небу плыветъ.
Все, что ѣсть и пьеть, и не ореть,
Все, что пахнетъ русскимъ праздникомъ, идетъ,
Усладивши свое зрѣнье и мечтамъ
Давъ поболѣе простору—по домамъ.

Всюду толки о жонглерахъ: Дункель былъ
 Восхитителенъ, когда онъ выходилъ
 Весь въ трико, и поднимался, и взлеталъ,
 И спускался на натянутый канатъ...
 Говорять, онъ на Розаліи женатъ,
 А амуръ съ колчаномъ—это ихъ сынокъ.
 А Розалія? каковъ ея скачокъ
 Сквозь три обруча?! и какъ это опять—
 Чортъ возьми! она успѣла на сѣдло
 Шлепнуться и—снова поскакать!
 Такъ изволили городокъ нашъ, такъ сказать,
 Въ эстетическомъ восторгѣ утопать.
 Да и ужинъ, господа, недалеко!..
 Дункель снялъ уже и шлемъ свой, и трико;
 Лошадей его по стойламъ развели,
 И Розалія съ амуромъ спать пошли.
 Незамѣтно время къ ночи подошло:
 Пыль осѣла,—глухо, тихо и тепло.
 Все, что въ нашемъ городкѣ теперь не спитъ, —
 Козыряетъ или ноетъ... (зубъ болитъ).
 Опустѣлъ публичный садикъ, опустѣлъ
 Рыбный рынокъ, на балконѣ ни души,
 Ставни заперты, лишь мѣсяцъ подглядѣлъ
 Въ этой уличной, полуночной глуши
 Чью-то блѣдную и трепетную тѣнь.

Никогда ему подглядывать не лѣны!
 Какъ поэту, ему, право, господа,
 Въ темномъ небѣ скучновато иногда!
 Какъ и мы, онъ видитъ звѣзды, но далекъ
 Отъ него, какъ и отъ насъ, ихъ огонекъ,
 Какъ и мы, къ землѣ онъ ближе, чѣмъ къ звѣздамъ—
 Дразнить страсти и колдуетъ по ночамъ.
 И недаромъ въ этотъ поздній сонный часъ
 Только мѣсяца серебрянаго глазъ
 Ищетъ щели, чтобъ въ закрытое окно
 Заглянуть къ Мартыну Ижигину;—но
 Болты замкнуты, и нѣтъ такихъ щелей.
 И не только мѣсяць,—будочникъ, и тотъ
 Не постигнетъ: чтò такое другъ чертей,
 Всему городу извѣстный чародѣй,
 Затѣваетъ? и зачѣмъ дымокъ идетъ
 Изъ трубы его?—блины ли онъ печетъ,
 Или вѣдьма прилетѣла на метлѣ—
 И съ нимъ варить кошку черную въ котлѣ?

Вотъ, глядите, какъ копятся кирпичи
 Очага его, какъ сторбившись сидитъ
 На скамьѣ Мартынъ Мартынычъ и варить
 Что-то въ мѣдномъ котелкѣ своемъ; лучи
 Красноватые отъ угольевъ скользятъ

По рукѣ, что уцѣпилась за ухватъ,
 И по лысинѣ его, и—даже тамъ
 Тускло бродятъ, гдѣ поближе къ образамъ
 Одинокая свѣча горитъ, плыветь,
 Освѣщая въ рыжихъ пятнахъ переплетъ
 Старый, кожаный съ застѣжкой и съ каймой
 Полинялоу, когда-то золотой.

Что за книга! и зачѣмъ Мартынъ kota
 Приурочилъ?.. это знаетъ лишь одинъ
 Велемудрый, все смекающій Мартынъ.
 Пссреди его жилища не спроста
 Полосатою попоной повита
 Бочка старая;—надъ нею вьется паръ,
 Застилая потемнѣвшій потолокъ,
 И, какъ будто подогрѣтый самоваръ
 Закипаетъ,—тянетъ ноту котелокъ.—
 — Чу!—за дверью, что выходитъ на крыльцо,
 Легкій шорохъ и условленный толчокъ.
 Озабоченное знахаря лицо
 Шевельнуло рядъ морщинъ своихъ, и тотъ,
 Кто бы видѣлъ въ это время этотъ ротъ
 Съ желтымъ зубомъ, эти выгибы морщинъ,
 Ни за что съ нимъ не остался бы одинъ,—
 Такъ злорадна и насмѣшлива была
 Эта мрачная усмѣшка.

Вотъ, вошла

Къ нему въ горницу, споткнувшись о порогъ,
 Горожанка, вотъ сняла съ себя платокъ,
 Мягкій, шелковый, который до бровей
 Закрывалъ ей косу русую и лобъ
 И закутывалъ ей плечи,—и никто-бъ
 Не призналъ въ ней нашей Анны,—такъ у ней
 Лихорадочень былъ взоръ, и такъ она
 Похудѣла вдругъ и такъ была блѣдна.

— Здравствуй, милая! Мартынычъ ей сказалъ:

Хорошо, что я тебя недаромъ ждалъ.—
 Не дождись я—подшутить бы надъ тобой
 Бѣсъ лукавый, ты проснулась бы сѣдой.

— Страшно мнѣ, Мартынъ Мартынычъ!

— Богъ съ тобой!

Человѣкъ я не мудреный, а простой:
 И не бѣсы—книги, люди древнихъ лѣтъ
 Мнѣ открыли чудодѣйный свой секретъ.
 И чего тебѣ бояться?—я ужъ сѣдъ,—
 Тебѣ въ дѣдушки гожусь я. Хочешь стать
 Молодою—буду годы заклинять;
 А не хочешь—тотчасъ можешь уходить,
 Самъ пойду я до калитки проводить
 И на улицу самъ выведу.—Теперь,

Продолжалъ онъ, запирая въ сѣни дверь,—
Раздѣвайся и влѣзай, пока вода
Не остыла.

Анна вспыхнула,— стыда
Краска пятнами покрыла блѣдность щекъ,
Даже дрогнулъ подбородокъ.—Какъ онъ могъ,
Какъ онъ смѣлъ подумать!

— И не жди,
И не жди, Мартынъ Мартынычъ!..
— Уходи,
Только послѣ не пеняй!

Она платокъ
Свой накинула поспѣшно, подошла
Къ грязной двери, ухватилась за крючокъ—
За желѣзную щеколду.—Боже мой!
Прошептала и застыла. Мысль о немъ...
Ужасъ, смѣшанный съ позоромъ и стыдомъ,
Страхъ придти домой старухю сѣдой...
О, какой хаосъ кипѣлъ и бушевалъ
Въ сердцѣ Анны и разумокъ колебалъ!

А Мартынъ глядѣлъ спокойно, молча ждалъ:
Что терялъ онъ?—ничего онъ не терялъ...
Еслибъ даже и ушла она—пущай!
Завтра рано онъ уѣдетъ—и прощай!

Глупый городъ! Очень нужно рисковать,
 Коли вывезла кривая! Тысячъ пять
 Получилъ онъ наканунѣ,—такъ сказать,
 На расходы чрезвычайные... и вдругъ
 По уѣзду пронесется темный слухъ...
 И потянуть на расправу колдуна...
 Нѣтъ, ужъ лучше, коли вздумаетъ она
 Привередничать, аль тягу дать.... — Пущай!
 На себя тогда, голубушка, пеняй...
 И сидѣлъ онъ неподвижно, какъ мѣшокъ,
 И, прищурившись, глядѣлъ на огонекъ:
 Котелокъ его на угольяхъ ворчалъ,
 Его руки были сложены—онъ ждалъ...

XIII.

Пять минутъ стояла Анна, какъ мертвецъ,
 Прислоненный къ двери склепа, наконецъ,
 Пошатнулась!—На Мартына не глядя,
 И въ привычное движенъе приводя
 Свои руки, начала оца снимать
 Свое платье. Ей казалось, кошмаръ
 Ее душитъ и мѣшаетъ ей дышать.
 Вотъ раздѣлась... Ароматный легкій паръ

Ей на грудь дохнулъ изъ бочки—и, платкомъ
 Спеленавъ себя, какъ въ новую купель
 Окунулась Анна... Легкимъ холодкомъ
 Пробѣжало по спинѣ у ней...

Ужель

Анна вѣрила, что будетъ молода?
 Несомнѣнно она вѣрила.—Вода
 Пахла медомъ и гвоздикой, и травой,
 Почему-то называемой Зарей;
 Поднимались на поверхность пузырьки—
 Щекотали ея ноги; и руки
 Оба сгиба, и подъемъ ея груди,
 Поблѣднѣвшихъ, какъ холмистый снѣгъ полей,
 Разрыхляемый дыханіемъ весны,
 Въ закодированный растворъ погружены,
 Покрываются стали пѣной, какъ росой
 Или жемчугомъ.

Очнувшись, наблюдать

Стала Анна и, конечно, надъ собой
 Наблюдать, чтобъ не глядѣть и не видать,
 Чтó онъ дѣлаеть—сѣдой колдунь. И вотъ,
 Печь, и стѣны, и скамья, и черный котъ,
 Все, кругомъ ея, какъ бы въ туманъ ушло—
 Отодвинулось куда-то. Лишь сверчокъ
 Надобѣдливый, какъ будто ей на зло

Сталь скрипѣть надъ самымъ ухомъ то и знай,
И такъ рѣзко, что хоть уши затыкай.

Вотъ, ей стало представляться, что она
Лѣтъ пяти-шести ребенокъ, и что мать
Въ передбанникъ привела ее купать;
Мамки голосъ она слышитъ: не балуй!
Баловница ты! ну, полно... поцѣлуй!
И сиди, сиди смириѣ... Боже! Ей
Развѣ можно быть послушнѣй и смириѣй?
Отъ воды же, какъ отъ хмельнаго вина,
Кружить голову и всю ее мутить.
Постепенно Анна Львовна Галдина,
Какъ ребенокъ, забываетъ всякій стыдъ.

Вотъ, подходитъ къ ней старикъ. Его лѣвшя
Поливаетъ изъ желѣзнаго ковша
Воду мыльную. Въ лицо ей горячо
Парь клубится; зарумянилось плечо...
Вотъ бормочетъ онъ заклятья—заклинать
Пачаль годы; сталь руками помавать,
И уставился—въ глаза глядить (какъ знать,
Быль ли это гипнотизмъ, извѣстный намъ,
Неизвѣстный нашимъ дѣдамъ и отцамъ,
Или что-нибудь иное?) По стѣнамъ

Въ это время разстился пленой
 Дымъ смолистый, и сползалъ, и лънулъ къ дверямъ,
 Точно выхода искалъ онъ.

— Боже мой!

Отпустите, задыхаюсь я. И вотъ,
 Онъ ей гребень деревянный подаетъ,
 И послушно обнаженною рукой
 Она чешетъ свои волосы, и ей
 Пряди косъ ея ужъ кажутся длиннѣй,
 Шелковистѣе и гуще. Наконецъ,
 Этой пыткѣ и терпѣнью конецъ,
 Вотъ и зеркало... Но—вѣрить ли глазамъ?!
 Ахъ! не лжетъ ли ей коварное стекло?
 Рдѣють розы на устахъ и на щекахъ,
 Блѣдно-мраморное лоснится чело,
 Все въ ней дышитъ ея прежней полнотою,
 Вѣетъ свѣжестью и знойно-молодой
 Красотою,—остается, такъ сказать,
 Ликовать и одѣваться.

Тутъ отдать

Справедливость не мѣшаетъ, господа,—
 Старый грѣшникъ отвернулся.

Безъ труда

Она вышла и одѣлась, а платокъ,
 Мягкій, шелковый, который такъ промокъ,

Что хоть выжми, онъ ей высушить помочь:

И просохъ онъ,—только запахи воды

Въ немъ остались, какъ неясныя слѣды

Этой ночи (этой плутни, господа...)

— Ну, прощай, Мартынь Мартынычъ! Никогда

Не забуду я услуги,—ты всегда

Первый гость мой!—И Мартынычъ, въ первый разъ

Ухмыльнувшись, молвилъ ей такую рѣчь:

— Хореша ты, но боюсь—въ недобрый часъ

Похвалить тебя. Постой! предостеречь

Я хочу тебя, голубка: девять дней,

Или ровно девять сутокъ, ты не смѣй

И подумать, какъ зовуть тебя!—своей

Ты фамилія иль имени, дружокъ,

Никому не говори. Ну, этотъ срокъ

Не великъ и ты придержишь язычокъ.

— Что же будетъ, если?..

— Боже упаси!

Все вернется, и тогда все колдовство

Пропадеть— и не ходи и не проси—

Не поможетъ никакое мастерство!

XIV.

Анна вышла. На дорожкѣ передъ ней
 Очутилась дочка булочницы; ей
 Отперла она калитку, до воротъ
 Проводила... Кто послалъ ее!?. Но вотъ,
 Анна весело по улицѣ идетъ,
 Ночка тихая и теплая въ звѣздахъ;
 Мѣсяць прячется въ перистыхъ облакахъ,
 Словно жаль ему серебряныхъ лучей,
 Или стыдно показаться передъ ней
 Все такимъ же старымъ мѣсяцемъ. Дома
 И заборы покрываетъ полутьма—
 Полусвѣтъ. А вотъ и садикъ городской
 Съ пріютившейся подъ липою скамьей.

— Не зайти ли въ этотъ садикъ посидѣть,
 Помечтать, на Божьи звѣзды поглядѣть—
 Подышать росой небесной?—И она,
 Чѣмъ-то радостнымъ мучительно полна,
 Въ тихомъ садикѣ садится на скамью,
 То въ раздумье, то въ мечты погружена.
 И никто бы Анну, милую мою,
 Въ эту ночь понять не могъ бы, потому,

Что свершилось непонятное уму.
 Эта дѣвушка все въ жертву принесла—
 Страхъ и стыдъ и, какъ казалось ей, пошла
 Въ сѣти къ дьяволу—за тѣмъ, чтобъ только быть
 Хоть рабой его—отдаться и служить...
 Что такое Перемѣтѣвъ?—Сирота—
 Горемыка,—у него одна мечта
 Быть учителемъ,—орломъ ему не быть,—
 Про него, быть можетъ, будутъ говорить:
 «Дѣльный малый», «честный малый!» и слегка
 Подвигать его, давать за чиномъ чинъ,
 Чтобъ не даромъ гнулъ онъ спину до сѣдинъ,
 Чтобъ онъ чванился собой,—не велика
 Значить птица.—Но скажи онъ ей теперь:
 — Полетимъ, моя родная!—полетить,
 Не боясь ни пересудовъ, ни потерь.—
 То ей радостно, то за сердце щемить...
 Какъ явиться вдругъ такую молодой
 На глаза своей прислуги! (знаетъ все
 Только Марѳа, собесѣдница ее
 Въ дни тоски, или невзгоды). Боже мой!
 — Вѣдь и онъ еще молоденькой такой
 Не видалъ ее ни разу!—Что какъ вдругъ—
 вмѣсто радости и счастья, да испугъ,
 Иль насмѣшка—старый счетъ ей годамъ!

Что какъ если и взаправду чудесамъ
Онъ не вѣрить? Какъ ему ей доказать,
Что на свѣтѣ много всяческихъ чудесъ.
Промолчать ли, или все ему сказать?—
Самъ пойметъ ли онъ, что не лукавый бѣсъ
Запятналъ грѣхомъ ей душу—а любовь...
И разсѣянно она крестила грудь,
И молилась: Господи! наставь на путь,
И очисти мою душу!—Или вновь,
Съ легкой дрожью, какъ осенній лепестокъ
Вѣтромъ сорванный, и въ бѣшеный потокъ
Занесенный и отдавшійся волнамъ,
Отдавалась Анна пламеннымъ мечтамъ:
То мечталось ей: она, рука съ рукой,
Съ нимъ идетъ вокругъ наоя,—то въ одной
Съ нимъ кибиткѣ... по невѣдомымъ стенамъ
Тройка мчитъ ихъ... колокольчикъ подъ дугой
Заливается. Онъ ей въ глаза глядитъ,
Руку жметъ ей... припадаетъ головой...
Ночь нахлынула, вдали огонь блеснуть
И, подмигивая, манить ихъ въ ту даль —
Въ тотъ предѣлъ благословенный, гдѣ не жаль
Ни богатства, ни свободы, ни себя...
Гдѣ такъ мало ей всю жизнь отдать, любя!..

Анна грезить и невѣдомаго ждетъ,
 Позабылась и не видитъ, кто идетъ.

XV.

Вотъ идутъ они—ночные шатуны,
 Что не ради звѣздъ и золотой луны,
 Не мечтаній ради,—въ поздній часъ ночной
 Забираются въ нашъ садикъ городской.
 Вотъ, подвыпившій, въ поддевки паренекъ
 И въ рубахѣ подъ жилеткой; съ нимъ другой,
 Сынъ дворянки-приживалки, отставной
 Прапорщикъ, завѣдомый игрокъ—
 Что недавно, за заставой, проигралъ
 Двумъ приказчикамъ часы свои—застрялъ—
 И у свахи въ огородѣ ночевалъ...
 Оба въ садъ они нечаянно зашли,
 Оба рѣчи несуразныя вели—
 И увидѣли, что въ сумрачной тѣни
 Чье-то личико бѣлѣется. Они,
 Разумѣется, за долгъ почли подсесть,
 Чтобъ съ особенной пріятностью провести
 Свое время. Не жива и не мертва
 Наша Анна...—Непотребныя слова...
 Запахъ водки... издѣвательство...

— Идемъ,

Говорятъ они:—Не кисни, это мы,
 Денегъ куча—чорта за поясъ заткнемъ...
 Квартируемъ у Ивановихи кумы...
 И сегодня пьемъ шампанское въ кредитъ...
 Поблѣднѣла Анна Львовна, говоритъ:
 — Уходите, я васъ слушать не хочу—
 Хотите встать—не можете—держатъ.—Закричу!
 Говоритъ она.

Вдругъ, видить: подбочась,
 Передъ нею возникаетъ третья тѣнь
 Человѣка въ смятой шляпѣ на-бекрень;
 Какъ изъ бочки, издаетъ онъ сильный басъ:
 — Это ты, Дуняша! Бей по мордѣ ихъ!
 Я не дамъ тебя въ обиду

— Прочь!

— Молчать!

Растакіе вы сякіе! Я женихъ

И моя она—

— Ну, можешь подождать!

А сегодня...

— Ахъ вы черти!

И пошла

Потасовка. Анна бросилась бѣжать.

Слышитъ визгъ—кого-то душать... Господа,

Не угодно ли пожаловать сюда!
 Поглядите, какъ полиція у насъ
 Расторопна и спасительна подчасъ,
 Какъ блюдетъ она и сонъ и тишину.
 Держи-Морда самъ явился вдругъ, и ну
 Всѣхъ дубасить. Разбѣжались всѣ. Одна
 Перепугана, взволнована, блѣдна,
 Анна Львовна не успѣла убѣжать.
 Передъ нею мѣсяцъ тучками закрыть,
 А за нею кто-то гонится и—хватъ
 Ее за руку!—Попалась! говорить.
 — Я те дамъ въ саду, подъ самымъ подъ окномъ
 Городничаго, компанію водить!
 Въ городскомъ саду безчинство заводить!
 — Но вы знаете, конечно, гдѣ мой домъ?..
 Задыхаясь, говоритъ она съ трудомъ...
 — Посиди сперва на сѣзжей.

— Боже мой!

Или вы не узнаете? Галдина...

Галдина я... Анна Львовна.

— Вотъ-те на!

Заглянувши ей въ лицо, воскликнулъ онъ,

Этой новостью, какъ громомъ, пораженъ.

— Анна Львовна! Вы ли это? не могу

И опомниться!.. Помилуйте!—бѣгу,

Вижу—драка—карауль кричать,—хочу
Ихъ на съѣзжую—за шиворотъ тащу;
Но ихъ трое... я одинъ... и вдругъ, вы тутъ—
Какъ могло сіе случиться?

— Не спалось...

Угорѣла—вышла на десять минутъ...
Шла, шла, шла, и вижу садикъ... не безъ слезъ,
Солгала она впервые.

Не признать

Онъ не могъ такой особы. Въ двадцать пять
Ассигнацію привыкъ онъ получать
И на Пасху отъ нея, и въ Новый годъ.
И почтительно онъ подъ руку ведетъ
Анну Львовну, извиняется, клянеть
Глупый случай, и доводитъ до воротъ...

XVI.

Всю дорогу Анна думала: увы!
Все пропало!—и тяжелой головы,
Полной горя и досадныхъ жгучихъ слезъ,
Не могла поднять. И что ей говорилъ
Полицейскій, какъ прощенье онъ просилъ,—
Не слыхала Анна Львовна. Ей пришлось
Поневолѣ свое имя произнести,

Защищая свое имя, свою честь.
 Вѣдь въ полицію на сѣзжую попасть,
 Ночевать тамъ, гдѣ сѣкутъ...

Какая страсть!..

Анна Львовна! тяжела твоя судьба!
 Вотъ куда вела тебя твоя борьба
 Съ чистой совѣстью и дѣвственнымъ стыдомъ.
 Все погбло!..

И проснулась ты съ лицомъ
 Смятымъ, съ пятнами на лбу и на щекахъ,
 Съ чуть замѣтной сѣдиною въ волосахъ,
 Съ пересохшими губами. Никого
 Принимать не приказала ты. Его,—
 Перемѣтѣва, и видѣть не могла...
 Ты ходила по свѣтелкѣ, твой платокъ
 Пахнулъ ночью ненавистною, сверчокъ,
 Какъ на зло тебѣ, всю ночь скрипѣлъ, что ты,
 Какъ блудница, не стыдилась наготы.
 Ты ходила по свѣтелкѣ, не спала,
 Не молилась, и на третій день слегла...
 Перемѣтѣвъ удивился: въ первый разъ
 Услыхалъ онъ, что хозяйка заперлась,
 Не пускаетъ, и,—конечно, онъ не зналъ,
 Чтò случилось, и, конечно, горевалъ:
 Анна Львовна до него была добра,

И добра не какъ чужая, какъ сестра...
 Разъ, проснувшись, не успѣлъ онъ глазъ промыть,
 Слышитъ: Анна приказала долго жить,—
 Раннимъ утромъ послала за попомъ,
 Причастилась и—забылась вѣчнымъ сномъ.
 Перемѣтвевъ испугался—поблѣднѣлъ...
 Слишкомъ явно жалкій смертнаго удѣлъ
 Возмутилъ его.—Давно ли руку ей
 Цѣловалъ онъ? И сгорѣть—сгорѣть въ пять дней!..
 Развѣ можно такъ нелѣпо умереть!
 Не простится съ нимъ—ни слова не сказать,
 Улетучиться—и поминай, какъ звать!..

Ужъ разносится далеко тихій звонъ
 Колокольный, вѣстникъ новыхъ похоронъ;
 Собирается оборванцевъ толпа
 У воротъ и ждетъ приходскаго попа;
 На дворѣ стоитъ съ косматою головою
 Дьякъ-юродивый и жалобно поетъ—
 Завываетъ: Со святыми упокой!
 Держи-Морда съ земляками водку пьеть.
 Что же городъ—городокъ любимый мой!
 Что толкуетъ онъ объ этомъ?—ничего
 О Мартынѣ толки заняли его:—
 Спорный и животрепещущій вопросъ!

Гдѣ пропалъ онъ? и зачѣмъ съ собой увезъ
Старой булочницы дочку? Старый песъ!
Неужели въ эти годы у него
Шуры-муры были? Чортъ его возьми!
Жены, матери, съ прислугой и дѣтьми,
Тоже думали—гадали, ничего
Не дознались и рѣшили, что по немъ
Горевать едва ли стѣдуетъ. Безъ слѣда
Все проходить, и—какъ день бѣжить за сномъ,
Такъ и сонъ бѣжить за каждымъ днемъ.
Но пока еще не сплю я,—иногда
Призываю мою музу, господа,—
Эту музу звали Марѳой въ тѣ года,
Когда жили-были Анна и Мартынъ.
Повязавшись платкомъ поперхъ сѣдинъ,
Помню я, она бывало въ шушунѣ
Забиралась въ мою дѣтскую со мной
Поболтать о захоластной старинѣ—
О Мартынѣ и объ Аннѣ Галдиной...

Мечтатель.

Юноша 30-хъ годовъ XIX столѣтїя.

Вѣра есть величайшій актъ чело-
вѣческой свободы.

В Жуковский.

Мертвые суть невидимые, но не
отсутствующіе. Отдадимъ справед-
ливость смерти.

Викторъ Гюго.

I.

Тѣ образы, черты которыхъ были
Такъ живы, такъ знакомы не однимъ
Моимъ глазамъ, и навсегда могилой
Заслонены и даже какъ бы смыты
Потокомъ лѣтъ—не призраки ли?.. Но
Они какъ бы вернулись и—зовуть...
Или, безмолвствуя, мнѣ указуютъ
На прошлое. И въ этомъ прошломъ я
Кажусь имъ тѣнью, мертвой для живыхъ—
Живой для нихъ,—по существу такой же,
Какъ и они.

И вижу я себя

Съ другимъ лицомъ въ кругу другихъ, когда-то
 Мнѣ близкихъ, лицъ... И вотъ одно изъ нихъ,
 Которыхъ тѣнь иль духъ неуловимый,
 Никѣмъ не вѣдомый, никѣмъ не зримый,
 Въ моей душѣ иль въ памяти моей
 Приемлетъ вновь и цвѣтъ и очертанья
 И голосъ—это милое лицо
 Ровесника и друга школьныхъ лѣтъ,
 Поэта-мистика, который мнѣ ввѣрялъ
 Навныя мечты свои. Увы!
 Въ тридцатые года романтикъ юный
 Сгорѣлъ отъ нихъ, и на моихъ глазахъ
 Угасъ навѣки...

Звали мы его

Вадимомъ, а фамилія его
 Была Кирилинъ. Будь онъ живъ,—быть можетъ,
 Онъ такъ же бы боролся и съ нуждой,
 И съ неотвязной музой.

Но его чело

Не знаетъ терній, и онъ спитъ глубоко
 Въ сырой могилѣ, и могилы этой,
 Когда-то дорогой и орошенной
 Слезами и увѣнчанной цвѣтами
 Изъ городскихъ садовъ, теперь никто бы

И не нашель... Не долговѣчно наше
 Посмертное жилище, какъ и все
 На свѣтъ.

Но какимъ воскресъ онъ
 Въ моихъ воспоминаньяхъ, какъ любимый
 Товарищъ, пусть такимъ и выплываетъ
 На этотъ листъ бумаги, для того,
 Чтобъ перейти въ печать или въ камнь—
 Что иногда почти одно и то же...

II.

Семнадцатой весны свидѣтель, школьникъ,
 Хотя и не наивный, но едва ли
 И первымъ пухомъ тронутый, съ улыбкой
 Ребяческой и грустнымъ взглядомъ, онъ
 Былъ далеко не первымъ въ семиклассной
 Гимназіи. Легко ему давался
 Языкъ Гомера; зналъ онъ наизусть
 Стихи Горація; но единицы
 Изъ алгебры ложилися на школьномъ
 Пути его, какъ бревна, и съ трудомъ
 Одолѣвалъ онъ эту баррикаду,
 Чтобъ какъ-нибудь идти за всѣми нами
 Къ послѣдному экзамену. Успѣхъ

Его не радоваль... Его не понимали...
 Одинъ лишь я заглядываль поглубже
 Въ кристальный мѣръ души его, со всею
 Игрою радужныхъ его фантазій,
 Но, какъ и всѣ, подчасъ его дразнилъ
 И, негодуя, спорилъ съ нимъ и, помню,
 Въ одинъ прекрасный день, сказалъ ему:
 «Мы въ барышень влюбляемъ, а ты,
 Песчастный! ты влюбленъ въ царицу
 Воздушную своихъ воздушныхъ замковъ».
 Гирилинъ засмѣялся и сказалъ:
 «Она сама не разъ къ тебѣ являлась,
 А ты и проглядѣлъ се... мѣшали
 Сосѣдки... кто же въ этомъ виновать?..»
 Не странно ли, что этотъ фантазеръ
 Не по лѣтамъ развитъ былъ. Недалекимы
 Его считали наши педагоги:
 Но наши педагоги насъ не знали.
 Возвышенное и святое мы
 Изъ воздуха, должно быть, почерпали,
 Учились у самой природы или .
 Въ поэзіи искали идеаловъ.
 Таковъ въ особенности былъ Вадимъ.

III.

Припоминаются мнѣ матери его
 Ворчливо-нервной добрыя черты
 И хлопотливый взглядъ... У ней былъ видъ
 Болѣзненный... она носила трауръ
 По мужъ, но въ заботахъ о семьѣ
 Забыла горе и едва сводила
 Концы съ концами... Пятерыхъ дѣтей
 Обуть, одѣть и прокормить—не шутка.
 Ихъ домъ былъ не великъ и не высокъ:
 Всѣмъ было тѣсно...

Какъ дубокъ, цѣпляясь
 За трещины и запуская корни
 Въ извилистыя щели съ влажной пылью,
 Растетъ на камнѣ, такъ онъ росъ среди
 Своей семья патриархальной, чуткой
 Къ его болѣзнямъ и неравнодушной
 Къ его балламъ. Никто въ семьѣ не зналъ,
 Чѣмъ наполняетъ онъ свои тетради:
 Онъ пряталъ ихъ, или бросалъ въ огонь.
 Никто не зналъ, куда скрывался онъ
 По праздникамъ съ утра, и отчего
 Запаздывалъ къ обѣду. Знала мать,

Что не въ гостяхъ онъ, и не у своихъ
 Товарищей играетъ въ карты—знала,
 Что одиноко любить онъ бродить,
 Куда глаза глядятъ, и на него
 Махнувъ рукой, вздыхала: «Не похожъ онъ
 Ни на кого изъ братьевъ; тѣ прилежны
 И сообщительны, а этотъ дикъ
 И недовѣрчивъ».

IV.

Въ лѣтній день, бывало,
 По воскресеньямъ, уходилъ онъ въ рошу,
 Что примыкала къ городскому валу,
 И гдѣ паслись коровы. Звукъ свирѣли
 Пастушеской и ржанье кобылицы
 Стреноженной, и перекатный шумъ
 Колеблемыхъ дыханьемъ вѣтра листьевъ,
 Какъ музыка, ласкали слухъ его;
 И вдоль ручья онъ уходилъ далеко
 Отъ города; и какъ рыбакъ, который,
 Закинувъ удочку, ждетъ цѣлые часы
 Улова, чтобъ, не даромъ голодая,
 Прійти въ свою семью съ лещемъ иль щукой,—
 Такъ, походя, весь день, онъ ждалъ чего-то

Необычайнаго: прислушивался къ вѣтру,
 Приглядывался къ искрамъ солнца въ струйкахъ
 Чешуйчатыхъ, ласкающихъ камышъ;
 Или подъ тѣнь развѣспстой ракиты
 Ложился на песокъ, и напряженно,
 Какъ бы подглядывая чей-то вѣчно
 Теряющійся шагъ, глядѣлъ онъ
 На все далекое и близкое, какъ будто
 Боялся проглядѣть или проспять
 Невѣдомое имъ въ природѣ чудо
 Или видѣнье... Самъ не понималъ онъ,
 Чтò иногда таилось у него
 Въ душѣ болѣзненной, готовой вѣрить
 И въ красоту, и въ Бога, и въ природу,
 И въ демона.

V.

Въ двѣнадцати верстахъ
 Отъ города былъ монастырь. На берегу
 Оки стоялъ онъ, заслонившись рощей
 Березовой отъ столбовой дороги.
 И лѣтомъ онъ ходилъ туда—молиться.
 Но чтò мудренаго, что нашъ мечтатель
 Любилъ крутой, высокій берегъ—видъ

На луговую сторону рѣки,
 Возобновленный, бѣдный монастырь
 И тѣ развалины, гдѣ находился
 Великокняжескій когда-то теремъ.
 Тамъ, по преданью, жилъ когда-то
 Или гостилъ великій князь Рязанскій,
 (Олеги, колеблющійся современникъ
 Побойща на Куликовомъ полѣ).
 Невзраченъ былъ видъ этихъ теремовъ
 Или развалины: то былъ не замокъ,
 И не дворецъ, а просто домъ кирпичный,
 Безъ потолка, съ обрушеннымъ карнизомъ
 И маленькими окнами. (Безъ оконъ,
 Съ подвальнымъ входомъ, нижній былъ этажъ).
 Обломками старинныхъ изразцовъ
 И кирпичей засыпанныя сѣни
 Высокою крапивой заросли,
 Тогда какъ на стѣнахъ, вверху, ютились
 Березки и кудрявились кусты...

VI.

Всѣ проходили равнодушно мимо
 Кирпичныхъ стѣнъ неживописной этой
 Развалины; одинъ Вадимъ Кирилль

Любилъ тамъ по часамъ стоять и слушать,
 Какъ наверху весенній вѣтерокъ,
 Порхая, шелестилъ листвою березокъ,
 И какъ тамъ пѣли птички... Это все
 Невольно говорило сердцу и уму,
 Что жизнь и знать не хочеть ни о томъ,
 Чтò было, ни о томъ, чтò будетъ. Всю
 Природу удовлетворяетъ мигъ
 Насущнаго; но мы не таковы!
 Безъ прошлаго и будущаго мы
 Не можемъ жить, принадлежа всецѣло
 Обоймъ, какъ растительная жизнь
 Принадлежитъ корнямъ, цвѣточной пыли
 И завязи плодовъ. Между грядущимъ
 И прошлымъ мы—таинственная точка,
 Лучистая, которая намъ свѣтитъ
 Или назадъ, или впередъ... Кирилннъ
 Любилъ, оглядываясь, рисовать
 И нашу быль, и наши небылицы:
 Немудрено, что стоя передъ этой
 Краснорѣчиво-бѣдной старинной,
 Съ ея нерадостно прожитымъ вѣкомъ,
 Мечталъ онъ и, мечтая, домечтался
 До лихорадочнаго бреда. Вотъ, какъ самъ
 Описывалъ онъ мнѣ свой странный бредъ,

Навѣрное прикрашенный его
Живой фантазіей:

VII.

«Всю ночь согрѣться

Не могъ я; но ты знаешь, я люблю
Простудю лѣчиться отъ простуды,
Прогулкой отъ бессонницы; и вотъ,
Не торопясь, дошелъ я до того
Монастыря, гдѣ схороненъ отецъ мой,
И гдѣ когда-нибудь меня зароютъ,
И тамъ засталъ я позднюю обѣдню,
Заупокойную; но я замѣтилъ
У клироса Метелкина Захара,
А гдѣ Захаръ Кузьмичъ, тамъ не могу я
Молиться—самъ не знаю почему...
Быть можетъ оттого, что осуждаю,
А если осуждаю, то грѣшу,
И этотъ грѣхъ мѣшаетъ мнѣ молиться.
Въ придѣлѣ гробъ стоялъ, и такъ сквозило
Тлетворной сыростью, что вышелъ я
На воздухъ,—голова кружилась, сердце
Въ виски стучало. Утро было тихо,
Тепло и пасмурно... Я былъ не въ духѣ

И тосковать, и даже безъ причины
 Готовъ былъ плакать... Незамѣтно, ежась,
 Я подошелъ къ обломкамъ—самъ обломокъ
 Великаго чего-то, можетъ быть,
 И безпредѣльнаго чего-то,—но чего?
 Не вѣдаю... И вотъ невольно сталъ я
 Глядѣть въ окно глухой, кирпичной
 Развалины, и вдругъ передо мной
 Возникъ далекій вѣкъ... Въ туманномъ
 И пыльномъ полусумракѣ, въ окнѣ
 Я увидалъ тесовую кровать
 Подъ пестрымъ пологомъ; а тамъ, за нею,
 Въ углу на гвоздикѣ, ручникъ съ каймою
 Изъ деревенскихъ кружевъ.—Протираю
 Глаза и вижу, какъ во снѣ: къ окошку
 Подходить дѣвушка и, пригорюнясь,
 Одной рукой поддерживаешь локоть
 Другой руки; камчатный сарафанъ
 Еще не дѣверху застегнуть; видно
 Не рано встала, подошла къ окошку,
 Задумалась и молча смотреть вдаль.
 «Ужъ не княжна ли?...» думаю. У ней
 На головѣ жемчужная повязка
 И съ длинными подвѣсками сережки
 Изъ серебра и бирюзы... Вздохнувъ,

Она меня замѣтила—и брови
 Слегка приподнялись, и потемнѣли
 Большіе, влажно-сѣрые глаза;
 И какъ-то странно: розовыя пятна
 На молодомъ лицѣ ей не мѣшали
 Казаться страшно блѣдной.

VIII.

«Все-то

Вдругъ замерло во мнѣ, когда она
 Заговорила... Господи! какой
 Прерывистый и ласково-плачевный
 Былъ это голосъ: «Мальчикъ! ты не знаешь,
 Какая день и ночь змѣя-тоска
 Сосетъ мнѣ сердце! Не котлы кипятъ
 Кипучіе,—ножи точатъ булатныя...
 Чтò будетъ съ Русью?.. Старшій братъ мой
 Въ глухой степи тамбовской въ плѣнъ къ ногайцамъ
 Попался и зарѣзанъ... Младшій братъ мой
 Дремучими болотами, лѣсами
 Куда-то пробирался—и о немъ
 Ни слуху нѣтъ, ни духу: или лѣшій
 Завель его и заморилъ, иль ночью
 Русалки утащили въ омутъ темный...

Старуха-мамка ждёт сына родного
 Изъ Золотой орды, и день и ночь
 Сидитъ въ лѣсу. на пнѣ и, молча,
 Повязанной качаетъ головою,
 Все что-то шепчетъ; выплакала очи
 И помѣшалась... Мой родной къ Мамаю
 Поѣхалъ ублажать его дарами;
 Женихъ соѣжалъ въ Москву. Чтѣ съ нами будетъ?
 Неужто и взаправду затѣваетъ
 Димитрій Иоанновичъ—московскій
 Великій князь—недоброе: войну
 Съ татарами!.. Какъ будто есть на свѣтѣ
 Такая силища, что одолѣетъ
 Ихъ полчища несмѣтныя. О Боже!..
 Какъ глухо все кругомъ! Какъ будто
 Все вымерло... И голодъ, и пожары,
 А я все жду—все жду, все жду чего-то
 Ужаснаго... все думаю: придутъ
 И если не зарѣжутъ, свяжутъ руки
 И на позоръ неслыханный меня
 Сведутъ на рынокъ и сорвутъ съ меня
 Мои одежды, потѣшаться станутъ
 Моимъ стыдомъ и ужасомъ смертельнымъ.
 Недаромъ я всѣ ночи напролетъ
 Не сплю и все дрожу, какъ листикъ

Осиновый... Скажи мнѣ, мальчикъ,
 Какія вѣсти ходять? Чтò пророчить
 Ома-юродивый?.. Что-жъ ты молчишь,
 Мой милый, мой болѣзнь?»

IX.

«Помутилось»

Въ глазахъ моихъ; забилось сердце;
 Я бросилъся къ окну, кранивой руку
 Обжегъ и—въ ужасѣ остановился...
 Въ окнѣ мерещился какой-то призракъ,
 Закутанный въ лохматый саванъ... Но
 Ударилъ колоколь, и я очнулся,—
 Сталъ озираться съ затаеннымъ чувствомъ
 Тревоги: не съ ума ли я сошелъ?..
 Не разъ фантазія, какъ бы шутя,
 Вела меня къ вопросамъ, а вопросы
 Вела къ фантазіи; но никогда
 Средь бѣла дня такихъ явленій странныхъ
 Я не испытывалъ, и Богъ послалъ
 Мнѣ это испытанье, и глубоко
 Запалъ мнѣ въ душу этотъ голосъ
 Страдальческій—былого горя страстный

Призывъ и жалоба. Но въ это время
 За черною желѣзною рѣшеткой
 Раскрытаго церковнаго окна
 Я услыхалъ, какъ хрипло хоромъ пѣли
 Монахи: «со святыми упокой»...
 И вѣришь ли?—мнѣ вдругъ вообразилось,
 Что я въ гробу увижу ту княжну—
 Ту дѣвушку, которая въ окошко
 Развалины звала меня... Я трусилъ,
 Когда входилъ въ придѣлъ...

Но, слава Богу,

Гробъ былъ еще не заколоченъ. Мелькомъ
 Я увидалъ поблеклый, желтый профиль
 Старухи въ чепчикѣ. Бумажный
 Съ оттиснутыми образками вѣнчикъ,
 Своей окраскою и позолотой
 Пестрѣя, неподвижно прилегалъ
 Къ ея навѣкъ застынувшему лбу,
 И понесли ее въ дыму кадилъ
 Зарыть въ сырую землю недалеко
 Отъ церкви. И Захаръ Кузьмичъ пошелъ
 За гробомъ. Издали я помолился
 За упокой души какой-то грѣшной
 Болярыни, рабы Господней Марѣы,
 И зашагалъ, надвинувъ на глаза

Свой козырекъ, черезъ ворота въ рощу,
Затѣмъ по столбовой дорогѣ...

X.

«Эхъ!

Должно быть слишкомъ медленно шагаль я
По этой столбовой дорогѣ—этотъ
Мнѣ ненавистный другъ Захаръ Кузьмичъ
Догналь-таки меня и, несмотря
На то, что я ему давно руки
Не подаю, пошелъ со мною рядомъ
И сталъ болтать:—«Сейчасъ похоронилъ я
Одну почтенную старушку, Марѳу
Игнатьевну. У ней есть дочка—
Красавица... Писалъ я къ ней и—думалъ—
Прійдетъ... не прійхала... Небось,
Кабы старуха-то была богата,—
Все бросила бы: и уроки,
И барскую усадьбу...

Жаль, любезный,

Что вы ее не видѣли. Красотка—
Первѣйшій сортъ... Мурашки по спинѣ
Такъ и ползутъ, коли возьмешь и, этакъ,
Въ своей рукѣ начнешь ей пожимать

Сублильную, хорошенькую ручку...
 А взглянешь, чортъ возьми,—и струсишь,
 И возликуешь... Ну, да вотъ, постойте—
 Помретъ мой батька—отслужу молебень:
 Да, да, молебень, а не панафиду!..
 Слыхали, чай, про скрягу—про Кузьму,
 Терентьича:—по-нищенски живетъ,
 Изъ рваного халата не выходитъ,
 Сидитъ зимой по вечерамъ въ потемкахъ,—
 Безъ свѣчки, ночью бѣгаетъ кругомъ
 Двора и лаесть;—выучился лаять
 Отлично по-собачьи: все же легче,
 Чѣмъ содержать или кормить собаку,
 И что же-съ? пробовалъ поднять я
 Одинъ сундукъ—не сдвинулъ съ мѣста. Деньги
 Лежать пудами,—счету нѣтъ... и что же-съ?
 Живетъ осьмой десятокъ, высохъ весь,
 Какъ щепка, а еще кряхтитъ и дышитъ,
 И помирать не хочетъ... А помри онъ,—
 И руки у меня развязаны. Могу-съ
 На комъ хочу жениться... Стоить только
 Разбогатѣть, и никакая краля
 Мнѣ не откажетъ... Ну-съ,—а съ жинкой
 Смазливою, будь только не брезглива,
 Да не глупа, ей-Богу, можно сдѣлать

Карьеру... Я же не ревнивъ... могу
 На всякій вздоръ глядѣть сквозь пальцы... Да-съ!..
 Вотъ, только погодите... позову
 На свадьбу. Пирь горой задамъ»...

— «Вы мнѣ

Противны», молвилъ я,—«противны,
 Какъ гадина!»

— «Ого!» онъ покосился,
 Съ усмѣшкой помолчалъ немного, скорчилъ
 Задорную гримасу и сказалъ:
 «А все же я зайду къ вамъ отдохнуть
 Съ дороги; то-есть, я зайду не къ вамъ-съ,
 А къ вашей матушкѣ и выпью водки
 И закушу... Однако вы ходокъ!
 Бѣжите такъ, что васъ и не догонимъ...»
 И онъ отсталъ конечно... но, добавлю,
 Я такъ усталъ по милости его,
 Что, прибѣжавъ домой, въ постель свалился
 И, говорить, всѣхъ напугалъ--и мать,
 И няню... думали, что у меня
 Горячка. Весь-то Божій день, до звона
 Ко всенощной, я былъ въ жару и бредилъ!..»

XI.

Пришли Петровки; многие изъ насъ
 Развѣхались по деревнямъ; иные
 Остались въ городѣ; я былъ въ числѣ
 Оставшихся, и навѣщалъ Вадима...
 Мы съ нимъ сошлись... Я былъ трезвъе,
 Благоразумнѣе и даже думалъ:
 Не самъ ли онъ, по милости своей
 Фантазіи, плететь свои рассказы,
 И увлекается, и самъ имъ вѣрить;
 Но слушалъ я его, не возражая,
 Съ любовью слушалъ: такъ порой умѣлъ онъ
 И убѣдительно, и живописно
 Передавать мнѣ грѣзы молодой
 Своей души. Я не всегда хвалилъ
 Его стихи; но все-жъ межъ насъ нашлись
 Такія точки соприкосновеній,
 Которыя насъ сблизили.

Сначала,

Досугу радуясь, онъ весель былъ
 И много шаялся. Весело онъ мнѣ
 Рассказывалъ, какъ видѣлъ поздней ночью
 У мельницы, близъ омута—самъ видѣлъ—

Русалку,—какъ она чесала косу,
 Какъ издали мелькаль впотъмахъ, какъ мраморъ.
 Ея бѣлбющійся, влажный локоть.
 И какъ она вскочила съ дикимъ визгомъ
 И бултыхнулась въ рѣку.

...Все исчезло.

Онъ долго ждалъ, но темная рѣка
 Уже ему своихъ завѣтныхъ тайнъ
 Не выдавала; долго тщетно ждалъ онъ—
 Такъ и не могъ узнать: была ли это
 Русалка или баба... Оба мы смѣялись.
 И никогда я не видалъ Вадима
 Такимъ здоровымъ, бойкимъ, откровеннымъ,
 Готовымъ даже надъ самимъ собой
 Трунить и соглашаться, что все вздоръ,
 Но что безъ этихъ глупыхъ бредней, скучно
 Ему, и что безъ нихъ никакъ не можетъ
 Онъ обойтись...

Вдругъ—перемѣна: вдругъ

Онъ сталъ разсѣянъ и меланхоличень.
 А меланхолія—болѣзнь: она
 Таятся въ нервахъ и боится смѣха;
 И если улыбнется, то такой
 Натянутой улыбкою, что ей
 Становится неловко. Юность

Не церемонится: я сталъ его
 Разспрашивать, сталъ приставать къ нему:
 «Скажи, скажи, здоровъ ли? Что съ тобой?
 Иль ты опять влюбленъ въ мечту, въ царицу
 Своихъ воздушныхъ замковъ?» И однажды,
 Въ вечерней часъ, и на него нашла
 Минута откровенности.

XII.

«На-дняхъ»,

Сказалъ онъ, «праздникъ былъ въ монастырѣ,
 И, несмотря на зной, задумалъ я
 Идти туда, и тамъ застать обѣдню,
 И съ вынутою просфорой вернуться
 Къ старухѣ нянѣ; но, какъ ни спѣшилъ я,
 Порядкомъ запоздалъ. Засталъ толпу
 На паперти и даже на погостѣ.
 Чтобъ протѣсниться въ церковь, нужно было
 Толкаться и давить мальчишекъ. Я
 Пошелъ бродить по старому кладбищу;
 Тамъ видѣлъ я, какъ кое-гдѣ, накреныя
 Къ сырой землѣ, подгнившіе кресты
 Лияли; каменные плиты были
 Покрты лишаями, желтовато

Оранжеваго цвѣта или мохомъ
 Коричнево-зеленымъ. Письмена же
 Славянскія, которыхъ ужъ давно
 Никто не разбиралъ, истерты были
 Ногами и засыпаны землей.
 Все навело меня на мысль, не здѣсь ли
 Покоятся останки той княжны,
 Которая весной въ окошкѣ мнѣ
 Мерещилась...»

Тутъ мой пріятель, помню,
 Пустился въ разсужденья. Повторить
 Ихъ слово въ слово не могу я; но
 Таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ ихъ смыслъ:
 «Я знаю, прахъ ея давно исчезъ,
 Разсыпался и съ вѣтромъ, можетъ быть,
 Вокругъ меня носился вмѣстѣ съ пылью...
 Такъ, если я спрошу тебя: куда
 Осѣлъ дымокъ соломинки спальной, —
 Ты безъ труда мнѣ тотчасъ же отвѣтишь:
 На камни, на траву, на человѣка;
 Но гдѣ разсѣялось ея сознанье?
 Въ какую превратилось пылъ — печаль?
 Или на комъ ея осѣло чувство —
 Любовь ли, ненависть ли — все равно?
 Кто скажетъ? Даже ты не скажешь»,

Добавилъ онъ наивно. — Къ намъ не шло
 Ни философствовать, ни задавать
 Неразрѣшимые вопросы; мы
 О нихъ мечтали, и рѣшали ихъ
 По-своему...

— «Итакъ, вообрази»,
 Онъ продолжалъ — «вообрази, что если
 Россіи и теперь грозятъ враги,
 И ежели бѣда не за горами,
 То чтò мудренаго, что то же чувство
 Тревоги и печали, тотъ же страхъ
 За родину проснулся въ этой тѣни,
 Что вѣсть около развалинъ — или
 Вокругъ того гнѣзда родного, гдѣ
 Такъ безотрадно въ страхѣ и тоскѣ
 Прошла ея вся молодость?.. Иначе
 Какъ это все понять?..» Тутъ онъ хотѣлъ
 Еще добавить что-то, но запнулся,
 Потупился и покраснѣлъ.

XIII.

— «Ага!

Я значить правъ былъ: ты влюбленъ
 Въ свой глупый бредъ, въ свою больную

Фантазію!» — «Фантазія ли это?
 Самъ разсуди», воскликнулъ онъ: «я шель
 Съ кладбища, сзади старыхъ теремовъ
 Великокняжескихъ, — и ужъ хотѣлъ я
 Пройти на ту лужайку, гдѣ тютюнь
 Курили кучера и поджидали
 Своихъ господъ, а возлѣ экипажей
 Помѣщичьихъ разнузданныя клячи,
 Маша хвостами и обороняясь
 Отъ оводовъ, щипали мураву
 И въ старыхъ хомутахъ своихъ казались
 Счастливые меня — такъ благодушно
 Жевали и оглядывались. Шель я,
 Задумавшись, и вдругъ на перекресткѣ
 Двухъ узенькихъ тропинокъ, гдѣ цвѣли
 Акаціи, я поневолѣ дрогнулъ
 И сталъ, какъ вкопанный. Въ пяти шагахъ
 Передо мной была озарена
 Сіяніемъ полуденнаго солнца
 Красавица. О, никогда еще
 Глаза мои на свѣтѣ не видали
 Такой небесной, чистой красоты!
 Я ею пораженъ былъ, какъ видѣнемъ —
 И замеръ... Дѣвушка была въ простомъ
 Суконномъ черномъ платьѣ; блѣдный

Оваль лица ея и бѣлый лобъ
 Былъ отгнѣненъ приподнятой вуалю;
 Глаза, большіе, синіе глаза,
 Задумчиво изъ-подъ густыхъ рѣсницъ
 Въ молитвенномъ какомъ-то настроеньи
 Куда-то въ даль глядѣли, и въ чертахъ
 Ея лица, казалось, грусть была
 Невыразимая, а пряди пышныхъ
 Темнокаштановыхъ волосъ ея вились,
 И вѣтерокъ слегка ласкалъ ихъ, словно
 Остерегаясь смять ихъ. Говорять,
 Мадонна Рафаэля — совершенство;
 Но совершеннѣе того, что далъ мнѣ Богъ
 Увидѣть — я не знаю... «Ужъ не сонъ ли?»
 Подумалъ я... и мнѣ хотѣлось
 Заговорить; но у меня языкъ
 Прилипъ къ гортани...

XIV.

«Вдругъ она очнулась
 И тотчасъ же замѣтила меня.
 Она замѣтила смѣшной восторгъ мой,
 Мои съ такимъ наивнымъ изумленьемъ
 Приподнятыя плечи, улыбнулась,

Потунилась и, опустивши складки
 Своей вуали, легкая, какъ тѣнь,
 Исчезла за стѣной и, можетъ быть,
 У паперти вошла въ толпу. А я?
 Увы, я, какъ дуракъ, на томъ же мѣстѣ
 Стоялъ, какъ вкопанный,—былъ, какъ въ чаду
 Или въ туманѣ. Мнѣ хотѣлось плакать,
 И ликовать, и славить Бога.
 Я все забылъ... Когда же спохватился,
 Ужъ было поздно. Тщетно я,
 Какъ угорѣлый, бросился туда,
 Гдѣ раздавался благовѣсть.

Народъ

Изъ церкви выходилъ, и въ экипажи
 Подсаживали барынь. У воротъ
 Сидѣли нищѣ-слѣпцы и дребезжали
 Глухими голосами: что-то пѣли
 Про Лазаря; никто не слушалъ ихъ,
 Бросая въ деревянные ихъ чашки
 Копейки. Мужики крестились. Бабы
 Грудныхъ дѣтей завертывали въ тряпки
 И сонныхъ уносили ихъ. Все тотъ же
 Сѣдой монахъ въ лиловой камилавкѣ
 Стоялъ у будки съ образомъ, и мѣдный
 Звонъ колокольчика его едва —

Едва былъ слышенъ... Дальше, за стволами
 Березокъ, вдоль дороги столбовой
 Шли сѣрые обозы, и клубилась
 Густая пыль...

Разсѣянный, горячій,
 Весь какъ въ огнѣ, напрасно я искалъ
 Глазами образъ, или хоть намѣкъ
 На ту, которую я такъ безбожно,
 Такъ глупо прозѣвалъ. Въ коляски,
 Въ четырехмѣстныя кареты, въ дрожки
 Старинныя заглядывалъ.—Нигдѣ!..
 И такъ, порывисто дыша, я вышелъ
 На пыльную дорогу. Несомнѣнно
 Своихъ знакомыхъ я бы не узналъ,
 Когда-бъ ихъ на пути случайно встрѣтилъ.
 Въ моей душѣ все путалось, все было
 Восторженно и глухо. Я не шель—
 Летѣлъ, какъ бы по воздуху, навстрѣчу
 Таинственной улыбки. Красота
 Во-очію явилась мнѣ, меня
 Замѣтила, и даже улыбнулась, —
 Чего-жъ еще?

И, знойный весь, къ обѣду
 Вернулся я домой и, можетъ быть,
 Впервые распахнувши душу, молвилъ.

«Есть въ мірѣ чудо — и недаромъ, братцы,
Я все искалъ его — теперь я знаю,
Что это чудо — красота».

Никто

Меня не понялъ. Только старшій братъ
Пробормоталъ: «Пожалуйста, любезный,
Садись и чепухи не говори»...

XV.

Пришла зима; по временамъ онъ былъ
Прилеженъ: могъ прочесть на память пѣсню
Изъ Иліады, а по временамъ
Не понималъ пустѣйшаго вопроса
И, озадаченный, глядѣлъ въ лицо
Учителя. Не оттого ли это,
Что иногда онъ въ классѣ потихоньку
Читалъ романы Виктора Гюго
Или баллады Шиллера. — Бесѣды
О прошломъ, о любви (насколько
Припоминаю) не было межъ нами,
И было для меня покрыто мракомъ
То, что таилось у него въ душѣ.
Но — помню я — на Святкахъ, въ поздній вечеръ
Сажу я у него на сундукъ

И, при мерцаніи одной лампадки,
 Съ нимъ весело бесѣдую...—«Скажи,
 Любезнѣйшій мой другъ, куда ты это
 Въ началѣ августа утекъ изъ дома
 Такъ, что отсутствіемъ своимъ и мать,
 И няню, и весь домъ обезпокоилъ?
 Никто понять не могъ, зачѣмъ, кому
 Ты далъ обѣтъ сходить на богомолье?
 Чтò за обѣтъ? И по какой такой
 Особенной причинѣ?»

— «Такъ, безъ всякой

Особенной причины: блажь наша...
 Хотѣлось мнѣ куда-нибудь подальше
 Уйти отъ васъ... И, право, я не каюсь.
 Вѣдь жизнь бродячая меня невольнò
 Заставила подумать кой о чемъ,
 И поэтическихъ не мало впечатлѣній
 Я вынесъ изъ моей бродячей жизни.
 Не разъ при звѣздномъ небѣ темной ночью
 На поворотѣ въ темный паркъ стоялъ я,
 Усталый отъ ходьбы... и, признаюсь,
 Боялся подойти къ усадьбѣ; тамъ...
 Кто знаетъ?.. черти или люди?.. Или
 За нищаго меня лакеи примуть,
 Или собаки подлу изорвутъ...

А мнѣ изъ-за кустовъ, дубовъ и кленовъ
 Привѣтливо мигаютъ огоньки,
 И звуки музыки какъ бы издалека
 Приносятся, и слышенъ голосъ женскій,
 И забывается усталость... вѣтъ
 Поэзіей... а недалеко — проза:
 Рядъ курныхъ избъ, невѣжество и ругань,
 Мозолистыя руки, черствый хлѣбъ,
 Клочья и тараканы... Разъ, случилось,
 Садовникъ-старичокъ засталъ меня
 У садовой калитки на скамьѣ,
 И разспросилъ, и сжалился; и вотъ,
 Пока всю ночь въ курятникѣ отъ воровъ
 Онъ яблони господскія стерегъ,
 Съ мѣшкомъ подъ головой и на рогожѣ
 Я спалъ въ его дощатомъ шалашѣ,
 Спалъ, какъ убитый, не подозрѣвая,
 Чтò угрожаетъ, въ случаѣ пропажи
 Незрѣлыхъ яблоковъ, тому, кто далъ
 Мнѣ, барченку, пріютъ въ своемъ углѣ
 И спасъ меня отъ ливня... Иногда,
 Бесѣдуя съ дворовыми, я слушалъ,
 Какіе господа у нихъ... Случалось
 И въ курныхъ избахъ ночевать, и даже
 Укачивать ногой ребенка въ люлькѣ,

Подвѣшенной къ полатымъ. Разъ, въ чуланъ,
 Старушка-ключница, чтобъ разузнать,
 Откуда я и почему скитаюсь,
 Какъ оглашенный, — угостила: мѣдный
 Кофейникъ привнесла и сливки въ чайной чашкѣ,
 И вкусными лепешками снабдила
 Дорожный мой мѣшокъ. Она, кума
 Дворецкаго и тетка поваренка,
 Должно быть, по чутью уже смекала,
 Что родился я не въ избѣ крестьянской,
 И не на барской кухнѣ, и вздыхала,
 И охала, что сирота я бѣдный,
 И что безъ денегъ врядъ-ли до родныхъ
 Дойду я и вернусь назадъ къ началу
 Уроковъ. «Далеко, дескать, они
 Живутъ. Не шутка триста верстъ
 Итти безъ гроша... Господи помилуй!»
 И сердобольная старуха не шутя
 Тревожилась, какъ приметъ сироту
 Спесивая родня, коли увидить,
 Что я и не причесанъ, и хожу
 Въ нечищенныхъ сапожкахъ. «Хочешь»,
 Она мнѣ предлагала, «принесу
 Я ваксы и тебѣ почищу сапоги?..»
 Я, разумѣется, ей не далъ ваксить

Своихъ истоптанныхъ сапогъ...

Не разъ

Встрѣчалъ я около одной усадьбы
 На скакунѣ лихую амазонку,
 Блондинку, съ локономъ изъ-подъ цилиндра,
 Съ откинутымъ назадъ вуалемъ, или
 Сопровождаемую кавалькадой, или
 Вдвоемъ съ однимъ и тѣмъ же франтомъ... Помню,
 Слѣдя за ними издали, я видѣлъ,
 Какъ, сдерживая лошадей, они
 Съ проселка заворачивали въ лѣсъ
 И пропадали... Разъ, одинъ помѣщикъ,
 Въ зеленомъ картузѣ, въ очкахъ и пьяный,
 Чуть-чуть было меня не подстрѣлилъ
 Утиной дробью, а потомъ, по-дѣтски
 Расхотавшись, вынудилъ меня
 Сквозь горло пропустить какой-то жгучій
 Напитокъ, что-то въ родѣ звѣробойной
 Настойки, и при этомъ закричалъ:
 «Да здравствуетъ наука!..» Разъ одна
 Молодка, у которой мужу лобъ
 Забрили, приняла во мнѣ участие
 И уложила на свою кровать
 Съ высокими подушками; а ночью
 Пришла и просить дать и ей мѣстечко.

Я уступилъ ей мѣсто и ушелъ.
 Тутъ, на дворѣ, соломы ворохъ я
 Нашупалъ и въ потемкахъ, подъ навѣсомъ,
 Дрожалъ всю ночь, какъ въ лихорадкѣ; зубы
 Стучали не отъ холода и страха,
 А самъ не знаю отъ чего; быть можетъ,
 Лукавый бѣсъ мутилъ... Когда же
 Поутру я пошелъ за салогами,
 Моя хозяйка, баба молодая,
 Дебелая, уже мела пѣбу,
 И на меня косплась исподлобья,
 И что-то бормотала...

Я спѣша

И задыхаясь, процѣдилъ сквозь зубы:
 «Спасибо за ночлегъ», надѣлъ фуражку
 И вновь побрелъ, куда глаза глядятъ.
 Неужели, я думалъ, мѣръ грѣшнѣе,
 Чѣмъ мы съ тобой?..»

XVI.

Завидно было мнѣ

Все это слушать. Или чудаки
 Мечтатели живутъ особой жизнью,
 Пока они еще не отравили

Своей мечты страстями и порокомъ?
 Вадимъ же и не думалъ похваляться
 Ни цѣломудріемъ своимъ, ни мужкой
 Своей борьбы съ лукавымъ искушеньемъ:
 Онъ просто измѣнить боялся чистой
 Любви своей къ невѣдомой ему
 Красавицѣ, боялся идеаль,
 Который онъ носилъ въ своей душѣ,
 Запачкать грязью—и, конечно,
 Его рѣчамъ вполнѣ и вѣрилъ; но
 Мнѣ все-таки дразнить его хотѣлось.
 — «Да, говори!..» шутилъ я, «а зачѣмъ
 Всю зиму, каждый праздникъ, по церквамъ
 Ты шляешься: то у Ильи Пророка,
 То у Николы, то идешь въ соборъ...
 Должно быть, на себя эпитимью
 Ты наложилъ, замаливаешь грѣхъ?..»
 — «О да, кто знаетъ?» молвилъ онъ, «быть можетъ,
 И я грѣшу нечистымъ помышленьемъ;
 Недаромъ же я, словно окаянный,
 Нигдѣ не нахожу себѣ покоя.
 Бывало, пѣвчихъ слушать я любилъ;
 Теперь и слушаю—а все меня
 Куда-то тянетъ... Каждое движенье
 Въ молящейся толгѣ иль просто шорохъ

Меня уже невольно какъ бы нудить
 Растерянно глазѣть по сторонамъ...
 Скажи, куда дѣвалась красота?
 И если есть она на бѣломъ свѣтѣ,
 Зачѣмъ она скрывается, какъ кладъ,
 Зарытый въ землю скрягой? отчего,
 Куда я ни гляжу, нигдѣ не вижу
 Божественнаго образа? Вотъ вы
 Влюбляетесь... и знаю я, въ кого...
 И что же?.. развѣ это красота?..»
 Тутъ я не вытерпѣлъ—спросилъ Вадима:
 Ужели онъ, при всемъ своемъ блужданьи
 Кругомъ да около, нигдѣ не встрѣтилъ
 Той дѣвушки?..

— «Ни разу», оборвалъ онъ,
 «Нигдѣ, ни разу!.. Не напоминай!..»
 Смѣясь, я заглянулъ ему въ лицо,
 А онъ поникъ и опустилъ рѣсницы.
 Мы помолчали...

— «А княжну я видѣлъ»,
 Вдругъ онъ проговорилъ, какъ бы очнувшись,
 «Ту самую княжну, что, помнишь,
 Когда я въ лихорадочномъ бреду
 Стоялъ передъ развалиной и грезилъ?..»
 — «Неужели?..»

— «Ну да... не на-яву, конечно,
 Во снѣ... но это было такъ же ясно,
 Какъ на-яву. Мнѣ снился, братецъ мой,
 Какой-то тихій, лѣтній вечеръ; далеко
 Распространялись сумерки; заря
 Изъ-за рѣки румянила туманъ,
 И всеобщая отошла въ монастырѣ.
 Монахи вышли въ черныхъ клобукахъ,
 Къ нимъ подкатили тройки, и они
 Въ какія-то телѣги шумно сѣли
 И съ колокольчиками укатили...
 Но хоть они меня и звали, я
 Остался и, въ досадѣ на кого-то,
 Попалъ на монастырское кладбище.
 Иду, жду мѣсяца изъ-за тумана;
 Но нѣтъ ни мѣсяца, ни звѣздъ; одна
 Вдали лампадка свѣтитъ. Вдругъ, направо
 Отъ узенькой тропинки, мелкимъ щебнемъ
 Посыпанной, я вижу надъ могилой,
 Или надъ черною, разрытой ямой,
 Поникла дѣвушка. Она стоитъ
 Ко мнѣ спиною такъ, что, мнѣ не видно
 Ея лица; одну ея повязку
 На головѣ, да косу я замѣтилъ,
 И тотчасъ же во снѣ подумалъ: «Ахъ,

Нельзя ли избѣжать мнѣ этой встрѣчи!..
 Зачѣмъ она?» Я угадалъ чутьемъ,
 Какая это дѣвушка... она—
 Та самая, которая въ бреду
 Мнѣ грезилась въ окнѣ кирпичной
 Развалины... И странно, почему-то
 Я и во снѣ впочуть не сомнѣвался,
 Что это—не живое существо,
 Что это—призракъ. Сердце у меня,
 Какъ говорятъ, захолонуло; тайный ужасъ
 Подсказывалъ: «Бѣги, бѣги, пока
 Она не обернулась»...

Но она

Вдругъ повернула голову и тихо
 Проговорила: «Это ты, мой мальчикъ?»
 Я такъ и замеръ; слышу въ тишинѣ,
 Уже знакомый мнѣ, пѣвучій голосъ,
 И нѣжно-ласковый, и горькій... вижу,
 Она меня рукою манить и лепечетъ:
 «Ужь я ждала, ждала тебя, мой милый!
 И ждать устала!»

Я перекрестился.

Стою и слушаю:

— «Женихъ мой палъ

На Куликовомъ полѣ, палъ въ бою

Съ татарами... вернулся мой отецъ—
 И не нашель меня... придуть баскаки—
 И тоже не найдуть: я схоронилась,—
 Да и тебя сумью схоронить...»

Отъ этихъ словъ, признаться, у меня
 Колючій холодъ пробѣжалъ по тѣлу.

А я, какъ заколдованный, стою

И слушаю...

— Пока жила я, мнѣ любить хотѣлось.

Богъ не привель, и злые люди

Не захотѣли... я жила одна

У бабушки въ высококомъ терему

И ныла сердцемъ; не съ кѣмъ было

И подѣлиться мнѣ мятежнымъ горемъ.

И я ушла... и спряталась. Никто

И не замѣтитъ, какъ сойдемся

Мы въ темнотѣ; никто насъ не осудитъ:

Ни Богъ, ни злые люди. Я люблю

Тебя, мой ненаглядный, мой желанный...

И въ тѣснотѣ намъ сладко будетъ спать,

И до людей намъ дѣла нѣтъ. Ты—мой,

Навѣки мой!..»

И очутился я

Отъ этой страшной дѣвушки такъ близко,

Что я уже не могъ не ощущать

Ея неровнаго дыханья на своемъ
 Испуганномъ лицѣ. Она дрожить
 Отъ радости и страстнаго порыва,
 И задыхается, и ужъ не говорить—
 Бормочетъ что-то... Стрые, большіе
 Ея глаза горять; она руками
 Охватываетъ станъ мой и влечетъ
 Въ то темное пространство, что зянетъ
 У самыхъ нашихъ ногъ. Я вырываюсь—
 И не могу освободиться...

Няня

Услышала мой стонъ; изъ коридора
 Вошла ко мнѣ, перекрестила.

Я

Узналъ ее не скоро; но очнулся
 И поднялъ голову. Вотъ какъ я видѣлъ
 Мою княжну».

— «Эхъ!», выслушавъ его,
 Подумалъ я, «не сочинилъ ли ты
 Свой сонъ? Рассказываешь такъ красно,
 Какъ будто ты и могъ припомнить все,
 Что слышалъ ты во снѣ!»

Мы помолчали.

— «Все это—пустяки», сказалъ я наконецъ,
 «Глупѣйшій кошмаръ! Гроша не стоитъ

Въ сравненъи съ тѣмъ, что испыталъ ты,
 Когда блуждалъ по нашему уѣзду».
 — «Неужели», сказалъ онъ, на прощанье
 Пожавъ мнѣ руку, «этотъ глупый сонъ—
 Безъ всякаго, безъ всякаго значенья?»
 — «Безъ всякаго», сказалъ я, и ушелъ.

XVII.

Смѣшонъ мечтатель мой, исколесившій,
 Быть можетъ, сотни верстъ, пѣшкомъ, безъ денегъ
 И безъ спутника, съ одной надеждой
 Не нынче—завтра, гдѣ-нибудь, случайно
 Увидѣть ту, чья красота глубоко,
 Какъ знойный лучъ, въ его проникла сердце.
 Вѣдь онъ пошелъ на поиски за ней
 Не для того, чтобъ ей въ любви признаться,
 Не для того, чтобъ ею обладать,
 А для того, чтобъ видѣть—только видѣть,
 И насладиться этимъ лицезрѣнемъ,
 Какъ наслаждаются святые старцы
 Или аскеты, созерцаая образъ
 Мадонны—ликъ небесной красоты,
 Что озаряетъ тихимъ свѣтомъ ихъ
 Молитвами прославленную келью.

Онъ вѣрилъ, что на свѣтѣ существуетъ
 Божественная дѣвушка, и вѣрилъ,
 Что за ея свободу онъ готовъ
 Идти въ огонь и въ воду. Стихъ его,
 Небрежный и подчасъ неловкій, сталъ
 Пѣвучѣе, и я, его суды
 Неопытный и даже, можетъ-быть,
 Пристрастно-невзыскательный, ему
 Пророчилъ славу. Что такое слава—
 Онъ понималъ по-своему. Быть-можетъ,
 Подъ этимъ словомъ мой неисправимый
 Мечтатель разумѣлъ триумфъ Торквато
 Или Петрарки... можетъ-быть, ему
 И снился русскій Капитолій...

. . . . .

Но

Будь живъ онъ, какъ бы измѣнился онъ!
 Изъ зла и блага, изъ противорѣчій
 Того, чего онъ ждалъ и не дождался,
 Какую-бъ онъ блистательную соткалъ
 Одежду для своей тревожной Музы!..
 И эта Муза намъ была-бъ родная...
 Но онъ не вынесъ ихъ—противорѣчій этихъ...
 И первый безпощадно нанесенный

Ударъ его мечтательному сердцу
 Былъ для него ударомъ роковымъ.

XVIII.

Захаръ Кузьмичъ куда-то ступевался,
 И разнеслась по городу молва,
 Что нашъ Кузьмичъ у своего отца
 Завѣтный ключъ похитилъ, и старикъ,
 Съ отчаянья рехнувшись, въ тотъ же день
 Повѣсился надъ сундукомъ въ чуланѣ.
 А въ томъ окованномъ въ желѣзо сундукѣ,
 Когда его раскрыли, оказалось
 Не мало золота, серебряныхъ рублей,
 Полтинниковъ, грошей и ассигнацій.
 Наслѣдника поздравили—и дѣло
 Объ удавившемся отцѣ замяли.
 Но, говорятъ, Захаръ Кузьмичъ усталъ
 Отъ всяческихъ хлопотъ и забѣганій.
 — «А что?» я помню, спрашивалъ Вадимъ:
 «Разбогатѣвъ, Метелкинъ отслужилъ ли
 Молебень благодарственный за то,
 Что уморилъ отца, иль панафиду
 Ведѣлъ отпѣтъ какъ лицемѣръ, сутяга

И подлый трусь?»

— «Жаль», говорила

Кирилина, его родная мама,
 «Жаль, что Захаръ Кузьмичъ давненько
 Къ намъ не заглядываль: забыль про насъ...
 Ей было жаль Захара Кузьмича
 Не потому-ль, что этотъ балагуръ
 Умѣль ее и посмѣшить, умѣль
 И сострадательное сердце въ ней
 Затронуть, даже клялся ей однажды
 Съ великимъ сокрушеніемъ, что взялъ
 Съ просителя за переписку просьбы
 Двугривенный: такъ онъ нуждался, бѣдный!
 А. можетъ быть, ей втайнѣ было жаль,
 Что некому хвалить ее стряпни...
 Пока отсутствовалъ Захаръ Кузьмичъ,
 Мы въ эту зиму часто собирались
 У самовара пожилой вдовы
 И пили чай у ней, и оглашали
 Ея уютно-тѣсный деревянный
 Домишко шумомъ нашихъ голосовъ
 И нашимъ хохотомъ. Одинъ Вадимъ
 Ни съ кѣмъ не спорилъ и не хохоталь;
 Зато, когда мы ночью расходились,
 Позднѣ всѣхъ гасилъ свою свѣчу,

И наполняя свои тетради бредомъ
Восторженно настроенной души.

XIX.

Все шло попрежнему, и не скажу,
Чтобъ время шло по-стариковски скоро.
Мы торопились жить, а дни за днями
Шли медленно, какъ будто намъ на зло,
Испытывая наше нетерпѣнье
Впервые бросить наши очаги,
Откочевать въ Москву и тамъ держать
Экзамены. Вадимъ давно мечталъ
О лекціяхъ (святилищемъ какимъ-то
Ему казался университетъ).
Но, сталъ я замѣчать, онъ какъ-то вдругъ
Поблѣкъ, осунулся, сталъ равнодушень
Къ ученю и къ задорнымъ островамъ
Своихъ товарищей, и я уже не могъ,
Никакъ не могъ его разговорить.
— «Ты боленъ?»—«Нѣтъ.»—«Страдаешь?»—
«Можетъ быть,
Не знаю.»—«Да кому же знать? Помилуй,
Ты страшно измѣнился.»—«Да?»—«Какая же
Причина?»..

— «Ахъ, отстань, я не могу...
 Дай мнѣ опомниться,—дай мнѣ очнуться»...
 — «А что ты пишешь?»—«Ничего»...

И точно,

Онъ пересталъ записывать свои
 Фантазіи; ложился рано спать,
 Не думалъ объ урокахъ. Апатія,
 Лѣнь двигаться и говорить нашла
 На этого исполненнаго жизни
 И трепета, и затаенной страсти
 Загадочнаго юношу... Онъ гаснулъ,
 И я, я это видѣлъ раньше, чѣмъ
 Его родные братья. Вдругъ отъ нихъ
 Я узнаю, что мой Вадимъ недавно
 Зашелъ къ Николѣ въ церковь, и зашелъ
 Туда въ веселомъ настроеніи духа,
 Случайно услыхавъ, что въ церкви свадьба,
 И что вѣнчается не кто иной,
 Какъ бывший ихъ домашній шутъ—Метелкянтъ.
 И—что за чудеса?—съ Вадимомъ въ церкви
 Случился обморокъ, и онъ, очнувшись
 На паперти, былъ блѣденъ, какъ мертвецъ,
 И, говорятъ, домой пришелъ подъ утро
 Въ спѣгу весь, такъ какъ ночью бушевала
 Февральская метелица, и легъ

Въ свою постель, не раздѣваясь.

Наконецъ

Я узнаю, что мой чудакъ несчастный
 Нашелъ ее, нашелъ свой идеаль,
 Свою красавицу... Она стояла,
 Вся бѣлая, подъ бѣлымъ покрываломъ
 И въ свадебномъ вѣнкѣ передъ налоемъ,
 Съ вѣнчальною свѣчой; а съ нею рядомъ
 Таковую же свѣчу держалъ Захарь
 Кузьмичъ, женихъ сегодня, завтра мужъ
 Или ея законный обладатель.
 И долго мой Вадимъ глазамъ не вѣрилъ:
 Все думалъ, что ему опять
 Проклятый снится сонъ и душить, душить,
 Какъ кошмаръ, и стискиваетъ сердце,
 Какъ бы желѣзными клещами. Но
 Дѣйствительность была неотразима:
 И эта пестрая толпа, и шафера,
 И дамы, и какой-то генераль
 Въ звѣздѣ и лентѣ—не могли ему
 Пригрезиться... Онъ чуть не вскрикнулъ.
 Все помутилось у него въ глазахъ,
 И обморокъ помогъ ему. Толпа
 Зашевелилась, оглянулся даже
 Захарь Кузьмичъ, но ничего не понялъ.

Вадима подняли, и онъ очнулся
 На паперти.

XX.

«Онъ и она...» Вотъ все,
 Чтò онъ твердилъ, усѣвшисъ на моей
 Кровати (я же сманилъ его
 Къ себѣ, чтобъ какъ-нибудь его по дружбѣ
 Развлечь и успокоить): «онъ, онъ и она!
 Какъ это сочетать? не постигаю!»
 Все мѣряя на свой аршинъ, на все
 Распространяя правоту свою,
 Онъ—бѣдный юноша—былъ возмущенъ—
 Такъ возмущенъ, какъ будто бы случилось
 И рѣдкое, невѣдомое свѣту
 Событіе, и злое святотатство!
 Какой позоръ! Красавица, за деньги,
 Вънчается съ безнравственнымъ уродомъ!—
 «Ахъ, знаешь ли?» онъ говорилъ мнѣ—словно
 Рыдалъ безъ слезъ: «вѣдь если-бъ увидалъ я,
 Что тутъ насилье, что она грустна,
 Истерзана, съ слѣдами на лицѣ
 Отъ слезъ и отъ бессонницы—не знаю,
 Чтò-бъ я надѣлалъ; я-бъ сошелъ съ ума,

Я вырвалъ бы изъ рукъ ея свѣчу,
 Я оттолкнулъ бы негодяя—эту
 Мышь въ бѣломъ галстукѣ... нѣтъ, жабу
 Въ перчаткахъ и въ зеленомъ вицъ-мундирѣ;
 И разумѣется, меня, безумца,
 Связали бы и въ сумасшедшій домъ
 Отправили. И что-жь! она была
 Свѣжа, спокойна, даже улыбалась...
 Да развѣ можетъ ангель улыбаться
 Въ когтяхъ у обезьяны?!

Улыбалась!..

Вотъ что мучительно!.. Пѣтъ, было-бъ легче
 Сойти съ ума!..» Такъ онъ негодовалъ...
 Но по какому праву могъ онъ такъ
 Негодовать?

Онъ не былъ съ ней знакомъ;

Она его не знала, и едва ли
 Подозрѣвала, что какой-то школьникъ
 Былъ пораженъ случайной съ нею встрѣчей
 И платонически въ нее влюбился.
 Она была свободна и могла
 Располагать своей рукой. Увы!
 Наивный юноша! Онъ слѣпо вѣрилъ
 Въ гармонію души и тѣла: думалъ,
 Что красота тѣлесная—не что иное,

Какъ форма внутренней, душевной
 Или духовной красоты; онъ былъ
 И не въ нее влюбленъ: онъ былъ влюбленъ
 Въ свой идеаль; въ ней обожалъ онъ
 Одно лишь совершенство, образъ Божій,
 И этотъ образъ Божій онъ носилъ
 Въ своей душѣ, и онъ мирилъ его
 Со всѣмъ земнымъ, обыденнымъ и пошлымъ.
 И что же? Какъ жестоко вдругъ наказанъ
 Его идеализмъ! Она—жена
 Захара Кузьмича! Извѣстный всѣмъ
 И взяточникъ, и лицемѣрный шутъ,
 Готовый изъ-за рюмки водки льстить
 И подличать,—отнынѣ властелинъ
 Ея небесныхъ прелестей! И чѣмъ
 Онъ могъ ее плѣнить? Конечно,
 Завѣтнымъ сундукомъ, куда скопилъ
 Копейками богатый вкладъ презрѣнный
 И жалкій скряга. Сразу такъ унасть
 Въ глазахъ его—не значило ли сразу
 Опустошить тотъ храмъ, гдѣ такъ недавно
 Она сияла и господствовала. Вотъ
 Въ чемъ главная разгадка, страшный смыслъ
 Его отчаянья, которому я былъ
 Свидѣтелемъ. Онъ былъ романтикъ,

Начитанный провинціалъ тридцатыхъ
Годовъ; а мы, друзья, почти въ концѣ
Желѣзнаго, на всѣхъ парахъ куда-то
(Не въ бездну ли?) несущагося вѣка,
Обходимся безъ всякихъ идеаловъ.
У насъ есть только замыслы о нашемъ
Благополучіи. И въ наши дни, конечно,
Не безъ мечтателей; и насъ мечты терзають—
Неотразимыя мечты, однимъ—
Подсказанныя голодомъ, другимъ—
Подсказанныя завистью иль жаждой
Богатства, роскоши и наслажденій.
Мы рады, если къ намъ благоволятъ
Жена пріятели, и чѣмъ въ ней меньше
Стыда и цѣломудрія, тѣмъ лучше.
Понятно, что Вадимъ бы насъ не понялъ,
Какъ мы его не понимаемъ. Онъ отсталъ...
Но все же я люблю его, и дорога
Мнѣ память о мечтателѣ моемъ
И сверстникѣ. Мнѣ жаль, что не достигъ онъ
Глубокой старости... Мнѣ было-бъ любопытно,
На чтѣ бы онъ истратилъ въ долги годы
Свой даръ, свои стремленья и порывы.
Теперь я знаю только, чѣмъ наполнилъ
Онъ мракъ и пустоту-своей такъ рано

Ограбленной души; не мертвой скукой
И не долбленіемъ уроковъ...

Чѣмъ же?

XXI.

Прошло какихъ-нибудь два мѣсяца—и вотъ,
Не знаю гдѣ, быть можетъ, у монаховъ
Сталъ доставать онъ книги въ стародавнихъ,
Источенныхъ червями переплетахъ,
Славянскія божественныя книги,
И сталъ учиться—иначе сказать,
Сталъ переучиваться. И не разъ
Я эти книги видѣлъ у него
И говорилъ ему: «да развѣ ты
Намѣренъ поступить въ монахи?» Я
Тогда не понималъ, чего онъ ищетъ.
А онъ искалъ иного идеала,
Иного подвига, не потому ли,
Что въ пустотѣ душевной и сердечной
Не могъ дышать...

Однажды, въ дни поста
Великаго, одинъ изъ нашихъ смирныхъ
Преподавателей, который трусилъ
Инспектора и никогда при немъ

Не нюхалъ табаку, боясь чихнуть
 И не найти платка въ своемъ карманѣ,
 Съ участиемъ обратясь къ Вадиму, молвилъ:
 — «За что вы обижаете себя—
 Такъ вяло учитесь?» Вадимъ привсталъ,
 Но не смутился. «Отъ того», сказалъ онъ,
 «Что ни Христосъ, ни ангелы, ни бѣсы
 Меня не спросятъ, зналъ ли я урокъ,
 Или—умѣю ли персводить
 Языческихъ повтовъ...»

— «Что за вздоръ!»

Отозвался учитель: «не для Бога
 И не для бѣса мы васъ учимъ: учимъ,
 Чтобъ вы могли экзамены намъ сдать
 И поступить въ студенты, если только
Туда васъ примутъ... Эге-ге! да какъ
 Вы похудѣли и осунулись! что съ вами?
 Еще, голубчикъ, вы вообразили,
 Что не сегодня—завтра вы помрете...
 А ну, какъ не помрете?—какъ тутъ быть?..
 Вадимъ потупился и ничего
 Не отвѣчалъ. Мы на него глядѣли
 И думали: «Какой онъ странный, этотъ
 Вадимъ Кирилинъ! Отчего бы это?..»

XXII.

Кирилина, какъ мать, одна изъ первыхъ
 Замѣтила, что сынъ ея хирѣеть
 И по ночамъ не спитъ, а днемъ
 Нѣтъ-нѣтъ да и приляжетъ на кровать.
 Она тревожилась: онъ жаловаться сталъ
 На головныя боли. Только братья
 Не обращали на него вниманья
 Или шутили: «Вотъ придетъ весна,
 И—отгуляется; не въ первый разъ
 Онъ лихорадкой боленъ и хандритъ.
 Не беспокойтесь, маменька!»

Однако

Она за докторомъ послала. Докторъ
 Былъ обрусѣвшій нѣмецъ, краснощекій,
 Дебелый и высокій, среднихъ лѣтъ
 Мужчина. Золотыя онъ носилъ
 Очки и руки мылъ одеколономъ;
 У нашихъ богачей онъ былъ въ ходу;
 Его любили и по вечерамъ
 Играли съ нимъ въ бостонъ и въ мушку
 И, разумѣется, не знали, что ученый
 Сей мужъ прописывалъ одинъ рецептъ

Отъ всѣхъ болѣзней (непомѣрно-длинный,
 Замысловато-сложный и, вдобавокъ,
 Ужасно не разборчивый рецептъ).
 Зато его лѣкарства отличались
 Разнообразіемъ цвѣтовъ и вкуса,
 Но это не мѣшало иногда
 И выздоравливать..

Предполагаю,
 Что и Вадиму тотъ же неизмѣнный
 Прописанъ былъ рецептъ. Почтенный докторъ
 Увѣрилъ мать, что это—пустяки,
 Что стоитъ мальчику немного пропотѣть,
 И все пройдетъ,—все, какъ рукою, сниметь.
 Затѣмъ онъ деньги положилъ въ карманъ,
 Съѣлъ въ собственныя дрожки и уѣхалъ.

XXIII.

Разъ я пошелъ къ больному утѣшать,
 Что скоро, скоро встанетъ онъ съ одра—
 Мы вылѣчимъ.

— «И хорошо», сказалъ онъ,
 «Я самъ желаю встать. И солнце свѣтить,
 И воробьи чирикаютъ съ утра,
 И голуби воркуютъ; стыдно мнѣ,

Что я лежу, ненужный никому,
 Разслабленный, съ глухой ломотой
 Въ груди и въ головѣ. Молиться даже
 Я не могу... мнѣ тяжело... то звонъ
 Въ ухахъ, то заволакиваетъ зрѣнье,
 И легче мнѣ съ закрытыми глазами».

— «Чтобъ быть здоровымъ, думай о здоровьи
 И позабудь ту свадьбу—помнишь?»

— «Помню,

И радъ, что помню... Умерло во мнѣ
 Все, чѣмъ дышаль я; а дышаль я тлѣномъ
 И суетою. Если встану я
 И вѣра мнѣ освѣтитъ путь мой—о!..
 Тогда я всемогущъ: и дикій звѣрь
 Пойдетъ со мною рядомъ—и не тронетъ;
 На ядовитую змѣю босой
 Ногою наступлю—и не ужалить...
 Въ трескучіе морозы выйду я
 Полураздѣтый—и не простужусь»...
 Я слушалъ, слушаль—наконецъ пожалъ
 Плечами и сказалъ: «Не понимаю».
 — «По вѣрѣ дастся вамъ»... добавилъ онъ
 Упавшимъ голосомъ и—замолчалъ.
 Безмолвствовать, съ закрытыми глазами
 Лежать, мечтать иль думать—вотъ чего

Ему хотѣлось, вотъ зачѣмъ такъ тихо,
 Такъ неохотно говорилъ онъ, взглядомъ
 Скользя по всеѣмъ предметамъ.

Мнѣ, признаться,
 Не нравилось мерцанье въ глубинѣ
 Его зрачковъ, жаръ тлѣющей души,
 Для насъ закрытой... Впрочемъ, мнѣ
 И не мерещилась возможность смерти.
 Я и не думалъ, что легко изъ жизни
 Быть вычеркнутымъ или навѣки стертымъ,
 Какъ съ ученической доски фигурка
 Пачерченная мѣломъ.

Думалъ я,
 Что смерть далеко, гдѣ-то за горами...
 Еще никто при мнѣ не умиралъ,
 Всѣ были живы...

XXIV.

Боже мой! Какимъ
 Инымъ его засталъ я на Страстной,
 Въ концѣ недѣли! Тихо улыбнувшись,
 Меня онъ встрѣтилъ, руку протянулъ
 Горячую, сухую...

Я заговорилъ

О томъ, какъ я говѣлъ и причастился,
Кого я въ церкви видѣлъ, и спросилъ:
«Ну, что? каковъ ты?»

— «Ничего... умру
Во вторникъ на Святой недѣлѣ утромъ»,
Съ спокойною увѣренностью, тихо
Проговорилъ онъ.

— «Пустяки, мой милый!
Кто это можетъ знать?»

Онъ улыбнулся—
И, право, я еще такой улыбки
Таинственной ни разу не видалъ
Ни на одномъ лицѣ. Онъ понялъ,
Что я словамъ его не довѣряю.
— «Неужели я лгу, лгу передъ смертью?»
Не безъ упрека ласково сказалъ онъ—
И ласково и строго: «Дай мнѣ слово,
Что никому—ни матери, ни братьямъ—
Ты ничего не скажешь... для чего
Мнѣ огорчать ихъ?.. пусть встрѣчаютъ
День Свѣтлаго Христова Воскресенья
Все такъ же весело и такъ же шумно,
Какъ въ прошлый годъ—и ты имъ виду
Не подавай, что на Святой, во вторникъ,
Поутру, около семи часовъ, меня не станетъ».

И, помолчавъ съ минуту, тѣмъ же слабымъ,
 Разбитымъ голосомъ онъ продолжалъ:
 — «Ну да, неужели я не повѣрю
 Навтію?.. вѣдь это благодать, такое
 Наитіе!.. Вѣдь это милость Божья
 Неизреченная!.. Я поздней ночью
 Съ закрытыми лежалъ глазами. Вдругъ
 Почувствовалъ, повѣяло въ лицо мнѣ
 Какъ бы невидимымъ крыломъ, и вотъ
 Послышалось мнѣ пѣнье... Долго думалъ,
 Не снится ли мнѣ это? Но ты знаешь,
 Во снѣ не задаютъ такихъ вопросовъ...
 Въ какомъ-то трепетномъ испугѣ я
 Слегка приподнялся,—слегка приподнялъ,
 Обѣими руками опираясь,
 Больную голову—и вѣрь ты мнѣ
 Или не вѣрь,—но какъ тебя я вижу,
 Такъ и *его* я видѣлъ. Свѣтлый весъ
 Въ святительской одеждѣ, подошелъ
 Ко мнѣ святой съ улыбкой благотворной
 И кроткимъ взглядомъ,—подошелъ къ измятой
 Моей постели и сказалъ: «Вадимъ!
 Да не смущается душа твоя:
 Преставишься ты на Святой недѣлѣ,
 Во вторникъ утромъ, около семи».

А тайну, что потомъ онъ мнѣ повѣдалъ
 И все, что отъ него узналъ я, мнѣ
 Онъ запретилъ, рассказывать... Да я...
 Я и не могъ бы... если-бъ и хотѣлъ...
 И такъ мнѣ было сладостно, что я,
 И самъ не знаю отчего, заплакалъ...
 А онъ, святой угодникъ Божій, мнѣ
 Свою десницу положилъ на грудь,
 Потомъ благословилъ и незамѣтно,
 Какъ бы на воздухъ поднимаясь, слился
 Съ лампаднымъ свѣтомъ. Комната моя
 Наполнилась благоуханьемъ...

Долго я

Не могъ заснуть... и горячо молился...
 Смотри же, никому ни слова! Я-жъ успѣю
 Послѣ святой заутрени со всѣми
 И похристосоваться... и съ тобой.
 Ты не забудь мнѣ принести яичко
 По прошлогоднему... безъ всякихъ вычуръ...
 Простое, красное яичко...—Приходи
 Разгавливаться... а теперь—прощай...
 Мнѣ легче, если я одинъ... а то...
 Приходить няня голосить... Старуха
 Предчувствуетъ... Мнѣ кажется, когда

Вокругъ меня никто не шевелится,
 Когда все тихо... легче мнѣ... прощай».

XXV.

И на другой же день, въ субботу, я
 Зашелъ къ нему (меня къ нему тянуло).
 На этотъ разъ его засталъ я спящимъ.
 Во снѣ онъ вздрагивалъ. У изголовья
 Сидѣла мать... Она была блѣдна.
 — «Что, лучше ли?» спросилъ я.—«И не знаю,
 Что вамъ сказать! Былъ докторъ; говорить,
 Что онъ черезъ недѣлю встанетъ—ничего
 Опаснаго онъ не находить... Посидите
 Съ моимъ голубчикомъ—за мной изъ кухни
 Два раза приходили—нужно пасху
 И куличи готовить. Нѣтъ минутки
 Свободной—праздники». Что дѣлать? Я,
 Чтобъ не будить больного, молча,
 Далъ жестомъ ей понять—дескать, останусь,
 Не безпокойтесь! Но едва успѣла
 Кирилина перешагнуть порогъ,
 Вадимъ раскрылъ глаза.—«А гдѣ же мама?»
 Спросилъ онъ. «Какъ я радъ однако,
 Что ты зашелъ... есть просьба. Въ понедѣльникъ

Ты обѣи товарищей моихъ
 И за меня скажи имъ, что Вадимъ
 Кирилинъ, умирая, просить ихъ
 По-христіански отпустить ему
 Невольныя и вольныя обиды.
 Потомъ зайди къ Метелкину Захару,
 И тоже попроси его—простить
 Меня за ненависть и за презрѣнье...
 За грубыя слова... за все, чѣмъ я
 Его по вольной волѣ раздражалъ...
 Авось простить!»

— «Ну, а его женѣ

Что мнѣ сказать?»

— «Женѣ? Какой женѣ?»

Онъ словно позабылъ и удивился,
 Что позабылъ... «Ахъ, да! но я не знаю...
 Я передъ ней ничѣмъ не виновать,
 И если осудилъ ее заочно,—каюсь...
 Да и она раскается, быть можетъ;
 Ей суждено, быть можетъ, испытанье,
 А я... я вмѣшиваюсь въ Божій промыслъ,
 Я смѣю возмущаться!..»

Онъ замолкъ

Минуты на двѣ, глядя съ сокрушеньемъ
 На образокъ, висѣвшій на стѣнѣ

Передъ его постелью... Наконецъ,
 Очнувшись, онъ проговорилъ:
 — «Ну, а съ домашними еще успѣю я
 Проститься...»

Боже мой! зачѣмъ,
 Къ чему мнѣ вадумалось его спросить:
 «А что сказать жень?..» Вѣдь это было
 Съ досады на него—зачѣмъ даетъ
 Онъ мнѣ такія порученья!—но
 Я, слава Богу, понялъ, что мои
 Всѣ доводы, и все, что я хотѣлъ
 Ему доказывать, все было-бъ глупо
 И даже неумѣстно. Развѣ могъ я
 Больного друга вызывать на споръ...
 Или сказать, что ни за что не стану
 Я у Метелкина просить прощенья?
 Съ тѣхъ поръ, какъ онъ набилъ свою мошну,
 Онъ и забылъ, что есть на бѣломъ свѣтѣ
 Какой-то мальчуганъ Вадимъ...

И наконецъ,
 Не дико ли, и даже не смѣшно ли
 Ловить товарищей и за Вадима
 Просить прощенья?.. Мы его любили,
 И никого изъ насъ онъ не обидѣлъ.
 Такъ, молча, думалъ я.

Затѣмъ, я помню,
 Что коридоромъ проскользнулъ я въ кухню,
 Гдѣ пахло сдобнымъ тѣстомъ и сандаломъ,
 Сказалъ хозяйкѣ, что Вадимъ заснулъ,
 И вышелъ.

Теплый день апрѣльскій
 Не разогналъ печальныхъ думъ моихъ.
 О! если умъ отказывался вѣрить
 Его словамъ,—ему я вѣрилъ сердцемъ,
 И чуть не плакалъ.

— Не умреть, небось!
 Я думалъ про себя.—Нѣтъ, непременно
 Умреть.—Посмотримъ! говорилъ я вслухъ.
 — А вотъ увидишь! говорилъ мнѣ
 Какой-то голосъ. Словомъ, я ушелъ
 Отъ бѣднаго Вадима, полный думъ
 И тягостныхъ предчувствій. Никому
 Я не сказалъ того, что услышалъ
 Изъ устъ его и, помню, въ первый день
 Святой недѣли, поутру, ему
 Гораздо было лучше: онъ сидѣлъ
 Въ своей постели, похристосовался съ няней,
 И съ братьями, и съ мамой, и со мной,
 И такъ спокойно-тихъ былъ, такъ привѣтливъ!
 Всѣмъ говорилъ, что никакнхъ тяжелыхъ,

Несносныхъ болей нѣтъ въ немъ... и Богъ знаетъ,
 Скрывалъ онъ эти боли, иль на время
 Онъ его покинули?.. Счастливецъ,
 Влюбленный въ смерть! онъ ждалъ ее,
 Какъ ждетъ стыдливый юноша свиданья
 Съ своей возлюбленной и собираетъ
 Всю силу воли, чтобъ не обнаружить
 Своей тревоги и не потревожить
 Ни матери, ни брата, ни прислуги.
 Все было весело, когда горѣли
 Четыре сальныхъ свѣчки на столѣ*),
 И всѣ мы ѣли пасху, пили кофе
 Со сливками и много говорили.
 И я болталъ... А все же иногда
 Сквозь этотъ смѣхъ и говоръ въ полусвѣтѣ
 Мнѣ видѣлась его улыбка, блескъ
 Мистическій его холодныхъ глазъ,
 Худыя руки, и не могъ забыть я:
 «Умру во вторникъ на Святой недѣль».
 Авось, я думалъ, не умретъ. Авось!

---

*) Въ то время стеариновыхъ свѣчей еще и въ поминѣ не было.

XXVI.

Во вторникъ я хотѣлъ проснуться рано,
 Но, къ моему отчаянью, заснулъ,
 Какъ богатырь убитый, и проспалъ
 До девяти... Проснувшись, торопливо
 Умылся и одѣлся... и пошелъ
 Къ Кирилинимъ. Еще надежда
 Меня не покидала. Я спѣшилъ,
 Чуть не бѣжалъ; но друга я засталъ
 Уже въ столовой (гдѣ мы разговлялись
 И шумно такъ встрѣчали праздникъ)—на столѣ!
 И странно было мнѣ такъ рано утромъ
 Найти въ ихъ тихомъ домикѣ такъ много
 Чужихъ, мнѣ незнакомыхъ лицъ. Тутъ были:
 Священникъ, за которымъ рано утромъ
 Послалъ покойный прочитатъ надъ нимъ
 Отходную, дьячокъ, гробовщики,
 Сосѣди.—Уставляли восковыя
 Большія свѣчи, тѣ, что принесли
 Изъ церкви; помню, темное кадило
 Уже дымилось и распространяло
 Знакомый запахъ ладана; окошки были
 Приподняты, и вѣтерокъ и солнце

Врывались въ комнату. Меня знобило.
Я, какъ растерянный, съ недоумѣньемъ
Глядѣлъ въ лицо усопшаго. Мнѣ не хотѣлось
И вѣрить, что онъ умеръ... спать, быть можетъ!..
И въ глубинѣ души я даже злился
На моего пріятеля—зачѣмъ
Онъ на столѣ?.. Заснулъ—и всѣхъ привелъ
Въ недоумѣнье!.. Вѣчно былъ гораздъ
На выдумки... и выдумалъ такую
Несообразность... Какъ все это глупо!..
Но вотъ вошла рыдающая мать,
И всѣ мои сомнѣнья разлетѣлись,
Какъ дымъ—и я уже сквозь слезы сталъ
Глядѣть на милаго, который всѣмъ
Намъ измѣнилъ и, не спросясь
Ни у кого, покинулъ насъ.—Вникая
Въ лицо его, я не видалъ страданья...
Оно такъ было ясно, такъ спокойно,
Такъ величаво-радостно, что стало
Мнѣ, юному сопернику его,
И грустно и завидно.—Боже мой!
Какой замѣтный слѣдъ въ его чертахъ
Оставила послѣдняя мечта,
Которую *туда* съ собой унесъ онъ
Въ обители невѣдомыя намъ...

Онъ умеръ, какъ святой, и встрѣтилъ смерть,
 Какъ дорогую гостью. Даже не вздохнулъ
 (Такъ говорили).

Къ десяти часамъ

Пришли товарищи, и тутъ я вспомнилъ
 Его завѣтъ... и молвилъ имъ: «Покойникъ,
 Прощаясь съ вами, просить васъ
 Простить его обиды»...

Могъ ли ждать я,

Что это самое, что мнѣ казалось страннымъ
 Или ненужнымъ, вдругъ произвело
 Такое дѣйствіе, что всѣ они
 Какъ бы оторопѣли; по щекамъ
 У нихъ скатилась слезы, словно
 Мои слова затронули ихъ совѣсть,
 И тотъ, кто на столѣ лежалъ, сложивъ
 На грудь свои безтрепетныя руки,
 Имъ почему-то сталъ еще дороже.

XXVII.

И помню я, какъ у воротъ несчастной
 Вдовы, колышась на вѣтру, явились
 Хоругви *), какъ былъ ясенъ вешній день,

*) Въ нашемъ городѣ былъ обычай умершихъ на Святой недѣлѣ хоронить съ хоругвями.

Какой торжественностью былъ обставленъ
 Нашъ похоронный путь въ то утро,
 Когда мы на рукахъ несли дубовый гробъ,
 И гимназическій нашъ хоръ протяжно
 Пѣлъ, заглушая дискантами хрипый
 Басъ регента; на улицахъ народъ
 Толпился; и, вообразите, даже
 Захаръ Метелкинъ съ молодой своей
 Женой подѣхалъ... Я не разглядѣлъ
 Лица красавицы подъ голубой
 Густой вуалью... Знала ли она
 Хоть что-нибудь? Конечно, ничего.
 Хотѣлось мнѣ къ Захару подойти
 И попросить прощенья за Вадима,
 Но не хватило духа...

Мой товарищъ

Похороненъ былъ тамъ же, гдѣ его
 Отецъ—въ двѣнадцати верстахъ, въ томъ самомъ
 Монастырѣ, куда любилъ ходить онъ,
 И гдѣ разыгрывались такъ чудесно
 Его фантази.

Никто мнѣ не повѣритъ,
 Но я и не прошу мнѣ вѣрить: близъ могилы

Наткнулся я на каменный обломокъ
 Плиты, съ сырмь пескомъ, къ нему прилипшимъ.
 Нагнувшись, сталъ я разбирать на немъ
 Истертую, изглаженную надпись,
 Старинную (Богъ вѣсть, какого вѣка),
 И только разобралъ одно: «*Княжна*»...

Все остальное было прочтено
 И стерто временемъ. Потомъ узналъ я,
 Что камень этотъ выбросилъ могильщикъ,
 Когда онъ рылъ могилу для Вадима.
 И вспомнился мнѣ дикій сонъ его,
 Который такъ мутилъ его рассудокъ.

Не мудрено, что мы по смерти часто,
 Сходя въ сырую землю, въ ней встрѣчаемъ
 Остатки праха позабытыхъ свѣтомъ
 Мужей и женъ, и бѣдныхъ, и богатыхъ,
 И нѣкогда могучихъ властелиновъ,
 И ихъ рабовъ смиренныхъ... ну, и что же?
 Неужели они намъ снятся, или
 Тревожатъ насъ?.. Нисколько. Неужели
 Вадимъ, какъ фантазеръ, былъ исключеньемъ?..
 Бываютъ ли такія исключенья?
 И если—да, то почему бываютъ?

. . . . .

Прости меня, Вадимъ, за эту повѣсть,
Такую неискусную, такую,
Быть можетъ, недостойную тебя!
Мечтателей иного склада и теперь
Не мало, но такихъ наивныхъ, чистыхъ
И фантастическихъ, какъ ты, едва ли
Найдется... Для меня ты былъ послѣдній,
Единственный. Миръ праху твоему!..

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
Куклы	1
Лѣсные чары.	50
Собаки	90
Правда и Кривда	282
Анна Галдина	328
Мечтатель	405

Алфавитный указатель

КО ВСЕМЪ ПЯТИ ТОМАМЪ.

А. А. Фету. II, 374.

Агарь. I, 231.

Агбарь. I, 119.

Аксакову, II. С. I, 265.

Аллегорія. II, 341.

Ангель. I, 7.

Андо, въ альбомъ. II, 380.

Анна Галдина. V, 328.

А. Н. Майкову. I, 291.

А. С. Пушкинъ. II, 312.

А. Ф. Марксу. III, 120.

Аспазіи (у). I, 251.

«Ахъ, какъ у насъ хорошо на балконѣ». I, 61.

Безпутный годъ. II, 233.

Безуміе горя. I, 341.

Библиографы. II, 22.

«Блаженъ, кому Господь...» (Въ альбомъ). I, 299.

«Блаженъ озлобленный поэтъ». II, 157.

Болгарка. II, 189.

Больной писатель. III, 131.

Борду. III, 88.

- Бранять. I, 401.
 Братья (изъ поэмы). III, 233.
 Бредъ. II, 97.
 Бѣглый. I, 346.
 Бѣлая ночь. I, 226.
 Бѣда проповѣдникъ. I, 14.
- Вавилонское столпотвореніе. I, 390.
 В. А. Жуковский. II, 324.
 Вакханка и Сатиръ. I, 412.
 Вальсъ «Лучъ надежды». I, 82.
 Вдова. III, 26.
 Весна. I, 196.
 Весталка. I, 170.
 Вечерніе огни. II, 326.
 Вечерній звонъ. III, 33.
 Вечерній звонъ. (Вариантъ) III, 35.
 Вечерь. I, 45.
 Видѣніе Османа. II, 241.
 «Вижу-ль я, какъ во храмъ»... I, 78.
 «Вложи свой мечъ»... II, 1.
 Влюбленный мѣсяцъ. I, 430.
 Внутренній голосъ. I, 267.
 Воспоминая. I, 207.
 «Вотъ и ночь»... III, 85.
 «Впередъ и впередъ! вся душа моя въ пламени». I, 428.
 Врагамъ правды. II, 17.
 «Враждою народовъ»... III, 102.

- Времени. I, 215.
 Встрѣча. (Вчера мы встрѣтились...) I, 4.
 Встрѣча. (Сто лѣтъ, сто зимь!...) II, 11.
 «Вчера священники служили въ ризахъ черныхъ»... I, 229.
 Въ альбомѣ Андо. II, 380.
 Въ альбомѣ. (Блаженъ, кому Господь...) I, 299.
 Въ альбомѣ К. III. (Писатель—если только онъ...) I, 383.
 «Въ гаремѣ брань и плачь... II, 285.
 Въ глуши. II, 83.
 Въ годину утраты. II, 295.
 Въ голодный годъ. III, 104.
 Въ городкѣ. II, 66.
 Въ гостинной. I, 3.
 Въ гостяхъ у Фета. III, 40.
 «Въ дни, когда надъ соннымъ моремъ»... II, 92.
 Въ дурную погоду. II, 90.
 Въ засуху. II, 394.
 Въ Имеретіи. I, 115.
Въ концѣ сороковыхъ годовъ. (Изъ поэмы «Братья»). III, 233.
 Въ маѣ 1867 г. I, 433.
 Въ наводненіе. II, 70.
 Въ нашъ вѣкъ. III, 3.
 Въ новомъ домѣ. III, 118.
 Въ осеннюю темь. III, 31.
 Въ потемкахъ. III, 114.
 Въ потерянномъ раю. II, 286.
 Въ приливѣ. II, 20.
 «Въ ребяческіе дни любилъ я край родной»... II, 73.
 Въ юбилей Фета. II, 442.

Въ саду. III, 115.
 Въ степи. II, 143.
 Въ телѣгѣ жизни. II, 182.
 Въ хвойномъ лѣсу. III, 407.
 Выборъ уста-баша. I, 135.
 Выжатые лимоны. III, 124.
 Вызовъ. I, 58.
 Вѣкъ. I, 438.
 «Вѣрь, не зиму любимъ мы»... III, 43.
 Вѣчный жидъ. II, 183.

Галдина, Анна. V, 328.
 «Гдѣ прежній твой восторгъ...» III, 99.
 Гипотеза. II, 260.
 Гитана. III, 45.
 «Глаза и умъ, и вся блестяшь ты...» II, 257.
 Г—ной, С. А., Кн. I, 162.
 Голодь. I, 468.
 Голось изъ-за могилы. III, 107.
 Горная дорога въ Грузиѣ. I, 102.
 Грезы. II, 191.
 Грибоѣдова, Н. А. II, 272.
 Грузинка. I, 144.
 Грузинская ночь. I, 100.
 Грузинская пѣсня. I, 99.

Давнишняя просьба. I, 379.
 Двадцать девятое января 1783—1883 г. I, 451.

Два жребія. II, 76.
 Двойникъ. I, 426.
 Двѣ фіалки (стихотвореніе въ прозѣ). II, 125.
 Деревенскій сонъ. III, 62.
 Диссонансъ. II, 58.
 Діамея. I, 5.
 «Для сердца вѣжнаго»... II, 373.
 Дни измѣнчивы. III, 82.
 Дорога. I, 1.
 Дубокъ. I, 164.
 Духъ вѣка. II, 216.
 Дѣтское геройство. I, 423.
 «Дѣтство вѣжное...» II, 355.

Е. А. Штакеншнейдеръ. I, 376.
 Елка. II, 148.
 «Есть рѣчи»... II, 120.

Жалобы музы. I, 443.
 Женщинѣ. I, 330.
 Живая статуя. III, 9.
 «Жизнь движется впередъ»... I, 202.
 Жницы. I, 6.
 Жуковский, В. А. II, 324.

Завѣтъ. II, 392.
 Загадка. III, 81.

За городомъ. I, 344.

Замогильный голосъ. II, 38.

Замѣтка. (Влюбленному понять...) III, 101.

Замѣтки. I, 422.

За непогрѣшимость. II, 5.

«Заплети свои темныя косы вѣнцомъ»... I, 406.

«Заря подь тучами взопла и загорѣлась»... II, 119.

Заступница. I, 133.

Затворица. I, 166.

Звѣзды. I, 264.

Зимній путь. I, 26.

Зимняя невѣста. I, 439.

Зимняя пѣсня русалокъ. II, 18.

Зимой въ каретѣ. II, 439.

«Зной, и все въ томительномъ покоѣ»... III, 41.

Золотой телець. II, 401.

«И въ праздности горе, и горе въ трудѣ»... I, 467.

Изъ Бурдильена. (Ночь смотреть тысячами глазъ...) II, 137.

Изъ драматической поэмы «Магометъ». I, 18.

Изъ Корана. I, 25.

Имеретинъ. I, 109.

Иная зима. I, 313.

Иногда. I, 305.

И. С. Аксакову. I, 265.

И. С. Тургеневу. II, 263.

«И я сынъ времени»... I, 50.

- Казачка. I, 309.
 Казимиръ Великій. II, 129.
 «Какое дѣло вамъ, счастливыцы...» II, 247.
 «Какъ скорлупу топчетъ птица...» II, 227.
 Караванъ. I, 149.
 Кассандра. III, 16.
 Кахетинцу. I, 117.
 Качка въ бурю. I, 180.
Келіотъ (поэма). IV, 20.
 Кн. С. А. Г—ной. I, 162.
 «Когда въ нашъ темный садъ...» III, 84.
 «Когда октава за октавой...» II, 82.
 «Когда я былъ въ неволѣ...» II, 9.
 Колокольчикъ. I, 253.
 Колыбель въ горахъ. II, 53.
 Концертъ. I, 289.
 Кораблики. II, 67.
 «Корабль пошелъ навстрѣчу...» I, 236.
 Костыль и тросточка (басня). II, 228.
 Крейцеровой Сонаты (послѣ чтенья). III, 69.
Кузнецъ Вакула. IV, 411.
Кузнецикъ-музыкантъ (поэма). III, 154.
Куклы. V, 1.
 Кумиръ. I, 46.
 Къ NN. I, 48.

 Лебедь. II, 396.
 Литературный врагъ. I, 419.
 Ломоносова, М. В. (Хандра и сонъ). I, 394.

Лорану, Н. И. II, 357.

Лунный свѣтъ. I, 43.

Лѣсныя чары (для дѣтскаго театра). V, 50.

«Лѣсъ». I, 203.

«Любови не боялась ты»... II, 366.

«Люблю, цѣню твои сомнѣнья»... III, 7.

«Любя колосевъ мягкій шорохъ»... II, 306.

Магометъ передъ омовеньемъ. I, 23.

Майкову, А. Н. I, 291.

Марксу, А. Ф. III, 120.

М. А. С—вой. I, 188.

Маска. I, 36.

Мельникъ. I, 371.

Мечтатель. V, 405.

Мими. (Поэма.) IV, 180.

Мишенька. IV, 1.

Міазмъ. II, 24.

Міровая ткань. II, 85.

Могилы въ лѣсу. II, 261.

«Мое сердце родникъ»... I, 255.

«Моей молоденькой сосѣдкѣ». I, 411.

«Мой умъ подавленъ былъ тоской»... II, 52.

Молитва. I, 269.

«Молчи, минутнаго покоя не тревожь»... II, 161.

Монологъ. III, 75.

Московскимъ торгашамъ. II, 328.

Моя судьба... I, 227.

Мраморное сердце. I, 76.

Муза. II, 123.

Музыка. II, 40.

На берегахъ Италіи. I, 300.

Нагорный ключъ. II, 171.

Н. А. Грибоѣдова. II, 272.

Надъ развалинами въ Имеретіи. I, 112.

На желѣзной дорогѣ. II, 47.

На Женевскомъ озерѣ. I, 297.

На закатѣ. II, 248.

Наивная жалоба. I, 168.

На искусствѣ. II, 258.

На каланчѣ. II, 347.

На кладбищѣ. I, 237.

На кораблѣ. I, 261.

На могилахъ. I, 53.

На мотивъ старой французской легенды. II, 410.

Напрасно. I, 408.

На пути. III, 2.

На пути изъ гостей. I, 217.

На пути изъ-за Кавказа. I, 185.

«На снѣжной равнинѣ». II, 399.

Натурщица. II, 282.

На улицахъ Парижа. II, 138.

На Черномъ морѣ. I, 256.

Наяды. I, 273.

Н. Г. Тройницкому. II, 321.

«Недавно ты изъ мрака вышелъ...» I, 306.

- Не жди... I, 107.
 Незвѣстность. I, 349.
 Некрасовъ (о), Н. А. II, 71.
 «Не мои-ли страсти...» I, 59.
 Неотвязная. III, 14.
 «Не то мучительно...» III, 42.
 Неучъ. IV, 348.
 Н. И. Лорану. II, 357.
 Ничто... III, 97.
 Нищій. I, 179.
 Н. Н. III, 37.
 Новой Лауръ. I, 176.
 Ночная дума. II, 159.
 Ночь въ горахъ Шотландіи. I, 54.
 Ночь въ Крыму. I, 234.
 Ночь въ Лѣтнемъ саду. III, 194.
 Ночь въ Сорренто. I, 302.
 Ночь на восточномъ берегу Чернаго моря. I, 163.
 Ночь. (Отчего я люблю...) I, 183.
 «Ночь смотреть тысячами глазъ...» (Изъ Бурдильена) II, 137.
 Ночью. (Чу! соловьи...) II, 337.
 «Нѣтъ, нѣтъ, не оттого признаньемъ медлю я...» I, 211.

 «О, Боже, Боже!» I, 10.
 Одному изъ дѣтей въ Парижѣ. I, 333.
 Одному изъ усталыхъ. I, 382.
 О П. А. Некрасовѣ. II, 71.
 Они. II, 389.
 «Онъ человѣкъ былъ и за правду расцѣпился». II, 246.

Опасеніе. II, 303.
 «О, подними свое чело». I, 34.
 Орель и голубка. II, 360.
 Орель и змѣя. I, 453.
 Отвѣтъ. III, 87.
 Откуда? II, 50.
 Отрочество. II, 164.
 «Оттого, что онъ вѣрить въ людей пересталъ...» III, 5.
 Очеркъ. II, 317.

Памяти Ѳ. И. Тютчева. II, 218.
 Первые шаги. I, 86.
 Передъ закрытой истиной. I, 241.
 Передъ отъѣздомъ. I, 288.
 Переходъ черезъ Нѣманъ. I, 80.
 «Писатель, если только онъ...» (Въ альбомъ К. Ш.) I, 388.
 Письма къ музѣ. II, 93.
 Письмо. I, 194.
 Плохой мертвецъ. I, 240.
 Новѣсть о Правдѣ и Кривдѣ. V, 282.
 «По горамъ двѣ хмурыхъ тучи...» I, 336.
 «Подойди ко мнѣ, старушка...» I, 271.
 Подросла. II, 413.
 Подслушанныя думы. III, 111.
 Подъ краснымъ крестомъ. II, 222.
 Поздніе годы. III, 1.
 Поздняя молодость. II, 307.
 Полярные льды. II, 74.
 Помѣшанная. II, 93.

- Послѣдній вздохъ. I, 339.
 Послѣдній выводъ. I, 213.
 Послѣдній разговоръ. I, 84.
 «Послѣ зимы и разлива весенняго...» III, 106.
 Послѣ праздника. I, 105.
 Послѣ чтенія Крейцеровой Сонаты. III, 69.
 «Посмотри, какая мгла...» I, 56.
 «По торжищамъ влача тяжелый крестъ поэта...» III, 6.
 Поцѣлуй. I, 410.
 Поэзія. II, 35.
 Поэту-гражданину. II, 87.
 Призракъ. III, 90.
 Примадоннѣ. I, 192.
 «Пришли и стали тѣни ночи...» I, 17.
 Прогулка по Тифлису. I, 87.
 Прометей. II, 318.
 Прости. I, 57.
 «Прости имъ...» II, 69.
 «Проходите толпою...» II, 339.
 Прощай! I, 177.
 Птичка. I, 60.
 «Пугливъ и чутокъ заякъ...» II, 406.
 Пустыя ножны. III, 108.
 «Пусть злая осень добила дождемъ...» II, 296.
 Пушкинъ, А. С. II, 312.
 Пчела. I, 214.
 Пѣсня. I, 307.
 Пѣсня цыганки. I, 205.
 15-го іюля 1888 г. II, 376.

«Развалину башни, жилище орла...» I, 79.

Разговоръ. II, 417.

«Разказать-ли тебѣ...» I, 385.

Разсказъ волнь. I, 38.

Ребенку. III, 121.

Ренегать. II, 195.

Родникъ. III, 79.

Роза и корни. III, 79.

Рознь. II, 115.

Рыбакъ (изъ Гете). I, 190.

Сатаръ. I, 143.

Саятъ-Нова. I, 131.

Сбѣжавшая больная. II, 237.

С—вой, М. А. (Гдѣ-бъ ни былъ стихъ, рожденный мной...) I, 188.

Свѣжее преданье. III, 311.

Свѣтлое Воскресенье. II, 369.

«Свѣтъ восходящихъ звѣздъ...» I, 210.

«Священный благовѣсть торжественно звучить...» I, 16.

Симеонъ, царь Болгарскій. II, 41.

«Слышу я, моей сосѣдки...» I, 437.

Слѣпой таперъ. II, 179.

Смерть малютки. I, 222.

Сны. I, 315.

Собаки. V, 90.

Современная идиллія. I, 455.

Солнце и мѣсяць. I, 12.

Соловьиная любовь. I, 278.

- Сонъ язычника. II, 250.
 Спирить. II, 220.
 Спустя 15 лѣтъ. I, 368.
 Среди хаоса. I, 416.
 Стансы. II, 391.
 Старая няня. II, 289.
 Старикъ. II, 330.
 Старые и новые духи. II, 61.
 Старый орелъ. I, 389.
 Старый Сазандаръ. I, 145.
 Статуя. I, 30.
 Стихотворенія въ прозѣ. II, 309.
 Струйка. II, 338.
 Сумасшедшій. I, 351.
 Сфинксъ. II, 300.
 «Съ колыбели мы какъ дѣти»... II, 343.
 Сѣрые годы. III, 116.

- Тамара и пѣвецъ ея Шота-Руставель I, 139.
 Татарка. I, 124.
 Татарскія пѣсни. I, 126.
 «Твой скромный видъ таитъ въ себѣ»... I, 465.
 Темный человѣкъ. II, 89.
 Тишь. I, 225.
 «То въ темную бездну, то въ свѣтлую бездну»... II, 344.
 «Томить предчувствіемъ»... II, 345.
 Тройницкому, Н. Г. II, 321.
 Труженица. II, 204.
 Туда! II, 199.

- Туманъ. I, 285.
 Тургенева (У гроба). II, 322.
 Тургеневу, И. С. II, 263.
 Тютчева, О. И. (Памяти). II, 218.
 Тютчеву, О. И. I, 404.
 Т—Ъ. (Все допытай, все узнай, моя милая...) I, 435.
 Тѣни. I, 75.
 Тѣни и сны. III, 38.
 «Тѣнь ангела прошла...» I, 276.
 Тяжелая минута. II, 141.
- У Аспазіи. I, 251.
 «Увидалъ изъ-за тучи утесъ»... II, 305.
 Увѣщанье. I, 328.
 У гроба Тургенева. II, 322.
 У двери. II, 383.
 «Уже надъ ельникомъ»... I, 41.
 Узникъ. I, 28.
 Умирающій. II, 331.
 У окна. II, 221.
 У Сатаны. III, 451.
 Утесъ. II, 175.
 Утрата. I, 286.
 Утро. I, 62.
 У храма. II, 363.
- Факирь. I, 64.
 Фантазіи бѣднаго малаго. I, 353.

Фантазія. II, 444.

Фета (Въ гостяхъ у). III, 40.

Фета (Въ юбилей). II, 442.

Фету, А. А. II, 374.

Финскій берегъ. I, 199.

Фрина. I, 362.

Жандра. I, 223.

Жандра и сонъ М. В. Ломоносова. I, 394.

Холодная любовь. II, 245.

Холодѣющая ночь. I, 281.

Хромой. (Съ Богомъ боролся во снѣ...) II, 121.

Хуторки. III, 53.

«Царство науки не знаетъ предѣла»... I, 262.

Царь-дѣвица. II, 201.

Цвѣтокъ. I, 9.

Чайка. I, 337.

Черногорскій ключъ. II, 408.

Чивита-Веккіа. I, 304.

«Чтобы пѣсня моя разлилась, какъ потокъ»... II, 156.

Что если? I, 407.

«Что за бѣда?» I, 436.

«Что мнѣ она?» II, 297.

«Что съ ней?» II, 166.

Шекспиру. I, 363.

Шиллера (Юбилей). I, 357.

Шиньонь. II, 30.

Штакеншнейдеръ, Е. А. I, 376.

Эротъ. II, 382.

Юбилей Шиллера. I, 357.

«Я врагами богатъ и друзьями». II, 453.

«Я красоты не разлюбилъ»... II, 271.

«Я-ль первый отойду изъ міра»... I, 335.

«Я не боюсь враговъ»... II, 128.

«Я умеръ и мой духъ умчался»... II, 299.

«Я—чадо природы»... III, 77.

«Я читаю книгу пѣсень»... I, 343.

Ө. И. Тютчеву. I, 404.

